

Текст взят с психологического сайта <http://www.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2000 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт www.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия./

АНДРЕЙ АНДРЕЕВ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2002

УДК 159.9 ББК88.4

Редактор *Марголина Н.Я.*

Андреев А.Л.

А 65   Политическая психология. М.: Издательство

«Весь Мир», 2002. - 240 с. - (Весь Мир Знаний).

ISBN 5-7777-0131-0

Предлагаемая вниманию читателя книга дает представление о предмете политической психологии. Каковы механизмы и закономерности формирования образов политической реальности? Как связаны политическое сознание и язык? Насколько сильно воздействует социально-историческая среда на политическую ориентацию людей? Эти и многие другие вопросы, касающиеся психологических аспектов политической деятельности и проблем лидерства, автор рассматривает, привлекая обширный фактический материал и новейшую литературу.

'ВУСЬ Мир Знаний' -зарегистрированный торговый знак Издательства «Весь Мир» (№ 180520 от 8.10.1999)

УДК 159.9 ББК **88.4**

ISBN 5-7777-0131-0

© Издательство «Весь Мир», 2002

Предисловие

Знакомство с любой наукой обычно начинается с определения ее предмета. Если речь идет о политической психологии, то можно сказать, что это наука о политике. Однако сразу же необходимо сделать уточнение. Политическая психология не охватывает, если так можно выразиться, «всей» политики. Существуют и другие политические науки, каждая из которых сосредоточена на каком-то одном, специфическом для нее аспекте этой сложной и многогранной сферы общественной жизни.

Политическая психология не занимается государственными институтами, соотношением реформ и революций, механизмами реализации суверенитета, конституциями или распределением властных полномочий. Ее предмет — *мысли и чувства человека, вовлеченного в политические процессы* (в том числе помимо его воли и желания). Политическая психология интересуется тем, как люди оценивают те или иные политические явления, на что они обращают внимание, а что не замечают или игнорируют, что определяет силу политических устремлений и их субъективную направленность, как в нашей душе 5

рождаются политические страсти и, наоборот, почему в некоторых случаях мы остаемся равнодушными к весьма серьезным политическим событиям.

На протяжении последнего десятилетия в российском обществе происходили глубокие качественные сдвиги. Изменились общественный строй и социальная структура, получили широкое распространение новые идеи и формы социальной жизнедеятельности. В ходе демократических реформ в нашу жизнь вошли незнакомые ранее политические понятия и явления: демократические ценности, свободные выборы, плюрализм, политическая конкуренция, многопартийность, PR-технологии и т.д.

Все это нашло отражение в политическом сознании и политическом поведении. Можно сказать, что модель политического устройства изменилась не только на уровне государственных институтов, но и на уровне человека. Поэтому современная политическая практика стимулирует огромный интерес к психологической стороне политики, которая раньше, в рамках догматов официальной идеологии, уповавшей на «объективные законы истории», явно недооценивалась и в должной мере не изучалась.

Философы и историки прошлого оставили нам немало проницательных психологических зарисовок, раскрывающих побуждения, чувства и мысли людей, «делающих» политику, и свидетельствующих о том, что причины многих политических событий надо искать в душевном состоянии человека. Однако это были именно зарисовки, случайные и отрывочные, они долгое время не складывались в какую-то целостную теорию. Выделение политиче-

ской психологии из общего комплекса знаний о политике началось во второй половине XIX века. Но лишь в 70-х годах следующего столетия (а в некоторых странах еще позже) происходит институци-онализация дисциплины: она включается в учебные планы, учреждается Международное общество политической психологии, начинают выходить специализированные журналы («Political Psychology» и «Political Behavior»). С конца 90-х годов курс политической психологии вводится в высших учебных заведениях России.

Однако становление политической психологии и как академической дисциплины, и как прикладной отрасли знаний отнюдь не завершилось. Процесс ее формирования продолжается, причем идет он на стыке сразу нескольких более «старых» дисциплин - политологии, общей психологии, социальной психологии и политической социологии. Не удивительно, что проблематика политической психологии до сих пор окончательно не определилась, и различные исследователи представляют ее по-разному. Многое, в частности, зависит от ракурса рассмотрения: «со стороны психологии» или «со стороны политики». Вот почему о каком-то единообразном, «каноническом» изложении политической психологии пока говорить рано. Вряд ли можно также в одной, сравнительно небольшой книге рассказать обо всем, что делают, над чем думают, о чем спорят специалисты в этой области. Задача, которую ставил перед собой автор, иная: систематизировать и разъяснить понятия и проблемы политической психологии, необходимые для того, чтобы ввести

читателя в курс дела и тем самым подготовить его к самостоятельному пополнению знаний.

Прежде всего мы рассмотрим, как в голове человека выстраивается модель той реальности, которую мы называем политикой, вследствие чего политика полагается внутри нас в качестве объекта различных психических функций, процессов и операций (восприятия, мышления, понимания, запоминания и пр.). Этой достаточно сложной проблеме посвящена глава 1 книги. Мир политики предстает перед человеком в виде некоторого «предметного поля», то есть структурно организованной совокупности отдельных объектов, принадлежащих им свойств и связывающих их отношений, в рамках которой могут быть выделены смысловые ориентиры жизнедеятельности. Из этой главы читатель узнает о связи образов политической реальности с языком, познакомится с методами, которые психологи используют для реконструкции базовых представлений о политике, тесно связанных с особенностями миропонимания того или иного индивида (группы людей).

Глава 2 вводит в мир понятий, раскрывающих психологию соотнесения личности с миром политики, — от уяснения самому себе собственной сущности («кто я такой?») до формирования психических механизмов целеполагания и образов желаемого (ценности и идеалы).

Рассмотрев отображение политики на уровне индивидуальной психики, для чего нам на время пришлось мысленно изолировать личность от широкого контекста социальных взаимодействий, по-

пытаемся поочередно включать эти взаимодействия в поле зрения, прослеживая, как они влияют на самоопределение человека в системе политических отношений. Начнем этот анализ с классической проблемы влияния социального положения человека на его политическое сознание и поведение. Различные точки зрения на эту проблему и эмпирические данные, характеризующие ее современное понимание, представлены читателю в главе 3. В следующей главе рассмотрены политико-психологические последствия объединения людей в большие случайные конгломераты - массы. И наконец, глава 5 посвящена национально-этническому фактору политической психологии, а более конкретно — вопросу о так называемом национальном менталитете и его проявлениях в политике.

Разобравшись в психологических аспектах объединения людей в общности, выступающие в качестве коллективных субъектов политики, мы на этой основе вновь обратимся к характеристике политической индивидуальности. Но теперь уже нас будет интересовать не «человек вообще», а личность особого типа, для которой политика становится средством самоутверждения или профессией. Иными словами, в заключительной главе 6 речь пойдет о политических деятелях. Читатель познакомится с современными теориями политического лидерства, с различными типами политиков, узнает о политико-психологических моделях «президентского характера». Здесь же затрагиваются психологические аспекты взаимоотношений между лидером, его окружением и массами, разбираются результаты экс-

периментов российских ученых, реконструировавших сложившиеся в массовом сознании образы (имиджи) российских политиков.

Разумеется, отбор материала для книги не может не содержать в себе элемента экспертной оценки, а значит, и субъективности. Тем не менее автор стремился ориентироваться не только на собственный опыт, но и на логическую связь между различными понятиями и проблемами политической психологии, на степень их разработанности, а также на то, каким политико-психологическим сюжетам в последнее время уделялось наибольшее внимание. Надеемся, что такой подход окажется удачным.

Глава I

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ

Чем руководствуется политический аналитик, вынося суждение о поведении различных участников политического процесса? Почти наверняка он ответит, что прежде всего пытается представить себе, как выглядят в глазах этих участников происходящие события или явления.

Поясним этот ответ на конкретном примере. Хотя бы на одном из хрестоматийных эпизодов русской политической истории, так поэтически описанном А.С. Пушкиным в «Полтаве».

Сюжетной основой поэмы, как известно, послужили события, связанные с заговором украинского гетмана Мазепы против Петра I. *Видя в русском царе притеснителя*, Мазепа и его сторонники присоединяются к воевавшему с Россией шведскому королю Карлу XII, которого они *рассматривают* чуть ли не как нового Александра Великого. Впоследствии, потерпев поражение, неудачливый гетман вынужден признать, что был *ослеплен*. Его взгляд на ситуацию меняется: теперь Петр становится *в его глазах* самодержавным великаном, а Карл — всего лишь воинственным бродягой. Однако, с другой стороны, 11

ослеплен был не только Мазепа. В полной мере это касается царских вельмож, да и самого царя: изменник *казался* им надежной опорой, и потому ему переслали разоблачительный донос Кочубея, погубив тем самым верных единству с Россией представителей украинского казачества. Наконец, *ослеплена* и влюбленная в Мазепу дочь Кочубея - красавица Мария. Мечтая увенчать гетмана царской короной, она одобряет его политическую интригу. Пройдет, однако, совсем немного времени, и тот самый Мазепа, которого она еще недавно *воспринимала* как героя, предстанет ее *взору* запятнанным кровью ее отца отвратительным стариком.

В этой предельно схематичной реконструкции пушкинского сюжета надо обратить внимание на выделенные курсивом слова. По сути дела, все они так или иначе указывают на то, что окружающая действительность и отдельные ее элементы даны человеку не сами по себе, а посредством их отображения в формах его внутренней психической жизни. Все объекты, с которыми мы имеем дело, существуют для нас в виде *образов этих объектов*. Каждый человек формирует некую субъективную картину действительности, в рамках которой он осознает самого себя и проектирует свою жизнедеятельность. В этом смысле можно сказать, что каждый из героев пушкинской поэмы живет в своем собственном мире. Однако все эти миры должны соотноситься с некоторой не зависящей от нас мерой объективности. Смутные или слишком искаженные образы («ослепление») становятся причиной неудач и могут привести к трагическому исходу.

мир-как-он-есть и мир-как-он-переживается связаны отношением *репрезентации*. Это означает, что через различные элементы внутреннего опыта и их сочетания человеку представлена (репрезентирована) объективная действительность, включая его самого как содержание самосознания и предмет наблюдения.

Хотя окружающая действительность репрезентирована каждому человеку в отдельности, формирование общей картины мира и «прорисовка» ее деталей осуществляются коллективно. В процессе общения вырабатываются единые для всех или для многих типовые понятия и представления, благодаря которым, собственно, люди и понимают друг друга.

Репрезентация предполагает осмысленное запоминание, а также формирование «матриц узнавания» - своего рода «сетки», позволяющей расчленив общий поток идущих извне впечатлений и внутренних ощущений на относительно устойчивые сегменты и определенным образом идентифицировать их как объекты волевого воздействия и операциональные единицы умственных действий. Например, мы можем видеть книгу в разных ракурсах, которым соответствуют различные зрительные проекции на сетчатке глаза, но всегда понимаем, что это один и тот же предмет и что это именно книга, а не, допустим, прямоугольная коробка.

Репрезентирующие образы наглядны, конкретны и несут в себе эмоциональное начало непосредственного переживания действительности. Однако важнее всего то, что психологически они локализу-

ются вне человека и выступают для него не как образы действительности, а как «сама действительность». Это принципиально отличает репрезентирующие - *первичные*, исходные - образы от образов вторичных, производных, например от научных гипотез, художественных фантазий или политических теорий, которые не отождествляются с действительностью как таковой, а служат ее описанием, объяснением, моделью.

В свете приведенных пояснений поставленный в начале главы практический вопрос, который был адресован политическому аналитику, может быть сформулирован как *проблема психологической репрезентации политики*.

Рассуждая о реальностях политической жизни, обычно выделяют два основных элемента - сами реальности и относящиеся к ним оценки и мнения. Например: политическая партия и мнения различных людей по поводу того, надо ли голосовать за эту партию. Однако, если присмотреться внимательнее, мы обнаружим здесь не два, а три элемента: саму партию как некое объективно существующее, репрезентирующий эту партию обобщенный образ и *уже затем* те самые мнения («голосовать - не голосовать»), которые так интересуют политиков, политических аналитиков и журналистов. При этом конкретные оценки тех или иных действий данной партии вытекают из характера репрезентации. Скажем, поддержку британскими тори иммиграционного законодательства, которое многие в стране оценивают как расистское, можно интерпретировать по-разному, в зависимости от того, какой исходный

образ Консервативной партии принят. Если, к примеру, человек считает, что в основе консерватизма лежат принципы гуманизма, но в последнее время в партию влилось много праворадикальных элементов, он, наверняка, отделит дискриминацию иммигрантов от «истинной сущности» консерватизма, объясняя ее чисто ситуативной уступкой правым радикалам. Однако для многих англичан, связывающих торизм в первую очередь с национализмом, поддержка консерваторами иммиграционного законодательства будет представляться естественным проявлением их внутренней сути.

«Всякое актуальное воздействие, - писал один из крупнейших представителей отечественной психологии А.Н. Леонтьев, - вписывается в образ мира». Благодаря этому всякий предмет или явление в репрезентирующем его восприятии не складывается из «сторон», а непосредственно «схватывается» в форме целостного представления, выступая для нас как «единое непрерывное»¹. Исходя из этого, можно утверждать, что такой специфический предмет, как политика, также репрезентирован нам в виде некоторой общей картины, в рамках которой осмысливаются и оцениваются в их взаимной связи, отдельные политические события, факты, процессы и объекты. На это и рядовой гражданин, и действующий политик, и политический аналитик в один голос могут возразить, утверждая, что никогда не имеют дела с «миром политики» как таковым. Проблемы, которые возникают перед каждым из них, обычно обусловлены конкретными политическими ситуа-

циями. Однако, если присмотреться внимательнее, нетрудно заметить, что никакая политическая ситуация не может быть представлена сама по себе. Скажем, для того чтобы объяснить отношение той или иной партии к проекту Земельного кодекса или к налоговому законодательству, необходимо учитывать не только взгляды и настроения ее руководителей и сторонников, но и позиции политических конкурентов, общие тенденции развития политических процессов, историю данного вопроса, а может быть, даже и исторический путь страны в целом. Политические стратегии, действия отдельных политиков, разнообразные политические проблемы, суть и последствия различных политических решений всегда интерпретируются именно в таком широком контексте. Их оценка носит обычно сугубо реляционный характер, то есть она определяется всей совокупностью взаимных отношений, образующих данный контекст элементов. Изменится контекст - и тот же самый вопрос, возможно, получит совершенно иное звучание. Интегральный образ политической реальности (мир политики) психологически может быть истолкован как *структура понимания* или, если угодно, как своего рода контурная карта, на которую наносятся условные знаки конкретных объектов. Карта сама по себе ничего не говорит о том, в какой ее точке надо разместить тот или иной объект, но она задает общую форму пространственной связи всех возможных объектов. Понятно, что для политической психологии очень важно научиться реконструировать такие

«карты» по тем или иным объективно наблюдаемым реакциям и особенностям поведения. Однако это одна из самых сложных задач, какие только существуют в гуманитарном познании.

Научный интерес к проблеме репрезентации и картинам мира сформировался в середине XIX века. Но в политическую теорию реконструкция базисных моделей мировосприятия как особого рода проблема стала входить позже - под влиянием тех принципиальных изменений общественной жизни, которые в той или иной форме происходили во всех ведущих странах мира во второй половине XIX - в начале XX века.

Пока политика оставалась «занятием джентльменов», потребность в такой реконструкции не возникала, и сама проблема, в сущности, не могла быть осознана, потому что весь политически дееспособный слой общества ориентировался на одни и те же культурные образцы. Идейные расхождения между его представителями могли доходить до антагонизма, но социально-психологический анализ, как правило, обнаруживает под этими расхождениями глубинный пласт общих представлений и форм мышления.

Ситуация начала меняться по мере того, как политические права стали предоставляться другим слоям населения с совершенно иным социокультурным опытом, а значит, с плохо понятными «образованному обществу» ценностями и мировосприятием. Политическая практика очень скоро показала, что это обстоятельство имеет самые серьезные последствия. Во всяком случае, его непонимание или недооценка способны уничтожить самые тонкие политические расчеты.

Вспомним, к примеру, знаменитую столыпинскую реформу. Очень рациональная в экономическом отношении, прекрасно задуманная сточки зрения обновления социальной опоры власти, осуществляемая способным и энергичным министром, она провалилась из-за того, что не была принята деревней как «своя». Не будем повторять в этой связи расхожие штампы о стремлении народа свергнуть прогнившее самодержавие. На самом деле крестьянство и значительная часть городских низов в то время все еще вполне лояльно относились к царской власти. Но как объяснить мужику смысл частной собственности на землю, если он с рождения убежден, что «земля Божья»?

Между тем на рубеже XIX и XX веков в политической мысли уже встречаются попытки анализа картин мира, на базе которых формировалось политическое сознание различных слоев населения. Они принадлежат, в частности, такому крупнейшему политику, как В.И. Ленин.

Интересно, что данные сюжеты возникают в ленинских работах в совершенно определенных контекстах, прежде всего в ходе анализа «нелогичных» форм политического поведения. Это наталкивает нас на очень важный вывод: анализ изначальных моделей миропонимания нужен тогда, когда появляется необходимость «погрузиться» в смысл тех или иных решений или действий.

Именно так, в частности, обстоят дела с анализом политического поведения крестьянских масс во время первой русской революции (1905-1907). Крестьяне то поднимались в горячем стремлении

уничтожить помещичье землевладение и помещичье правительство, то посылали к нему ходяков, резонерствовали, плакали и молились, а их одетые в солдатские шинели сыновья то брались за оружие, арестовывали и убивали особенно ненавистных начальников, то освобождали их, снова впрягались в ярмо, сами становились под расстрел.

Объясняя связь между этими противоречивыми действиями, которые на первый взгляд совместить невозможно, Ленин соотносит их со специфической картиной мира: на крестьянина и на весь уклад его жизни неумолимо надвинулся какой-то невидимый, но беспощадный враг, несущий с собой крушение основ бытия, разорение и нищету. И если с точки зрения науки противостоящая крестьянскому хозяйству социальная сила может быть определена как особый общественный строй - капитализм, то для человека, не понимающего связь этого строя с развитием рынка, денежным обращением и господством капитала, «враг» предстает в виде пугала и репрезентируется в сознании в виде угрожающих символов. Один из таких символов - «Англию» как средоточие мирового зла - Ленин находит у Толстого, который, по его мнению, стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина и «переносит его психологию в свою критику, в свое учение»².

В политической мысли второй половины XIX -начала XX века для описания человеческого мировосприятия, в том числе и непосредственно переживаемых образов политической реальности, использовались обычно художественные средства,

прежде всего художественная литература. Так, Ленин, анализируя политическую психологию крестьянства, опирается на Толстого, который был не только величайшим выразителем и защитником мужицкой правды, но и создателем особого метода художественного раскрытия внутреннего мира человека (так называемая диалектика души).

Сопоставимых по своим содержательным возможностям аналитических средств наука в то время предложить не могла. Предпосылки для этого начали складываться лишь двумя-тремя десятилетиями позже, когда в психологии и социально-политических исследованиях стали широко применяться эмпирические процедуры (в частности, различного рода зондажи, опросы и тесты), а на смену весьма субъективному методу самонаблюдения (интроспекции) пришел контролируемый эксперимент, основанный на изучении психики по внешним, объективно фиксируемым реакциям и особенностям поведения.

Исследования в области теории смысла позволили к тому же создать необходимый для научного описания репрезентирующих мир образов адекватный аналитический инструментарий, включающий в себя термины измерения и объективно устанавливаемых структурных связей.

Образы, в которых мир политики представлен нам «внутри нас», обладают неодинаковой степенью общности, ясности и наглядности, они апеллируют к разным сторонам человеческой души: одни из них претендуют на понимание, другие обращены в первую очередь к эмоциям и воле, третьи - к под-

сознательным влечениям и антипатиям. Поэтому для их выражения требуются различные языковые средства. В первую очередь в этом качестве выступает обычный разговорный язык. Но язык политики - это не только слова. В тех случаях, когда важно выразить какой-то очень емкий, многозначный, смысл или передать целостное эмоционально насыщенное переживание, широко используются невербальные (несловесные) знаки.

Например, пиктограмма «серп и молот» символизирует идеологию коммунизма. Когда человек видит этот знак, ему не нужны объяснения: в его голове сразу же актуализируются репрезентирующие идеологию и практику коммунизма ассоциации и представления. Аналогично символом фашизма является свастика (тоже пиктограмма), эмблемой социал-демократии - красная роза и т.п. Своего рода развернутыми репрезентирующими символами, задающими определенное понимание политических явлений и связанный с этим пониманием строй эмоциональных переживаний, служат также некоторые произведения искусства и плакаты.

Репрезентация мира осуществляется посредством языка и имеет определенную языковую форму, которую принято называть дискурсом. В самом общем виде дискурс может быть определен как тексты и беседы, включенные в социальную практику. Соответственно политический дискурс представляет собой определенный вид практической речи, обслуживающей политические процессы. Он характеризуется особым словарем (запасом относящихся к данной предметной области слов и выражений),

смысловыми связями между отдельными политическими концептами (понятиями и представлениями), базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений. С логической точки зрения политический дискурс - это определенный способ рассуждать о политике, однако при этом следует также иметь в виду его коммуникативно-прагматические характеристики: кто рассуждает, в каком обществе, в какой конкретной ситуации, кому адресованы рассуждения.

Перемены в политической жизни, трансформация политического сознания и обновление языка политики тесно взаимосвязаны и по существу взаимообусловлены. Не случайно периоды глубоких исторических перемен сопровождались активным словотворчеством. Скажем, только за время так называемого века революций (1789-1848) политический словарь пополнился десятками терминов и выражений. Часть из них отразила новые явления («индустрия», «промышленник», «средний класс», «забастовка», «пауперизм», «кризис», «капитализм», «пролетариат»), другие - новые идеи, концепции и идейно-политические ориентации («социализм», «либеральный», «консервативный»), третьи - новые интерпретации явлений, которые в той или иной форме существовали и в прошлом («идеология»).

Политические понятия и представления (а значит, и их языковая оболочка) меняются, причем заметно быстрее, чем понимание мира в целом. Даже такое ключевое политическое понятие, как «государство», которое, казалось бы, должно было воз-

никнуть уже на первых ступенях цивилизации, на самом деле относительно недавнего происхождения. На ранних этапах истории политически организованные сообщества определялись (и самоопределялись) совсем иначе: «земля» (обычно чья-то), «сторона» или «страна» (чего-то), «язык», «вотчина» и т.п. При этом политическая общность мыслилась персонифицированно, и лишь на исходе Средневековья начало складываться представление о государстве как таковом. Постепенно оно оформлялось в виде общей идеи, отделяясь от образа государя и осмысляясь через другие абстрактные понятия — на Западе как некое безличное «состояние» (status, state, estate, stato, estado, l'etat, Staat), а на Руси как продолжение устроительно-властной функции господина (господарство-государство)³.

Говоря о связи между психическими процессами и языком, необходимо напомнить о том, что слово — совершенно особое образование, наделенное как бы двойным существованием. Со стороны внешней формы это материальный объект в ряду других таких же объектов, создаваемых и изменяемых при помощи некоторых физических действий. Со стороны смысла (значения) — это идеальная составляющая внутреннего мира человека. Поэтому, как доказал еще основатель советской психологической школы Л.С. Выготский, слово функционирует как средство внешнего овладения сознанием, или, иначе, внешней (осуществляемой извне) его организации.

Эта организация осуществляется как самим субъектом (авторегуляция), так и кем-то другим. Когда некто приобретает преимущественное право

давать вещам имена, он тем самым приобретает монополию на смыслы, задающие образы политической реальности. Некоторые крупные современные мыслители видят в этом важнейший источник политической власти или по крайней мере основной механизм ее реализации.

Появление новых слов и выражений в психологическом плане всегда связано с выделением в «потоке реальности» новых политических объектов. Каждый из них выступает теперь как особая единица восприятия и мышления. Субъект приобретает способность оперировать образами таких объектов в уме, соотносить их со своими целями и другими побудительными мотивами поведения. Отношение к этим объектам отныне может контролироваться, регулироваться и, наконец, становиться предметом специального рассмотрения.

Естественно, в результате меняется и внешняя форма политического поведения. Так, если нет идеи государства, трактуемого как особое «политическое тело», то нет и патриотизма как специфического комплекса чувств, представлений и этических норм. Средневековый рыцарь готов был отдать жизнь за своего сеньора, но призыв «умереть за Родину» был бы для него слишком абстрактным. Русские князья многократно переходили с одного княжения на другое, западноевропейские дворяне служили попеременно разным государям, и по понятиям того времени это вовсе не означало измену. Представление же о «принадлежности» человека государству, эмоциональная связь между личным «Я» и определенным территориально-политическим организмом

складывались и закреплялись терминологически в течение очень длительного времени. Скажем, представление о «Вечной Франции» оформилось в политическом сознании не ранее XV века, а идея служения не только царю и вере православной, но и Отечеству начинает утверждаться в России как политический принцип лишь в петровскую эпоху. Характерно, что слова «патриот» и «патриотизм» стали входить в европейские языки не ранее конца XVII - начала XVIII века, по мере того как средневековую концепцию «природной» связи между монархом и подданными заменяла идея служения определенным политическим принципам.

В некоторых работах по философии политики высказывалась мысль о том, что политический язык *это и есть* политическая реальность. Однако более обоснованной представляется другая точка зрения, утверждающая, что связь между репрезентацией и языком значительно сложнее. Безусловно, закрепление какого-либо политического концепта при помощи специального термина способствует четкости его осознания. Вместе с тем известно немало случаев, когда то или иное политически значимое понятие лексически как бы расщепляется или передается метафорически, хотя изучение речевых контекстов и реального поведения доказывает присутствие в них данного понятия как особой операционально-смысловой единицы мышления.

Научный анализ репрезентаций, как и всякий научный анализ, строится по принципу выделения в исследуемой целостности отдельных элементов и простейших определений с последующей рёкон-

струкцией алгоритмов, соединяющих эти «кирпичики» в некую сложную конструкцию. Реально, однако, «кирпичики» далеко не всегда генетически предшествуют целому и вообще поддаются обособлению. Чаще они представляют собой лишь некие содержательные моменты исследуемого образа. И выявляются не при помощи каких-то расчленяющих операций (в самом деле, попробуйте, пусть даже в воображении, разрезать чувственный образ красного яблока на «круглое» и «красное», хотя оба этих признака яблока можно мысленно зафиксировать отдельно друг от друга), а посредством позиционирования рассматриваемых образов в сетях многосторонних смысловых соотношений.

Согласно одному из основных принципов психосемантики, значение смысловой единицы определяется набором смысловых противопоставлений, в которых эта единица участвует. Поэтому общий путь анализа политических репрезентаций состоит в изучении оппозиций и сопряжений, в которые ее включают участвующие в политическом процессе люди.

Эта работа в современной политической психологии осуществляется по нескольким направлениям.

Одно из них — реконструкция целостных образов политической реальности у различных категорий респондентов при помощи процедур зондажного типа. Методологические основы этого направления, обогатившие психологию рядом исследовательских приемов, позволяющих моделировать сложные смысловые отношения, в том числе «склеивание» атомарных смысловых единиц в более

сложные структуры (субъективное шкалирование, ассоциативный эксперимент, методика личностных конструкторов, метод семантического дифференциала, дистрибутивный анализ и др.) были заложены в 50—60-х годах XX века. Именно в этот период были предприняты первые серьезные попытки создать обобщенные модели восприятия политической реальности как определенной смысловой целостности. Правда, вначале - на основе сильного упрощения мира политики, в структуре которого выделялось лишь небольшое число базисных объектов. Тем не менее некоторые из этих моделей имели как теоретическое, так и прикладное значение и стимулировали дальнейшее развитие политической психологии.

В этом плане необходимо отметить прежде всего работы известного американского психолога и лингвиста Ч. Осгуда, который использовал в качестве метаязыка для описания смыслов образы и понятия геометрии. Такой подход обладает рядом черт, сделавших его перспективным и привлекательным. В частности, он во многом соответствует интуиции повседневного практического сознания, сопоставляющего различные политические взгляды по степени их взаимной «близости». В исследованиях Осгуда эта характеристика из чисто метафорической превращалась в строго операциональную. Кроме того, язык пространственных соотношений в том виде, в каком он был предложен американским ученым, являлся подчеркнуто объективистским, что позволяло не смешивать его с собственно политической терминологией, предотвращая неяв-

ное проникновение в научное описание различных политических взглядов.

На основе работ Ч. Осгуда, Дж. Келли и ряда других исследователей сложилась особая экспериментально-аналитическая техника, получившая название метода психосемантических пространств.

Психосемантическое пространство - это многомерное геометрическое пространство, интерпретированное как некий психологический континуум. Векторы в таком пространстве толкуются как градуированные по интенсивности признаки и характеристики, выступающие для человека в качестве «смыслов» тех или иных областей объективной действительности (в интересующем нас случае - к политической действительности). Конкретные же объекты (например, политические партии, политические деятели, социальные группы) изображаются в виде точек, координаты которых устанавливаются эмпирически при помощи особых экспериментальных процедур (характер этих последних станет ясен из дальнейшего изложения). При этом взаимное позиционирование точек пространства выражается в терминах расстояния, рассчитываемого по обычным формулам аналитической геометрии и содержательно толкуемого как смысловая дистанция (так называемый семантический дифференциал).

Построение психосемантических пространств и сравнительный анализ политических репрезентаций при помощи семантического дифференциала впервые были применены Осгудом и его сотрудниками для сравнительной характеристики настрое-

ний трех основных групп американских избирателей, сложившихся в ходе президентских выборов 1952 года: демократов (их кандидатами на посты президента и вице-президента были соответственно Э. Стивенсон и Э. Кефаувер), республиканцев, выступавших за Д. Эйзенхауэра, и республиканцев, первоначально поддерживавших кандидатуру Р. Тафта. Политическая реальность задавалась десятью актуальными для тогдашней Америки понятиями (всеобщее военное обучение, федеральные расходы, политика США в Китае, социализм, государственный служащий, правительственный контроль за ценами, профсоюзы, использование атомной бомбы, ООН, помощь Европе) и восемью политическими фигурами (сами конкурирующие друг с другом кандидаты, а также Сталин, Черчилль, уходящий в отставку президент Г. Трумэн и его предшественник Ф. Рузвельт).

Настроения групп изучались на основе опроса 150 испытуемых, в равной степени представлявших каждую из них. Всех их просили оценить предложенные понятия и политических деятелей по 7-балльной шкале (от +3 до -3) по следующим десяти парам качеств: мудрый-глупый, грязный-чистый, безопасный-опасный, сильный-слабый, глубокий-поверхностный, активный-пассивный, теплый-холодный, идеалист-реалист, расслабленный-напряженный, порядочный-непорядочный. В дальнейшем для каждой группы выводились средние оценочные баллы, которые и интерпретировались в качестве «смысловых координат» их политического мировоззрения.

Как отмечали Осгуд и его соавторы, полученные таким путем эмпирические данные позволяют решить две задачи: во-первых, судить о сходстве/различии характеризующих изучаемые группы картин мира; во-вторых - оценить меру сопряжения образов и понятий, относящихся к различным элементам политической жизни, в сознании членов одной и той же группы. Понятно, что для этих задач требуются разные психосемантические пространства.

В первом случае в качестве его смысловых осей естественно принять индикаторы отношения к Рузвельту, Сталину, Черчиллю, ООН, атомной бомбе и т.п. Во втором - пространство задается шкалами качественных оценок (у Осгуда это мудрый-глупый, сильный-слабый и т.д.), а политические деятели, события, лозунги отобразятся в нем уже как точки, координаты которых соответствуют их средней оценке по каждой из данных шкал.

В проведенном под руководством Осгуда исследовании очень ярко проявилась эффективность особого аналитического приема - так называемого *факторного анализа*, который в настоящее время прочно вошел в методологический арсенал социальных наук. Суть его состоит в группировке нескольких характеристик исследуемого явления в один обобщенный параметр, которая производится на основе их очевидной содержательной близости или же наличия между ними устойчивой корреляции, обнаруживаемой эмпирически при помощи статистической обработки получаемых данных.

Например, как отмечалось выше, вначале Осгуд исходил из того, что для качественной харак-

теристики необходимы десять базисных понятий. Однако в ходе исследования подтвердилось высказывавшееся ранее предположение о принципиальной возможности описать отношение человека к окружающей действительности, опираясь всего лишь на три обобщенных фактора: оценочный (он вбирает в себя такие использованные Ос-гудом пары определений, как мудрый-глупый, глубокий-поверхностный, порядочный-непорядочный), фактор силы (в рассматриваемом нами случае сюда относятся оценки типа сильный-слабый, безопасный-опасный) и фактор активности (активный-пассивный, теплый-холодный, расслабленный-напряженный).

Факторный анализ не только значительно упрощает аналитические процедуры, но и выявляет некоторые скрытые от непосредственного наблюдения связи. Кроме того, он сам представляет собой обобщение, приводящее подчас к нетривиальным и даже неожиданным результатам.

Так получилось и в рассматриваемом нами случае. Выяснилось - и этот факт поразил тогда самих исследователей, - что, несмотря на различия в рейтинге понятий и их смысловой группировке, общая структура мировосприятия всех трех групп американцев очень похожа. Наиболее очевидным образом это проявилось в обнаруженной тенденции ключевых элементов политической реальности выстраиваться в психосемантическом пространстве вдоль некоторой общей линии, которую естественно было бы интерпретировать как некую психологическую доминанту сознания, не имеющую само-

стоятельного терминологического обозначения. Проанализировав характер группировки понятий вдоль этой доминанты, Осгуд определил ее как «благожелательную силу». Именно благожелательная сила в противовес и злонамеренной силе, и неэффективной доброжелательности, была тем фокусирующим центром, вокруг которого выстраивалась вся картина мира американского электората. И именно она оказалась главным качеством, которое большинство американцев стремилось найти в конкурирующих политиках. Другое дело, что представители различных электоральных субкультур расходились во мнениях по поводу того, кто (или что) лучше других соответствует этому идеальному образу.

В России проблемы репрезентации политической реальности при помощи метода психосемантических пространств первой начала изучать группа московских психологов во главе с В.ф. Петренко в конце 80-х — начале 90-х годов. В исследованиях этой группы мир политики представал уже более сложным и разнообразным, а для получения исходной эмпирической информации использовалась не только техника оценки отдельных понятий, но и анализ восприятия клишированных идеологических конструкций, взятых из высказываний лидеров различных политических течений (например: «путь к демократии лежит через деидеологизацию государства», «рыночная экономика невозможна без частной собственности на землю», «авторитарный строй в условиях господства православия был не так уж плох»). Анализ кластерных конфигураций

в психосемантических пространствах позволил В.Ф. Петренко и его коллегам создать развернутую типологию российских политических партий и других общественно-политических организаций на основе интегрального показателя сходства/различия в их картине мира. Такой же подход использовался для сравнительной характеристики политических организаций Казахстана.

Опыт построения политических типологий на основе психосемантического анализа мировосприятия сторонников различных политических направлений наглядно представлен на рис. 1.

В исследованиях московских психологов используются значительно более информативные и содержательные методы выявления связей между реалиями политической жизни, чем те, которые применялись в ранних вариантах теории психосемантических пространств. Например, так называемые имплицативные процедуры. Они позволяют учитывать не только сам факт оценки определенных политических понятий (их расположение на стандартных оценочных шкалах), но и представления испытуемых по поводу связи тех или иных политических объектов с определенными следствиями.

В таких опытах испытуемым обычно предъявляется два списка. В один включаются те элементы политической действительности, отношение к которым служит предметом тестирования (например, «Правительство», «Ельцин», «Жириновский», «Коммунистическая партия», «Международный валютный фонд»), во второй — возможные процессы и события («расширение политических свобод», «укрепле-

2 Политическая психология

Ф2(-)

КРИМИНАЛИЗИРОВАННАЯ ЭКОНОМИКА

Рис. 1. Семантическое пространство имиджей политических партий России в сознании респондентов накануне парламентских выборов в декабре 1995 г.

(Источник: В.Ф. Петренко, О.В. Митина. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.)

ние экономики страны», «падение жизненного уровня» и т.п.). Смысл тестирования состоит в установлении испытуемыми взаимных связей между отдельными пунктами этих списков с оценкой вероятности связи по определенной шкале (например: 0 - связь отсутствует, +3 - способствует наступлению данного следствия в максимальной степени, - 3 - влечет прямо противоположные результаты, +2, +1, -1, -2 - промежуточные значения).

Благодаря усовершенствованным методикам такого рода было построено несколько пространственных психосемантических моделей образов политической действительности в сознании отдельных категорий россиян и российского общества в целом.

Вместе с тем, опираясь на многолетние данные, отражающие динамику политических настроений и взглядов в России, В.Ф. Петренко и его сотрудники пришли к выводу, что все политические суждения россиян в конечном счете сводятся к двум базисным смысловым оппозициям: здоровое общество - социальная депрессия (больное общество) и демократия - тоталитаризм. Поэтому картину мира в политическом сознании наших соотечественников принципиально можно представить в двухмерном психосемантическом пространстве⁴.

Построив математическую функцию, описывающую траекторию движения политического сознания в этом пространстве, исследователи получили его «фазовый портрет», кстати, весьма интересный: он имел вид раскручивающегося фокуса с неподвижной неустойчивой точкой, который совершает воз-

г-

вратно-колебательные движения между различными смысловыми полюсами. Надо полагать, что содержательно такая модель отражает постоянные колебания российского общества между различными политическими стремлениями.

Приведенный пример показывает, что психосемантические модели, воспроизводящие базисные смысловые структуры политического сознания, способны давать приемлемое приближение к реально наблюдаемым политическим процессам. Тем не менее во многих отношениях они остаются слишком упрощенными. Если достигнутый уровень описания сложившихся или складывающихся политических представлений можно считать вполне приемлемым, то прогностическая сила методов моделирования политических репрезентаций все еще недостаточна. И связано это с тем, что психосемантические методы фиксируют только ассоциативно-смысловую связь понятий. Между тем в психике человека политическая реальность отображается не столько как статичная совокупность неких сущностей и объектов, сколько как последовательность воздействующих друг на друга событий. Для описания и анализа этой чрезвычайно важной стороны политических репрезентаций широко используется так называемый *нарративный подход*, который наряду с психосемантическим следует рассматривать в качестве особого направления исследований.

Сточки зрения нарративного подхода, поток политических событий презентуется политическому сознанию в виде конечных, объединенных некоторым внутренним смыслом отрезков - *сюжетов*

и *сюжетных линий*. В этом отношении политические репрезентации обнаруживают определенное родство с характерным для искусства способом идеального претворения действительности в так называемую эстетическую реальность.

Существуют аналитические и обобщающие работы, в которых показано, что вплетенное в повседневную жизнь «обывательское» сознание настроено на восприятие мира политики по законам драматического действия. Происходящее квалифицируется в терминах жанрового своеобразия, расчленяется на отдельные мизансцены, а за действующими лицами «политического театра» стихийно закрепляются определенные символические роли и амплуа. При всем огромном многообразии конкретных политических ситуаций число таких ролей в принципе невелико. Все они могут быть отнесены к пяти-шес-ти обобщенным категориям, хорошо знакомым по художественным произведениям: «герой», «негодяй», «глупец», «жертва» и ряд др. Набор их возможных отношений также ограничен несколькими десятками «вечных сюжетов».

Получая информацию о тех или иных событиях, политическое сознание прежде всего выделяет в ней опорные смысловые признаки, позволяющие соотнести происходящее с каким-либо образом «роли». Одновременно конкретизируется и игровой рисунок: так, роль «героя» может выстраиваться по типу «победитель Дракона», а может - по типу хитроумного Одиссея или, допустим. Золушки.

Конечно, о «политическом театре» часто говорят ради красного словца, для выражения негативной

оценки или пренебрежения. Однако это словосочетание может служить и своего рода аналитической метафорой.

Так, весьма убедительным выглядит его применение в ходе анализа психологической подоплеку «войны в Заливе» (военная операция США и их союзников против Ирака в 1991 году), в частности, для объяснения некоторых кажущихся иррациональными эпизодов поведения Саддама Хусейна. Этого политического деятеля никак не назовешь твердолобым фанатиком, ведь в прошлом, оказываясь в трудных ситуациях, иракский лидер не раз демонстрировал прагматизм и гибкость. Почему же на сей раз он так упрямо шел навстречу прямому военному столкновению, не сулившему иракской армии ничего, кроме разгрома?

Причина, по-видимому, состоит в том, что Саддам репрезентировал себя как «второго Насера» - вождя арабской нации, бросившего вызов американскому империализму, и эта роль уже стала внутренним стержнем его «я». Отступление от непримиримой позиции уменьшило бы материальные потери, но изменило бы всю сюжетно-смысловую линию политической драмы: Саддам как бы принимал наказание и потому переставал быть героем. Это сделало бы его жалким и полностью разрушило эмоциональную основу, на которой держалось его внутреннее самоощущение. Поэтому в тот момент иракский лидер просто не мог рассуждать с точки зрения «голой рациональности», трезво взвешивая мощь сторон. Он вынужден был защищаться не столько от военного удара, сколько от угрозы раз-

венчания образа и неблагоприятной для него смены политического амплуа⁵.

Отождествление событий с тем или иным символическим сюжетом автоматически включает механизмы эмоциональной сопричастности и сопереживания, что на уровне политического поведения находит свое выражение в стремлении поддержать «героя» в его борьбе с соперниками и обстоятельствами. С другой стороны, мир политики существенно упрощается, и все его элементы сразу же занимают свое место, которое легко определяется эстетической интуицией без какого-то специального анализа, требующего усилий и компетентности.

Однако политические сюжеты, в отличие от художественных, не задаются раз и навсегда, а постоянно дополняются новыми событиями. Сюжетно-ролевая конструкция в политике способна трансформироваться настолько, что «зрители» начинают видеть на подмостках «политического театра» совсем другую пьесу.

Среди примеров «полной смены декораций» выделим как один из наиболее интересных президентскую избирательную кампанию Г. Трумэна (США, 1948).

Хотя Трумэн был хорошо известен американцам и к тому же занимал высокие государственные посты, его отнюдь нельзя было назвать звездой национальной политики. Будучи вице-президентом при знаменитом Ф. Рузвельте, он выглядел на его фоне весьма бледно и практически не играл какой-либо самостоятельной роли. В 1945 году, после внезапной смерти Рузвельта, Трумэн автоматически стал главой государства, но ни популярности, ни политического веса это ему не прибавило. Выходец из захолустного

городка в штате Миссури, он и во главе мировой державы оставался провинциальным политиком с прямолинейным мышлением и далекими от изысканности манерами. Трумэн не раз допускал крайне неудачные высказывания по важным вопросам политической жизни, что делало его излюбленным предметом насмешек. Кроме того, он умудрился перессориться с влиятельными политическими деятелями, от которых зависело его выдвижение на национальном партийном съезде и функционирование избирательной машины Демократической партии на местах. В итоге к очередным выборам, на которых преемнику Рузвельта предстояло подтвердить свои полномочия, он уже ассоциировался в глазах многих избирателей с каким-то комическим персонажем.

Противник Трумэна на выборах сенатор Дьюи выглядел его полным антиподом: интеллигентный, умный, компетентный, с хорошо поставленной правильной речью и внушительной внешностью. Неудивительно, что влиятельные политические круги США поставили именно на Дьюи, а эксперты предсказывали ему несомненную победу.

Решение Трумэна выставить свою кандидатуру поначалу только усилило насмешки: казалось, он даже не в состоянии объективно оценить свое положение! Однако, покинутый всеми, Трумэн упорно продолжал бороться в одиночку. Что и сыграло решающую роль в кампании: в Америке издавна культивируется уважение к людям, умеющим «держать удар», равно как и симпатия к слабым, которые упорно противостоят сильным. Это стимулировало переосмысление драматического конфликта, посте-

пенно приобретшего черты хорошо известной символической схемы «Давид против Голиафа». В изменившемся контексте неотесанность и прямолинейность Трумэна получили новый смысл: они стали интерпретироваться как естественные качества «простого парня», который «сам себя сделал». Одновременно его респектабельный оппонент уже казался избирателям слишком высокомерным, а «умников» Америка всегда недолюбливала. В конечном счете Трумэн буквально вырвал у соперника победу, набрав чуть более 50% голосов.

Трактовка политики как театра, то есть искусства, которое требует от актера умения представлять отличных от себя персонажей так, чтобы зрители им «поверили», вплотную подводит нас к очень важному для практической политической деятельности понятию имиджа. Этот термин используется для обозначения устойчивых и хорошо узнаваемых образов, репрезентирующих как отдельных лиц, так и целые организации в сфере публичного общения. Публичная политика в рамках «демократических правил игры» есть во многом основанная на приемах целенаправленного психологического воздействия технология создания привлекательных имиджей, обеспечивающих тому или иному политику достаточный уровень доверия и необходимую общественную поддержку⁶.

Надо отметить, что в некоторых современных исследованиях аналогии с театром и театральным представлением используются для характеристики политики на уровне не только действия (главным образом, символического), но и чисто вербальной репрезентации политической реальности. При этом обслуживаю-

щие политику речевые потоки (заявления политических деятелей, газетная информация, программы новостей и т.п.) трактуются как своего рода «словесный спектакль». Основной прием сюжетной завязки такого спектакля - проблематизация, то есть целенаправленная подача тех или иных беспокоящих человека или некомфортных обстоятельств как объектов, которые не могут быть оставлены без изменений и должны быть подвергнуты целенаправленной реконструкции, требующей мобилизации сил и ресурсов. Сама по себе проблематизация носит условный характер, она часто фиктивна и всегда воспринимается сообразно точке наблюдения (например, проблема национальной безопасности по-разному выглядит для Генерального штаба, крупной военной корпорации, занятых на ее предприятиях рабочих и Лиги пацифистов). Однако в любом случае она придает определенному фрагменту реальности смысловую структуру, определяя, кто герой, а кто враг, кто (или что) представляет собой опасность, а кто (или что) полезен, какие действия подлежат одобрению, а какие - наказанию⁷.

Отметим, что очень содержательные и вместе с тем неожиданные результаты может дать наложение на выстраиваемые политическим сознанием сюжетные линии структурно-смысловых моделей фольклорного повествования. Такой подход позволяет не только раскрыть связь между политической репрезентацией и основополагающими образами мира, транслируемыми в рамках данной культурно-исторической традиции из поколения в поколение, но и судить о мере рациональности политического сознания. Есть, в частности, примеры использова-

ния методологии, разработанной в классических работах В.Я. Проппа, раскрывающие «сказочную» природу многих политических представлений, идущих на «сценах» современной России⁸.

Одним из наиболее продуктивных подходов, помогающим выявить важные аспекты психологии политических репрезентаций, является анализ политических дискурсов. Направление это частично пересекается с психосемантическими исследованиями. Однако, в отличие от них, оно получает исходный эмпирический материал не путем фиксации реакций испытуемых на специально подбираемые экспериментатором стимулы, а посредством исследования содержательной структуры политических текстов (речей, интервью, заявлений, программных документов, теоретических работ), одна из целей которого заключается в реконструкции передаваемой этими текстами (выражаемой ими) «психической субстанции».

К стандартным процедурам содержательного анализа политических дискурсов, широко используемым в практической работе политических психологов, относятся *контент-* и *интен-*
анализы.

Различаются они прежде всего задачами аналитической реконструкции: в первом случае речь идет о содержательной интерпретации действительности (картина мира), во втором - о выявлении направленных вовне внутренних импульсов, намерений (интенций) говорящего, таких, как побуждение к действию, обвинение или отвод от себя обвинения, разоблачение, размежевание с кем-либо, похвала, успокоение аудитории или, наоборот, ее возбуждение и др.

Первичные аналитические процедуры в обоих случаях во многом сходны. Прежде всего это идентификация атомарных смысловых единиц (например, используемых в рассматриваемом дискурсе политических понятий), а также подсчет их общего количества и частотных распределений (в том числе во взаимной связи - например, тот факт, что в политической пропаганде США военного времени обнаруживается прямо пропорциональная зависимость между количеством упоминаний союзников и врагов, психологически можно интерпретировать в том смысле, что союзники были интересны американцам только в связи с их военными усилиями, а не как объект симпатии или братя по культуре). Затем исследователь разбивает текст на простейшие осмысленные сегменты и классифицирует их с различных точек зрения: по теме, оценочной тональности, сравнительной важности, легкости или трудности восприятия предполагаемой аудиторией и т.д. Здесь исходные атомарные символы рассматриваются уже в определенном - позитивном, негативном либо нейтральном - контексте. На этой основе проводится тематический анализ дискурса, осуществляется классификация присутствующих в нем тем и смысловых мотивов, за чем следует структурный анализ их взаимоотношений (они могут быть контрарно-дополнительными - «мы милостивы, а противник жесток», интегрированными - «оппозиция слаба и безответственна», альтернативными - «что это - трусость или предательство?» и т.п.)⁹.

Результаты контент- и интент-анализов, так же как и психосемантического исследования, в зависимости от конкретных задач представляются в раз-

личных графических формах. Например, в форме «ментальной карты», интерпретирующей смысловые связи различных идей и мотивов как пространственные, или диаграммы «встречаемости» различных тем и интенций, характеризующей дискурс того или иного политика или политического движения в его индивидуальном своеобразии (образец такой диаграммы показан на рис. 2).

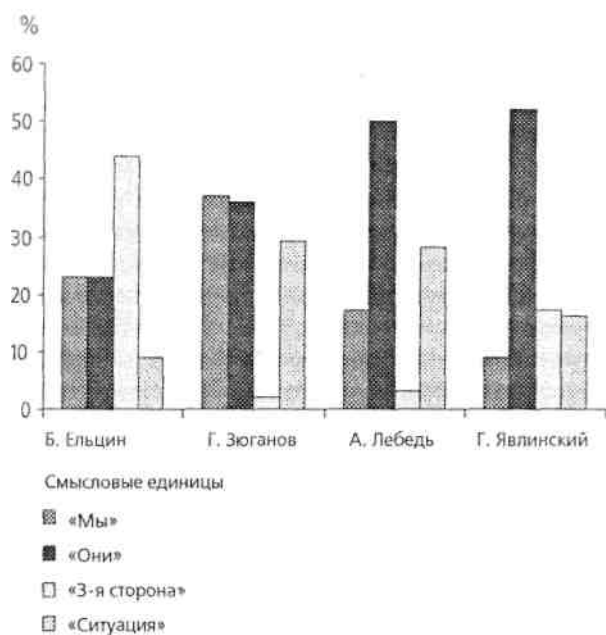

Рис. 2. Смысловые отсылки в дискурсе некоторых российских политиков

В теоретических исследованиях и в работах по политической истории, рассматривающих политические процессы значительной временной протяженности, большую роль играет *трансформационный анализ* политических дискурсов. Сравнивая лексику, характерные словосочетания, базовые метафоры, ключевые слова и выражения, которые в разное время использовались для описания и понимания политических процессов, трансформационный анализ позволяет выявить системообразующие «мутации» в способах репрезентации политической действительности, за которыми следует существенное изменение идеологической перспективы и форм политической деятельности.

Так, сопоставляя ленинские работы, написанные в разные периоды его деятельности, можно увидеть, как под влиянием осмысления империализма, а позже и опыта мировой войны политика все больше уподобляется военным действиям. В рамках специфического «дискурса войны» вооруженные конфликты перестают восприниматься как сопутствующие социально-экономическому развитию неблагоприятные обстоятельства и интегрируются в сущностную модель перехода к социализму. В этом контексте приглушаются различия между политическими формами капитализма, полувоенным деспотизмом Германии и демократическими Соединенными Штатами, что оборачивалось практически полным отождествлением государства с его репрессивными функциями. В построенном таким образом поле политических отношений главным вопросом становится «кто кого?».

что ведет к абсолютизации роли насилия, становлению тоталитарного политического сознания, а затем и его материализации в рамках тоталитарной политической системы¹⁰.

То обстоятельство, что дискурс-анализ имеет дело не с лабораторными ситуациями, а с вплетенными в реальный контекст политики актами обмена информацией и информационного воздействия, является его очень важным достоинством. Однако при этом обязательно надо учитывать, что один и тот же функционирующий в политическом процессе текст не только может прочитываться по-разному, но, бывает, и рассчитан сразу на несколько интерпретаций. Более того, подчас подлинный смысл политического текста не совпадает с тем, что в нем формально утверждается.

Например, при помощи специального анализа можно установить, что, когда лидер французского Национального фронта Ле Пен выступал с нападка на арабских иммигрантов, он нередко имел в виду и евреев, хотя прямо их не называл (известный лозунг Национального фронта «2 000 000 безработных = 2 000 000 иммигрантов» очевидно перекликается с нацистским «700 000 безработных = 700 000 евреев»). Однако эти косвенные смысловые переключки рассчитаны только на «посвященных». В то же время тем французам, которые воспринимают политический дискурс правых радикалов сквозь призму сегодняшней политической действительности с перманентным конфликтом палестинцев и израильтян, интенции, выражаемые антиарабскими высказываниями Ле Пена, могут казаться-

у

ся даже противоположными. Фактически дискурс современного правого радикализма репрезентирует во многом ту же модель миропонимания, что лежала в основе фашизма, однако делает это не прямо, а при помощи различных символов, требующих специальной расшифровки. Таким образом, дискурс-аналитику больше, чем кому-либо, приходится считаться с тем обстоятельством, которое очень ярко сформулировал Талей-ран: язык дан политику для того, чтобы скрывать свои мысли. Кроме того, политические образы и интенции, выражаемые тем или иным течением, могут репрезентировать *мнимые политические сущности* (таковы, например, лексически осмысленные, но не имеющие никакого реального психологического эквивалента политические формулы эпохи «застоя», создающие образ никогда не существовавшего в действительности «развитого социализма»). Следует отметить, что диагностировать такого рода случаи без помощи политического эксперта работающему исключительно с текстами дискурс-аналитику иной раз бывает весьма сложно.

Глава 2

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ОТНОШЕНИЙ К ПОЛИТИКЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ДИСПОЗИЦИЯ, МЫШЛЕНИЕ

Российская психология сохраняет приверженность к так называемому деятельностному подходу, идущему еще от И.М. Сеченова и всесторонне разработанному в советское время школой Л.С. Выготского. Согласно этому подходу, психические образы порождаются предметной деятельностью и изменяются вместе с ней. Психика, собственно, представляет собой не что иное, как специфический момент деятельности, а основные операции нашего мышления — перенесенные во «внутренний» план и кодированные на языке нервных импульсов внешние предметные действия. Именно в предметной деятельности и через нее реализуется связь человека с внешним миром, а также подтверждается (опровергается) адекватность сложившихся в голове человека образов окружающим нас вещам и явлениям.

Но деятельность не является чем-то самодавляющим, она производна от сущности деятеля¹. Деятель, субъект деятельности (он же «обладатель» психики) выступает как «оператор», организующий все поле психических репрезентаций, выстраивающий в нем разного рода смысловые конфигурации 4

и трансформирующий его сообразно своему опыту и меняющимся жизненным задачам.

Стало быть, для того чтобы объяснить динамику человеческого мировосприятия, надо обратиться к самому человеку.

Такой вывод, если понимать его буквально, не дифференцируя понятия «человек» и «человеческий», был бы простой тавтологией. На самом же деле он далеко не тривиален. Поскольку - подчеркнем это - речь идет не просто о человеке, а о *сущности* человека как преобразующего мир и находящегося в общении с другими деятельного существа. И эту сущность следует вычленить и адекватно определить.

Можно ли, к примеру, присоединиться к бихевиоризму, рассматривающему участвующего в политическом процессе человека как нейрофизиологический автомат, действующий по принципу стимул-реакция? Или для описания поведения человека в сфере политики нам достаточно понятия «индивид», подразумевающего в первую очередь факт раздельного существования человеческих особей?

При всем разнообразии точек зрения на проблемы политической психологии большинство исследователей сходятся в том, что политика есть сфера личностного самоопределения. А следовательно, понять, почему конкретный человек придерживается именно таких взглядов, почему он проголосовал именно так, а не иначе, что побудило его принять участие в той или иной политической организации, можно лишь в том случае, если рассматривать его как *личность*.

Употребляя в этой связи понятие «личность», мы отвечаем не только на вопрос, кто действует, мыслит, воспринимает, но и как все это осуществляется. Другое дело, что в своих психических актах и поступках человек выражает не только самого себя - ведь на него влияют другие люди, характер их взаимоотношений, определенные коллективные состояния. Однако все эти факторы так или иначе преломляются в его симпатиях и антипатиях, стремлениях и влечениях, мыслях и ассоциациях, в найденных данным конкретным человеком индивидуализированных способах артикуляции общих норм, образцов и верований.

Понятие личности в российской научной традиции выражает собой целостность субъекта жизнедеятельности. Но, в отличие от индивида и индивидуальности, эта целостность реализуется в процессе самоопределения человека по отношению к окружающим его обстоятельствам: индивидами рождаются, личностями становятся, и это становление основано на формирующейся у человека иерархии целей, задач и мотивов, отливающихся в определенную «программу жизни».

Деятельностная модель психики была детально проработана отечественной психологией на основе анализа базисных форм самоутверждения человека в предметном мире. В первую очередь это универсальная предметно-преобразующая деятельность — труд, а также предваряющая ее в онтогенезе предметно-манипулятивная деятельность ребенка, позволяющая ему познавать окружающий мир и «примерять» к его свойствам усваиваемые из общения со взрослыми первичные обобщения.

Политическая деятельность, безусловно, вторична по отношению к этим базисным формам, исторически она возникает и развивается на их основе. Поэтому главные положения деятельностного подхода могут рассматриваться и как методологические ориентиры политической психологии. Вместе с тем следует иметь в виду, что в процессе своей специализации и функционального обособления от других видов и форм человеческой практики деятельность в сфере политики приобретает ряд специфических свойств и качеств, которые делают невозможным прямой перенос в политическую психологию теоретических схем, разработанных на ином, пусть даже более универсальном по своему значению материале.

Среди наиболее важных принципиальных различий отметим прежде всего следующее. Практическое освоение предметного окружения всегда предшествует становлению личности и сопровождает этот процесс. Индивидуальные задатки человека и их интеграция в некую первичную целостность выявляются во время первых опытов предметного манипулирования и игровой имитации трудовых действий. Совершенно иначе обстоит дело с политикой. Хотя представления детей о персонажах из мира политики и их отношениях («царь», «полицейский», «наш флаг» и т.п.) формируются сравнительно рано (примерно к четырем годам), подлинное вовлечение в эту сферу жизни хотя бы на игровом уровне происходит в подростковом и особенно юношеском возрасте, то есть тогда, когда личность человека если и не сложилась, то по крайней мере приобрела «эскизные» очертания.

Вместе с тем - и в этом заключается известный парадокс -для анализа многих политических проблем, особенно когда речь идет о «психологической подкладке» процессов, захватывающих тысячи и даже миллионы людей, понятие личности как таковое оказывается недостаточно инструментальным.

С одной стороны, оно в некотором смысле «избыточно», так как включает в себя такие психологические проявления, которые если и связаны с политикой, то весьма косвенно и опосредованно (например, музыкальный талант - важнейшая черта личности, но для задач политической психологии она совершенно несущественна). С другой стороны, оно недостаточно операционально, поскольку личности в силу своей системной уникальности «не суммируются», а политические процессы, напротив, складываются на основе статистических закономерностей.

Парадокс может быть разрешен, если представить (с известным приближением) категорию «личность» через какие-то технически более удобные модельные абстракции, способные содержательно заменить ее в политических контекстах. В современной политической психологии в связи с этим часто используют понятие *идентичности*.

Психологическая теория идентичности наиболее полно разработана Э. Эриксоном, который понимал под этим термином синтез жизненного опыта в определенное индивидуальное «я», основанное на ощущении человеком непрерывности своего существования во времени и пространстве (чувство самотождественности личности).

Идентичность вырастает из стремления *быть* кем-то или *стать кем-то*. Причем это «кем-то» включает в себя одновременно несколько уровней отождествления: быть таким же, как все, таким же, как некоторые и в то же время - как никто другой. Идентичность опирается на потребность в эмоциональном контакте с другими людьми, но вместе с тем предполагает рефлексивность нашего «я», то есть способность человека делать самого себя предметом размышления, именованя, сравнения и классификации. В процессе формирования идентичности, который может идти на протяжении всей жизни, но особенно интенсивно в детстве, юности, молодости, человек соотносит себя с различными категориями «других» по принципу «я такой же, как они». Это соотнесение, субъективно переживаемое как особая эмоциональная связь, осуществляется по самым разным основаниям, в том числе по профессии, возрасту, гражданству, происхождению, национальной или этноконфессиональной принадлежности, социальному положению, политическим убеждениям, культурным предпочтениям, по месту рождения или проживания и т.д. Причем общность, которую избирает человек, может быть как реальной, так и воображаемой или существовавшей в далекие времена (историки, к примеру, хорошо знают о том, что в самосознании французских революционеров XVIII века их собственные действия как бы сливались с поступками республиканцев Древнего Рима, а русские большевики, в свою очередь, отождествляли себя то с якобинцами, то с поколениями, которые «будут жить при коммунизме»).

В некоторых случаях ключевым моментом идентичности становится отождествление своего «я» с образом какого-то конкретного человека, «продолжением» или «двойником» которого это «я» становится. В качестве таких «эталонных прообразов» обычно выступают отец, мать, близкие родственники или предки, легенды о героических деяниях которых сохранились в семейных преданиях. Но часто такая связь устанавливается по принципу духовного побратимства. Так, Юлий Цезарь «делал жизнь» с Александра Македонского, Суворов с детства подражал Ганнибалу, а Сталин, по-видимому, эмоционально отождествлял себя то с Иваном Грозным, то с Петром I.

Вся совокупность внешних проекций личности складывается, как выразился Эриксон, в некую конфигурацию, элементы которой обладают различным «весом» (соотношение этих «весов» варьирует в зависимости от многих объективных и субъективных факторов).

Скажем, во Франции большая часть населения осознает себя в первую очередь французами, а затем уже жителями того или иного департамента. В Испании же, наоборот, местная идентичность чаще проявляет себя сильнее государственной, причем во многом даже независимо от происхождения человека: так, коренные кастильцы, переселяясь на северо-восток или на юг страны, очень быстро становятся ревнителями баскской или каталонской самобытности.

С точки зрения психологии деятельности идентичность всегда сопряжена с личным выбором,

в том числе политическим. Однако необходимо уточнить, каких именно аспектов политики он касается. Когда кандидат в президенты решает, какой галстук лучше оттенит его лицо во время теледебатов, он тоже совершает выбор, в какой-то степени влияющий на результат избирательной кампании, а значит, и на ход политического процесса в стране. Но идентичность кандидата как личности тут ни при чем. Идентичность задают параметры выбора совсем на ином уровне, а именно на уровне смыслополагания и общих представлений, складывающихся в определенные картины мира, включающие и общество, и политику.

Идентичность естественным образом делит мир на «свое» («своих», «таких же, как я») и «чужое» («чужих»), и это разделение имеет важные политические последствия. Образ «чужого» неизбежно связан с чувством недоверия или опасения. Поэтому политику, который стремится получить поддержку определенной группы избирателей, следует добиваться, чтобы в ее восприятии он идентифицировался как «свой». Такая идентификация осуществляется интуитивно, ее индикатором для каждого человека служит ощущение некоего эмоционального резонанса с тем, что говорит и делает дачный политик («душа откликается»). При этом люди обычно ориентируются не на «анкетные данные» (профессия, социальное положение, национальность и т.д.), а на некие неформальные признаки - интуитивно выделяемые «кодовые» элементы облика и поведения, такие, как манера держаться, выбор тем для обсуждения, лексика и т.д.

В последние годы российскими учеными проведены исследования, которые позволяют количественно оценить связи между различного рода самоидентификациями и политическим выбором. Выяснилось, например, что электорат В. Путина - это в первую очередь россияне, определяющие себя как «обычных», «простых» людей, в то время как среди избирателей Г. Зюганова преобладает идентификация по низкому достатку («бедные», «обездоленные»), а среди сторонников Г. Явлинского и Е. Примакова заметно выделяется группа «активных» и «энергичных».

Психологический анализ связи между идентификацией и политическим выбором должен учитывать сравнительный «вес» формирующих идентичность смысловых компонентов. Но наряду с этим большое значение имеет общий состав образуемой ими конфигурации и их соотношение, так как в различном смысловом окружении одни и те же элементы идентичности могут «прочитываться» неодинаково.

Известно, например, что в годы Второй мировой войны многие уроженцы Прибалтики воевали на стороне гитлеровцев. Этот выбор, безусловно, в значительной мере мотивирован сильной национальной идентификацией и связанным с ней неприятием акта присоединения прибалтийских государств к СССР в 1940 году. Однако, есть ли основания полагать, что различие между солдатом из сформированной в Эстонии 20-й дивизии СС и будущим знаменитым певцом, а тогда красноармейцем Георгом Отсом состояло в том, что первый осознавал себя эстонцем, а второй нет? Очевидно, дело

здесь не в национальной принадлежности как таковой, а в общей «композиции» идентичности, отбросившей свой «отблеск» и на национальное самосознание. Понятно, что, если человек, сознавая себя эстонцем, одновременно видит в себе представителя «всемирного братства трудящихся», то многое он воспринимает иначе, чем его соотечественник, ставший летом 1940 года «классово чуждым элементом» в своей стране.

Важную роль в политической психологии играет система понятий, сопрягающая идентичность с предрасположенностью к определенным реакциям. Такие понятия иногда собирательно именуют *диспозиционными*.

В первую очередь выделим среди них *ценности* и *ценностные представления*. Современные исследователи обычно подразделяют ценности на терминальные (базовые, конечные, смыслообразующие) и инструментальные; первые соотносятся со вторыми как цели со средствами их достижения. Особый вид ценности, воплотившейся в образе конкретной вещи, человека или явления, представляют собой идеалы.

Эмпирическое изучение ценностей, ценностных представлений и идеалов, их описание на языке количественных и порядковых соотношений, анализ распределения различных ценностных ориентации в обществе следует отнести к числу центральных задач современной политической психологии. С них, по сути дела, начинается всякая серьезная политико-психологическая диагностика, потому что люди воспринимают работу политика как утверждение определенных ценностей.

Фактически каждое идейно-политическое течение имеет свой неповторимый ценностный профиль. Так, по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (всероссийский социологический опрос, март 2000 г.), в ценностном спектре либерально настроенной части российского электората позицию № 1 занимает идея правового государства (она является приоритетной для 44-45% граждан, считающих себя либералами). Ценностную окраску имеет также идея сближения с Западом (о специфически ценностной природе этой идеи говорит, в частности, то, что такое сближение воспринимается как достижение, хотя по признанию самих же либерально настроенных респондентов, оно не дало России никаких ощутимых выгод). Для сторонников русского национального движения и коммунистов ведущая ценность - возрождение России как великой державы (мнение более половины представителей этих политических ориентации). Сближение с Западом привлекает менее 1% коммунистов и 6-7% поборников «русской идеи». В то же время националистов и левых разделяет отношение к социализму - среди первых социализм признали ценностью только 3% , в то время как для сторонников компартии это цифра составила 33,6%, а для приверженцев других левых течений (социал-демократы, экологи) - более 21%.

Ценности в сочетании с определенными представлениями о свойствах окружающей действительности и связанными с этими свойствами ожиданиями (то, что в англоязычной литературе обозначается термином «beliefs») задают как бы общую модель ори-

ентации человека в мире, которая затем реализуется в так называемых установках. Установки отличаются от ценностей высокой степенью конкретности. На базе одной и той же ценности может формироваться множество установок, в зависимости оттого, к каким ситуациям и предметам относится та или иная ценность. При этом в голове человека формируются своего рода диспозиционные структуры. Например: свобода самовыражения - это ценность; убеждение, что в любом конфликте с властью всегда правы журналисты, неистребимое недоверие к политическим организациям, построенным на дисциплине, склонность к «интеллигентному» типу политиков и неприязнь к тем, кто претендует на роль «сильной личности», — сформировавшиеся на базе этой ценности установки, которые относятся к разным предметам, но имеют общий источник и образуют некоторую психологическую целостность.

Феномен установки был открыт в конце 80-х годов XIX века немецким психологом Л. Ланге и в дальнейшем теоретически разработан выдающимся представителем отечественной психологии Д.Н. Узнадзе.

Обычно установка определяется как целостное психическое состояние субъекта, предшествующее тем или иным действиям. Установка есть специфическая предрасположенность действовать именно так, а не иначе, самим человеком как субъектом действия чаще всего не осознаваемая. Опираясь на экспериментальные исследования, Д.Н. Узнадзе вывел важное различие между *ситуативными* установками (они формируются непосредственно

в данной конкретной ситуации и под конкретные задачи) и закрепившимися в психике *фиксированными* установками, которые предвосхищают реакции индивида на все ситуации определенного типа.

Однако в работах Д.Н. Узнадзе рассматривались лишь простейшие предметные ситуации, удобные для выявления базисных психологических закономерностей, но несопоставимые по сложности с отношением к социальным и политическим явлениям. В социально-политических исследованиях эффект предрасположенности к определенным действиям и видам поведения был зафиксирован несколько позже — в 1918 году и не психологами, а социологами У. Томасом и Ф. Знанецким. Они и ввели для его обозначения английский термин «аттитюд», близкий к русскому «установка». В период между двумя мировыми войнами в США и некоторых западноевропейских странах эмпирическое изучение аттитюдов, в том числе в сфере политики (установки на определенные типы политического участия, приверженность различным партиям и т.п.) приняло форму настоящего бума. В итоге были выработаны различные процедуры измерения интенсивности аттитюдов и их количественного сопоставления (особо следует упомянуть в этой связи методы шкалирования, разработанные Л. Терстоуном, Р. Лайкертом, Л. Гуттманом и другими психологами и социологами).

В ходе этих исследований и их теоретической систематизации ученые пришли к более или менее единому пониманию аттитюда как особого состояния сознания и нервной системы, определяющего

характер реакций индивида на различные объекты. При этом была выявлена внутренняя структурность аттитюдов, в частности наличие в каждом из них трех взаимосвязанных, но не совпадающих компонент - когнитивной (познавательной), эмоциональной и поведенческой.

Важным результатом эмпирического изучения аттитюдов в общественной жизни и политике стала их типологическая характеристика. Если рассматривать проблему с этой стороны, можно утверждать, что термин «аттитюд» в современных исследованиях употребляется не столько как некая «единичная категория», сколько как собирательное обозначение целой грозди близких и частично пересекающихся понятий, объединенных общим смыслом — некой «преднацеленностью», склонностью, готовностью к определенным реакциям и действиям.

Так, в качестве одной из разновидностей установок в политической психологии рассматриваются предубеждения и предрассудки (этнические, расовые, религиозные и др.).

Говоря о пусковых механизмах деятельности, следует иметь в виду, что между установками, фиксируемыми на основе ответов на специально разработанные вопросы, и реальным поведением часто наблюдаются заметные расхождения. Об этом же говорит и наш практический опыт. Например, по данным социологических опросов, накануне президентских выборов 1996 года действующий президент Б.Н. Ельцин воспринимался подавляющим большинством россиян как сугубо негативная фигура. За несколько месяцев до выборов его рей-

тинг не превышал 6%. Тем не менее при помощи специальной «аранжировки» информационных событий команде Ельцина удалось частично перекрыть эффект этой установки другими, ей противоречащими, а частично включить антиельцинские настроения в более широкие ситуативные диспозиции, где их первоначальный смысл существенно модифицировался, например: «Ельцин, конечно, плохо руководит государством, но в сложившейся на сегодня ситуации другие были бы еще хуже». В результате президенту, от которого фактически отвернулась вся нация, удалось все-таки «выжать» из российского электората необходимое для победы большинство голосов.

Личностно определенное «я» можно рассматривать как «внутренний оператор», создающий в рамках развернутых перед ним картин мира различные «композиции» образов, соотносящие цели и потребности со средствами и условиями деятельности. На основе таких умозрительных операций формируются идеально полагаемые планы различных действий, а вместе с ними создаются и те специфические идеальные структуры, которые осознаются как «сущность», скрытая от непосредственного созерцания где-то «в глубине вещей».

Описанная нами (пока еще абстрактно) форма идеального манипулирования образами и смыслами это не что иное, как *мышление*. Материалом мыслительной деятельности могут быть психические элементы разной модальности: моторно-двигательные ощущения, зрительные образы и, наконец, слова (точнее, их значения). В этой связи в общей

психологии принято говорить о мыслительных кодах и кодовых переходах (перекодировках). Различными могут быть и способы связывания образов в акте мышления - от простой ассоциации до процедур логического вывода, подчиняющихся особым правилам и контролируемым с точки зрения их «правильности». Однако у всех видов мышления есть нечто общее: мышление устанавливает *непосредственно не наблюдаемые* свойства и отношения предметов (скрытые или пока еще не существующие, но способные возникнуть или проявиться в будущем).

Как же мыслит человек о том, что происходит в мире политики?

Безусловно, общие закономерности мышления распространяются и на эти мыслительные процессы. Однако последние имеют ряд особенностей, наличие которых объясняется характером отношений между «политическим человеком» и той политической реальностью, которая противостоит ему в качестве объекта.

Если «обычные» предметы так или иначе поддаются практическому изучению, позволяющему непосредственно выявлять их свойства и качества, то в политике предмет мышления и мыслящий субъект разделены социальной дистанцией, исключающей такое изучение.

Разве может, к примеру, рядовой избиратель изучить кандидата, за которого он голосует, не наблюдая его, как говорится, «в деле»? Вся получаемая им информация в связи с этим является в лучшем случае косвенной. О деловых качествах и характере

действий кандидата до того, как он будет избран, приходится судить по словам, жестам, стилю поведения.

Выделяя морфологически обособленную ориентировочную фазу «внутреннего» манипулирования с внешними предметами, общая психология исходит из того, что каждый предмет так или иначе поддается практическому исследованию, позволяющему выявлять его свойства и качества. Добавим, что «обычные» предметы принципиально «правдивы» по отношению к субъекту: скажем, горячий предмет не «притворяется» холодным, а твердый -мягким.

Иное дело политика. «Политические предметы» не только не поддаются «прощупыванию», но способны целенаправленно скрывать одни качества, предъявлять другие или имитировать их в соответствии со своими собственными целями. Отсюда такие типичные черты политического опыта, как неясность, «разорванность», противоречивость.

В политике человек постоянно находится в состоянии «познавательного дефицита». Это не значит, что сущность политических объектов в конце концов не выявляется. Однако зачастую это происходит тогда, когда нежелательные последствия их «игры» уже изменили ситуацию в обществе.

Мысль, согласно принятому в российской научной традиции подходу, представляет собой особым образом «свернутое» и перенесенное во внутренний план предметное действие, ставшее в результате этого «умственным действием». В повседневной деятельности (например, трудовой) действие осуществ-

3 Политическая психология

ляется самим человеком и имеет форму целенаправленного манипулирования предметами внешнего окружения. «Политические объекты» обычно для такого манипулирования недостижимы. Поэтому в сфере политики мышление формируется на основе действий субъекта мышления, интегрированных с направленными на него самими действиями различных политических факторов.

Эта ситуация настолько своеобразна, что требует специального анализа. Общая теория политического мышления еще не разработана, однако его формы и характерные ходы описаны достаточно детально.

Одним из специфических механизмов работы психики в условиях складывающегося в сфере политики «когнитивного дефицита» является так называемая *каузальная атрибуция* (иначе говоря, «приписывание причины»).

Суть этой интеллектуальной операции, впервые описанной Ф. Хайдером, состоит в следующем. Когда человек не располагает четкой информацией, позволяющей выносить обоснованные суждения о других людях, социальных группах, общественных движениях, мотивах тех или иных политических решений, он приписывает наблюдаемым им событиям, фактам и действиям некие причины, скрытые от непосредственного наблюдения.

Понятно, что каждый делает это в меру собственного разумения. Так, представления русской деревни о сути реформы 1861 года («царь дал нам "настоящую" волю, а господа царскую грамоту подменили») отразили не действительный смысл событий,

а эмоциональную напряженность «мечты о земле» и вековую ненависть к помещику.

Конечно, русские крестьяне XIX века - люди темные, малограмотные. Процесс выработки государственных актов они представляли себе очень наивно, в лучшем случае по образцу барских распоряжений или решений сельского схода. Но разве несравненно более культурные и образованные люди «из высшего общества» не объясняли отступление русской армии в 1812 году кознями «немца Барклая», а столетием спустя неудачный ход Первой мировой войны - изменой «немки-царицы»?

Все эти домыслы, впоследствии полностью опровергнутые историками, казались современникам чрезвычайно убедительными, и, как мы знаем, оказали огромное влияние на развитие политических событий и весь ход истории.

С механизмами каузальной атрибуции тесно связано такое важное для политической психологии явление, как клиширование социального опыта и формирование на этой основе так называемых *стереотипов*.

Понятие стереотипа формировалось в политической психологии в 20-х годах в контексте разработки теории пропаганды. Позже оно получило более широкое распространение и активно использовалось во многих разделах социальной психологии в связи с анализом генезиса этнических и расовых предрассудков, а также рекламных технологий.

Стереотипы и их роль в формировании моделей социального и политического поведения были одной из центральных тем зарубежной (особенно ан-

3*

гло-американской) социальной и политической психологии вплоть до 70-х годов. Затем стереотип превратился в «обычное» рабочее понятие, которое редко становится предметом обсуждения, но постоянно используется на практике.

Американский журналист и политолог У. Липпман, первым привлечший внимание к данной проблематике, рассматривал стереотипы как некое ситуативное знание, своего рода «картинки в голове», сверяясь с которыми человек ориентируется в повседневной жизни. Стало быть, в первую очередь стереотип -это как бы заготовленный заранее образ некоторого объекта, позволяющий при контакте с ним не тратить времени на изучение ситуации, а сразу же включать определенные программы «встречного» поведения. Другая важная функция стереотипа состоит в том, что он представляет собой форму обобщения и классификации. Стереотип это и в самом деле *тип*, вобравший множество определенных объектов. В результате уникальные свойства каждого из них как бы размываются, отходя на задний план. «Поле действительности» схематизируется, упрощается, но за счет этого становится более обозримым и структурированным.

К примеру, вы коротаете время в купе поезда со случайным попутчиком. Стоит ли обсуждать в разговоре с ним политические новости и каких реакций на те или иные политические сюжеты можно от него ожидать? Для того чтобы понять это, вовсе не обязательно просить попутчика заполнить какую-то специальную анкету. Достаточно приглядеться, скажем, к тому, какую прессу он предпочитает. Допус-

тим, ваш попутчик с увлечением читает журнал «Новое время». «Ага, понятно, - говорите вы себе, - не иначе, как "демократ", да еще и радикальный». Подумав так, вы уже соотнесли своего собеседника с определенным образом-стереотипом, после чего механизм каузальной атрибуции переносит на вашего соседа те черты, которые связаны с вашим представлением о «типичном демократе». Мысль потекла по проторенной дороге. Допустим, так: «Небось, души не чает в Гайдаре и Новодворской, верит в "невидимую руку рынка", а может, и симпатизирует "независимой Ичкерии"».

Впрочем, попутчик может достать из чемодана не «Новое время», а «Наш современник». В фокусе вашего сознания опять услужливо возникает очередной стереотип. «Ага, "красно-коричневый". Ну, с этим все ясно - у него во всем масоны виноваты!»

Если сопоставить подобные обобщения с теми, что получены на основе рационально-критического анализа и, прежде всего, с научными понятиями, сразу же бросаются в глаза важные различия.

Во-первых, стереотип в отличие от научного понятия не может существовать в форме абстрактно всеобщего. В нем обобщение всегда слито с актом конкретного чувственного восприятия. Во-вторых, в стереотипе отражаются не столько свойства действительности, которыми она обладает сама по себе, сколько тот смысл, который придает ей человек. В стереотип всегда «встроен» элемент симпатии или антипатии, причем не просто как конкретное отношение к тому или иному объекту, но и как выражение всего мироощущения и всего строя жизни

использующего этот способ мышления субъекта. Стереотип, отмечал классик американской политической психологии Г. Олпорт, появляется не тогда, когда вы опознаете данного человека как «негра», а когда появляются суждения о нем как о музыкальном, ленивом, суеверном существе. Или, добавим уже мы, -когда он начинает рассматриваться исключительно как объект посягательств со стороны «белого шовинизма».

Означает ли это, что все стереотипы ложны? Задумаемся, используя приведенный выше пример с попутчиком. Конечно же, ваш попутчик может читать прессу определенной направленности совсем не по причине согласия с ее содержанием. Он сам может придерживаться совершенно иных взглядов, а данный журнал читает потому, что пишет статью об идейно-политических ориентациях в российском обществе. Да и реальные убеждения людей обычно не выстроены столь однозначно, как это зачастую представлено в соответствующем стереотипе.

Сравнение стереотипов с формами аналитического мышления, действительно, породило тенденцию рассматривать их как стойкие заблуждения. Когда о некотором понятии говорят как о стереотипе, отмечал американский политолог Дж. Хардинг, то имеют в виду, что оно:

- 1) скорее простое, чем сложное и дифференцированное;
- 2) скорее ошибочное, нежели точное;
- 3) скорее усвоено от других, нежели получено непосредственно в опыте;
- 4) устойчиво к воздействию нового опыта².

Сам У. Липпман, вводя понятие «стереотип», отнюдь не считал его синонимом ложности. Да и впоследствии некоторые исследователи резонно указывали на то, что стереотипы содержат в себе элементы реального опыта, вследствие чего в них заключены «зерна истины». В конце концов, негры и вправду очень музыкальны, демократическая волна в России и в самом деле была тесно связана со своего рода «рыночной эйфорией», партии «демократической ориентации» действительно не согласны с правительственными акциями в Чечне, а «Наш современник» публиковал материалы, которые дают повод связывать его со сторонниками идеи «всемирного масонского заговора».

Еще одна методологическая ошибка, о которой следует здесь сказать, заключается в смешении стереотипов с установками. Безусловно, эти понятия работают в общем проблемном поле, вследствие чего могут показаться взаимозаменяемыми. Однако, употребляя термины «стереотип» и «установка», мы имеем в виду не одно и то же. Установка - это особое динамическое состояние личности, стереотип - смысловая структура, которая может выражаться в знаковой форме и передаваться от человека к человеку в процессе общения: разница примерно такая же, как между пейзажем, навевающим определенное настроение, и самим настроением. Можно представить себе, как стереотип порождает определенную установку, но обратное вряд ли возможно, потому что наличие установки уже предполагает образ ее объекта.

Вместе с тем один и тот же стереотип в зависимости от структуры личности подчас сопрягается

с разными, в том числе и противоположными, установками.

Возьмем, к примеру, расхожий образ «настоящей российской власти», бытующий в общественном сознании и персонифицируемый обычно такими фигурами, как Иван Грозный, Петр I и Сталин. Сам об раз-стереотип по составу фиксируемых в нем характерных признаков, черт и атрибутов для большинства россиян примерно одинаков. Но для кого-то из наших сограждан такая власть - трагедия, несчастье, проклятие нации, а кто-то видит в ней спасение («с нашим народом иначе нельзя», «без палки в России ничего не получится» и т.п.).

Из теории общей психологии известно, что мыслительный акт представляет собой «отклик» на какую-то задачу, неважно, осознается она самим субъектом или нет. Поэтому для того, чтобы понять, как работает политическое мышление, необходимо разобраться в потребностях и мотивах, побуждающих думать и рассуждать о политике. Их удовлетворение зависит от политической позиции граждан, поскольку политические решения определяют режим функционирования и развития экономики, характер распределения, а значит, и меру доступа различных категорий населения к совокупному национальному богатству. К числу потребностей материального существования относится и обеспечение безопасности, которое составляет прерогативу такого политического института, как государство.

Мотивы, связанные с материальной обеспеченностью, в большинстве своем общепонятны. Люди могут бесконечно спорить о проблемах морали или

религии, но все они сразу же согласятся с тем, что 1000 рублей больше, чем 500, и по крайней мере 90% из них - с тем, что при прочих равных условиях первая сумма предпочтительнее второй. Данный вид мотивации в целом имеет рациональный характер, в силу чего легко поддается логическому анализу и укладывается в цепочки вытекающих друг из друга рассуждений.

На универсальности таких цепочек зиждется то качество политического поведения, которое называют предсказуемостью. Если, допустим, премьер-министр вдвое сократил число рабочих мест в угольной промышленности, то можно с полной уверенностью утверждать, что на следующих выборах шахтеры проголосуют за его соперника. Психологический аспект анализа мышления и поведения в данном случае связан скорее не с самой структурой мыслительного акта (она предельно прозрачна), а с эмоционально-волевыми факторами выбора стратегии самозащиты, с мерой готовности идти на осложнения с властями во имя своих интересов.

И в отечественном обществоведении, и в зарубежной политической науке широко распространено мнение о том, что экономические интересы есть главное, «настоящее» содержание политики, а всё, уводящее в сторону от реализации этих интересов, представляет собой отклонение от «разумного». Однако, останется ли человек человеком, если свести его мышление к единственной операции поддержания положительного баланса между «поощрениями» и «наказаниями» («выгодами» и «затратами»)? И всегда ли такое сведение вообще возможно?

Известно, что экономическое благосостояние чернокожих граждан США в среднем значительно выше, чем негритянской части населения Латинской Америки. И если отождествить политическую мотивацию с экономическим расчетом, можно было бы ожидать, что первые будут значительно более лояльны к своему государству, чем вторые. Однако это не так. Несмотря на проводимую по крайней мере с 60-х годов политику форсированной десегрегации (так, уже в 60-е годы процент американских негров, которые учились в колледжах, превысил процент студентов среди населения Великобритании), именно в США, а не в Бразилии или на Кубе, были произнесены знаменитые слова М.Л. Кинга: афроамериканец «чувствует себя изгнанником в собственной стране». И не случайно именно в США сформировалось движение «Власть черным!», а политическое поведение негритянского населения неоднократно приобретало радикально протестный характер.

А вот другой пример, уже из нашей, российской, жизни.

В начале 1993 года во время проведения очередной фокус-группы, мое внимание привлек один из респондентов - немолодой застенчивый человек в стоптанной обуви, сильно поношенном пиджаке, с допотопной авоськой советских времен. Как отразились на его благосостоянии экономические реформы тех лет? Ответ был ясен без особых расспросов. Тем не менее среди других, гораздо более благополучных по внешнему виду участников дискуссии, г-н Н. (назовем его так) выделялся по-настоя-

щему яростной поддержкой «реформаторов». В конце концов участвовавшая в разговоре женщина не выдержала и иронически бросила в его адрес: «Да то-то и видно, как вы разбогатели». Ответ поразил всех присутствующих: «Да, конечно, лично мне жить стало намного труднее. Но ведь, помимо меня, есть еще и Константин Боровой!»

Ответ с точки зрения «здравого смысла», казалось бы, совершенно нелепый. Но применимо ли в данном случае буквальное (и банальное) тождество $Я = Я$?

Это для нас г-н Н. - «бедный пенсионер», для которого, если рассуждать с точки зрения «экономической рациональности», все жизненные интересы должны замыкаться на размере государственного пособия. А кем является Н. в своих собственных глазах? Оказывается, наш собеседник, воспитанный еще на дореволюционных семейных преданиях, с детства считал себя человеком с хорошей деловой хваткой («в деда»). Не осмеливаясь пробовать себя в этой сфере в то время, когда частное предпринимательство каралось как уголовное преступление, он в мечтах часто представлял себе, как бы он развернулся, если бы «родился в другой стране». Жизнь уже подходила к концу, оставляя в душе острое чувство нереализованное™. Вот почему появление таких людей, как Боровой, стало для Н. своего рода символическим реваншем: пусть не я, но «такие, как я».

Известно, что, если в силу каких-то причин «Я-образ» оказывается не слишком привлекательным, человек подсознательно корректирует систему сим-

волических репрезентаций, в которые включено его «я», чтобы последнее не могло утратить значения ценности. И психологическая значимость символического реванша г-на Н., конечно же, не сводилась к той мстительной радости, которую многие испытывают при виде поверженного, пусть и не ими, врага. Это была прежде всего моральная компенсация. Главное, что теперь Н. обретал внешние доказательства своей изначальной правоты, а жизнь, которая могла показаться несостоявшейся, становилась значимой: самореализация все-таки состоялась, хотя и в форме не собственного успеха, а некоего позитивно-жертвенного акта («что делать, *тогда* наше время еще не настало!»). Реформаторы 1992 года в этом специфическом смысловом контексте выступали в роли вершителей исторической справедливости, какой она виделась г-ну Н., и это было для него неизмеримо важнее нескольких лишних сотен, которые все равно не дали бы ему настоящего чувства удовлетворения.

Таким образом, в ходе анализа политического мышления выделилась еще одна группа мотивов. Специфика этих мотивов в том, что они связаны не столько с потребностями материальной жизни, сколько с личностным самоощущением. И придают политическому мышлению значение одного из механизмов психологической самозащиты личности от погружения в разрушающие ее контексты. В таком случае логика мышления принципиально меняется, перенацеливаясь с обладания чем-то «вне меня» на смысловое реструктурирование ситуации «Я-в-мире». Ее ведущим принципом становится уже не

связывание целей со средствами, но *встречная смысловая адаптация* того, что происходит в мире политики, к собственной идентичности, а этой последней - к интерпретации происходящего.

Часто (хотя и не всегда) в ходе анализа политического мышления можно обнаружить еще один тип мотивации, обусловленный потребностью предъявить как окружающим, так и самому себе систематизированный и приведенный к определенным логическим основаниям взгляд на политику. Такая система политических идей обычно называется *идеологией*. Приверженность определенной идеологии у многих людей является важным элементом их «я-концепции», а следовательно, и одним из параметров самоидентификации.

«Производство» идеологии представляет собой специализированный социально-исторический процесс, закономерности и механизмы которого выходят за пределы собственно психических явлений в предметные области философии истории, социологии, теории познания и теории культуры. Психология же выделяет здесь для себя собственный аспект исследования — преломление идеологических процессов в психических состояниях людей.

Реально никто не строит «свою» идеологию с нуля, будь то обычный человек или политический мыслитель. Каждый индивид начинает с того, что присваивает и интегрирует в свой внутренний мир уже существующие идеи и идеологические конструкции. Разница состоит лишь в мере творческого отношения к этому исходному материалу, в готовности (и способности) внести в него что-то новое.

Все люди включаются в общий идеологический процесс прежде всего через присвоение его готовых продуктов, предстающих перед каждым человеком в качестве исходного «мыслительного материала». И уже на этой стадии требуется определенная мыслительная работа, переводящая идеологии-вне-нас в собственные убеждения. В ходе такого превращения осуществляется, так сказать, доводка «внешней» идеологии, ее притирка к определенному складу личности, к ее жизненному опыту. В функциональном плане речь в данном случае должна идти о формировании в процессе идеологического самоопределения личности особой психологической структуры, которую можно назвать *индивидуальной интерпретирующей системой*. Функция ее состоит в том, что она преобразует различные элементы политической культуры во внутренний строй психических переживаний и мыслительных актов (абстрагирование, сравнение, прослеживание причинно-следственных цепочек, каузальные атрибуции и др.).

Скажем, достаточно отвлеченные понятия - «классовая борьба», «капитализм», «эксплуатация» - становились психологическими регуляторами политического поведения только тогда, когда они соотносились с «осязаемой» реальностью непосредственных жизненных впечатлений, возникающих из столкновения рабочего с хозяином фабрики, мастером, полицейским, при сравнении качества жизни людей, занимающих различное положение в обществе, и др.

Известно, к примеру, какое огромное влияние идея социализма оказывала на промышленный

пролетариат всех без исключения европейских стран во второй половине XIX - в начале XX века. Но если в Германии борьбу за влияние на умы рабочих выиграл марксизм, то в Англии марксистские взгляды решающего влияния так и не приобрели. Одна из причин этого, возможно, состоит в том, что на немецких предприятиях господствовала повременная оплата труда, поэтому рабочие здесь хорошо понимали Марксову концепцию эксплуатации, основанную на идее разделения рабочего времени на необходимое и прибавочное (в течение которого рабочий создает поступающую в доход капиталиста прибавочную стоимость). В Англии же, где рабочим платили с выработки, эта концепция не соответствовала их непосредственному жизненному опыту и потому практически не усваивалась.

Однако каким бы пассивным ни казалось отношение индивида к той форме, в которой ему предъявляет себя действительность, оно никогда не является простым «запечатлением» внешних влияний. Идеологическое самоопределение всегда включает в себя момент выбора между различными идейными позициями, а потому реализуется как самый настоящий мыслительный акт, сопряженный с активным оперированием элементами личного опыта и самостоятельной проработкой некоторых смысловых связей (хотя бы даже в ограниченных пределах).

Рассматривая политическое мышление в этом ключе, можно охарактеризовать его как «оператор перевода» элементов внешней идеологической среды в индивидуальную политическую философию. По сути формирование «личной политической фи-

лософии» из элементов индивидуального опыта и находимых в идеологической среде готовых концептуальных блоков представляет собой двусторонний процесс, в рамках которого происходит структурирование представлений о самом себе и о политике. Может быть, в этой связи даже лучше говорить о некотором едином, но двустороннем образе «я-в-политике»³.

Реализуя потребность в идеологическом самоопределении, политическое мышление создает модель «подходящей» политической действительности, то есть действительности, скроенной по мерке потребностей и возможностей данного индивида. Другой вопрос, являются ли эти возможности реальными или только воображаемыми (какими оказались, например, «новые шансы» рыночной экономики для значительной части советской интеллигенции, составившей массовую опору «демократической волны» конца 80-х - начала 90-х гг.).

Содержательное моделирование политического мышления как функции неких отражающих психический склад личности и ее жизненный опыт смысловых операторов в последние десятилетия выросло в особое направление политической психологии. В целом оно ориентировано на решение прикладных задач политики: анализируя мышление того или иного политика или группы политиков, можно не только раскрыть психологическую мотивацию предпринятых в той или иной ситуации действий, но и объяснять логику эволюции различных политических течений и даже разработать прогностические сценарии.

В рамках данного направления выделяют несколько подходов, различающихся по базовым допущениям и методам обобщения.

Наиболее простой с точки зрения логики анализа - так называемый *мотивационный подход*. Его основной принцип заключается в прямом выведении характерных черт политического поведения и конкретных политических действий из личностных потребностей и устремлений, таких, как жажда власти, необходимость чувствовать одобрение окружающих и др.

В полемике с этим подходом в зарубежной (преимущественно американской) политической психологии была разработана модифицированная версия мотивационного анализа политического мышления, известная как *метод операциональных кодов*. Предложенный в начале 50-х годов Н. Лейте-сом с целью психологической характеристики логики мышления членов большевистского Политбюро, он был в дальнейшем усовершенствован А. Джорджем и О. Холсти и активно использовался для сравнения политических стратегий крупнейших государственных деятелей современности, особенно в сфере внешней политики.

Ведущие теоретики данного направления под операциональным кодом понимают набор содержательно интерпретированных алгоритмов, которыми руководствуется тот или иной политик, вырабатывая политическое решение. Данный процесс всегда содержит элемент неопределенности, обусловленный принципиальной неполнотой имеющейся информации. Операциональный код, вводя кон-

кретные гипотезы о свойствах противостоящей политике реальности, служит средством устранения неопределенности.

Концепция операционального кода также рассматривает политическое мышление как трансформацию личностных мотивов в политические решения и действия. Однако в отличие от мотивационных моделей процесс такой трансформации опосредован представлениями о природе политического универсума и об обществе в целом (перспективы достижения человеком поставленных им целей, степень нашего контроля за ходом исторического процесса, образы будущего, мера риска, сопутствующая тем или иным политическим стратегиям и т.п.).

Мотивы в соответствии с данной теорией порождают различия в системах убеждений, а системы убеждений ведут к пробуждению мотивов в ситуации принятия решения. Однажды возникнув, доминирующие мотивы влекут за собой соответствующую систему убеждений, делая ее при этом относительно независимой от потенциально противоречащей ей информации, что создает постоянство различных аспектов поведения. Так, для государственных деятелей с сильной потребностью в одобрении окружающих характерна вера в то, что конфликты в международных отношениях - явление временное и источником их является недостаток взаимопонимания и сопереживания. Конфликты представляются им игрой с ненулевой суммой, их роль в историческом процессе кажется сугубо отрицательной, вследствие чего политическое мышление таких деятелей нацелено на то, чтобы их избегать. Напротив,

политикам, стремящимся к неким «достижениям», обычно присуще убеждение, что конфликты - игра с нулевой суммой и в некоторых обстоятельствах они могут быть весьма функциональными. Эти политики также считают конфликты временным явлением, но связывают их разрешение с силовым давлением. Самую большую опасность они видят в умиротворении противника или в войне в результате просчета.

Заметное место в современной политической психологии занимает *когнитивистский подход*. Его сторонники рассматривают политическое мышление как процесс осуществления различных познавательных операций, приводящий к разным по своей эффективности результатам.

Одним из первых применил когнитивистский подход к изучению политического мышления знаменитый швейцарский психолог Ж. Пиаже, разработавший в 30-х годах экспериментально обоснованную стадиальную схему формирования умственных действий и основных интеллектуальных операций в период от младенчества до юности. Опираясь на эту схему, Пиаже изучал, в частности, возрастную динамику освоения политических понятий, отражающих принадлежность человека к определенной стране, нации, местному сообществу. В частности, он выяснил, в каком возрасте происходит правильное логическое соотнесение политических идентичностей: например, маленький житель Женевы только к семи годам начинает понимать, что он одновременно еще и швейцарец, хотя в принципе и раньше знал, что Женева находится в Швейцарии.

Эту линию изучения политического мышления продолжили затем и другие ученые, в частности американские психологи Д. Истон, Дж. Деннис и Дж. Адельсон. На основе экспериментальных данных они детально проанализировали переход от детских наглядно-образных представлений о политике к мышлению обобщенными концептами, такими, как «власть», «свобода», «права человека» и др. При этом, как удалось установить, происходит и расширение временной перспективы политического мышления, когда подросток начинает осознавать влияние политических решений на будущее.

Содержание мышления вполне сформировавшегося политического деятеля с точки зрения когнитивистского подхода представляет собой сопоставление политических альтернатив и оценку последствий, которые повлечет за собой выбор какой-либо одной из них. Соответственно этому трактуется и проблема деления мыслительного процесса на отдельные стадии. Политическое мышление идет от ощущения ситуации в категориях убеждений и предшествующего опыта, затем оно соотносит эту ситуацию с базовыми целями и ценностями и, наконец, все завершается выбором стратегии действий, которая наилучшим образом приближает желаемое будущее.

Когнитивисты часто используют в своих исследованиях особую технику моделирования - составление так называемых ментальных карт, показывающих, как увязаны в сознании того или иного человека основные принимаемые им в расчет содержательные переменные: образы цели, политические

альтернативы, причинно-следственные связи и др. Для составления ментальных карт нередко используются различные формализованные метаязыки, в основном язык математической теории графов.

Наиболее сложными с точки зрения как исследуемого материала, так и исследовательской техники являются работы, рассматривающие политическое мышление как *концептуальное развитие*, в ходе которого происходит внутреннее изменение самого субъекта мышления, в том числе его идеологическая эволюция. Такого рода модели приспособлены под задачи анализа политического и идеологического творчества и методологически ориентированы в основном на структуралистские и постструктуралистские модели мышления и языка (дискурса).

Значительный интерес для политической психологии в широком понимании этого термина представляют некоторые работы по интеллектуальной истории европейского и российского революционного движения, в котором содержатся попытки построить модель смысловой трансформации революционной мысли в критические моменты реструктурирования всего социально-исторического опыта, например, в связи с концептуализацией ситуации «осажденной крепости» в виде теории построения социализма в одной отдельно взятой стране или формированием оппозиции «государство - самоуправление» в политической культуре европейских левых после политического кризиса 1968 года⁴.

Формирование политической идентичности, освоение политических понятий и конвенциональных значений, при помощи которых осуществляется по-

литическая коммуникация, а политическая реальность выстраивается в определенную картину мира, принятие той или иной системы ценностей, выработка основ политического мышления составляют содержание особого процесса, который принято называть *политической социализацией*. Если социализация вообще есть обучение тому, что необходимо для жизни человека в социуме и адекватному взаимодействию с другими людьми, то политическая социализация может быть определена как психологическая адаптация в системе политических отношений и обучение навыкам обращения с «политическими объектами».

Важно отметить, что опыт, приобретенный в ходе социализации, становится в известном смысле базовым. Сложившиеся в этот период модели понимания и способы деятельности в целом сохраняются на протяжении всей жизни и выступают в качестве смыслового «ключа» к интерпретации новых явлений. В современном, быстро меняющемся обществе каждое поколение проходит процесс политической социализации в новых социально-исторических условиях. Предметом личных переживаний для них становится уже не то, что было личностно значимым для их отцов и матерей, а тем более для дедушек и бабушек. Поэтому и смысловая структура мира не остается постоянной от поколения к поколению. И хотя ровесники могут существенно различаться по условиям жизни, а их взгляды на политические проблемы быть совершенно противоположными, все же при внимательном рассмотрении в них можно обнаружить объединяющий их судь-

боносный стержень, образованный прежде всего наиболее важными событиями и явлениями, так или иначе затронувшими каждого. В этом смысле мы говорим о поколении революции и первых пятилеток, о «детях войны», о «шестидесятниках» или о «поколении Интернета».

С другой стороны, политическая традиция, переходя к следующему поколению, обновляется. Например, поколение европейских левых, которое прошло через опыт войны и Сопротивления, существенно отличается от бунтующих студентов 1968 года, а эти последние, в свою очередь, смотрели на мир иными глазами и мыслили иными категориями, чем нынешнее «поколение глобализации».

Учитывая ключевую роль социализации в становлении человека как «политического существа», современная политическая психология уделяет этой теме первостепенное внимание. Данная проблематика широко представлена в работах представителей различных течений: психоанализа, неомарксизма, генетического структурализма, когнитивизма, «гуманистической психологии»⁵.

Психологические исследования различных аспектов политической социализации проводятся в последние годы и российскими учеными, которым удалось выявить некоторые особенности ее развития в отечественной социокультурной и институциональной среде⁶. В частности, в ходе этих исследований было установлено, что в России политические представления, мнения и оценки школьников вплоть до 15-16 лет весьма близки. Различия в политических взглядах, связанные с неодинаковой

оценкой своих жизненных перспектив и возможностей, определяются у юных россиян лишь с 9-го класса. При этом обнаруживается ряд интересных и важных закономерностей, например более динамичный характер политической дифференциации у юношей, чем у девушек, более радикальное и быстрое изменение политической ориентации у детей из хорошо обеспеченных семей по сравнению с выходцами из средних и особенно бедных слоев, возрастная переориентация школьников с советских традиционалистских ценностей на ценности открытого демократического общества.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Еще философы эпохи Просвещения были убеждены, что человека делают обстоятельства. Но является ли стечение жизненных обстоятельств фактором сугубо индивидуальным или здесь можно выявить регулярные зависимости, позволяющие свести огромное количество частных случаев к относительно небольшому числу типов и категорий?

Среди мыслителей, стоящих у истоков научного изучения этой проблемы, в первую очередь надо назвать имя Маркса.

В марксизме неопределенные и расплывчатые «обстоятельства» впервые превратились в систему четко определенных факторов, исследуемых при помощи специального аналитического метода, основанного на целостной и внутренне логичной социальной теории. Благодаря этому влияние марксистского подхода на весь комплекс социальных и гуманитарных наук оказалось чрезвычайно глубоким. Заметную роль они сыграли и в становлении теоретической психологии.

В философском плане марксистский подход является материалистическим: бытие определяет созна-

ние, сознание не может быть ничем иным, кроме как осознанным бытием, то есть, по Марксу, отражением процесса производства материальной жизни.

Однако при этом и Маркс, и Энгельс неоднократно подчеркивали, что отношение сознания к бытию не может быть пассивно-созерцательным. Оно активно-деятельно и опосредствовано социально-исторической практикой. Именно в практике происходит «встреча» объективной действительности с субъективным пониманием и целеполаганием, в результате чего возникает возможность их перехода друг в друга. Маркс убедительно показал, что предметный мир представлен в нашем сознании именно так, как он практически раскрывается в нашей социально организованной чувственно-предметной деятельности. В частности, сферы действительности, не захваченные практикой, не воспроизводятся нами ни психологически, ни в форме знания. В то же время дальнейшее развитие практики постепенно расширяет предметно-смысловой горизонт нашего опыта, включая в него ранее не существовавшие для нас объекты и явления. Поэтому духовная жизнь обладает значительной функциональной автономией и имеет собственную внутреннюю логику, далеко не полностью совпадающую с логикой материального бытия.

Поскольку человек осваивает противостоящую ему действительность отнюдь не как заброшенный на необитаемый остров Робинзон, а выступает в этом процессе в качестве общественного существа, его индивидуальная психика включена в систему социальных взаимодействий. Более того, она организована и структурирована при помощи кол-

лективно выработанных, общественно принятых, закреплённых в культуре и совместно присваиваемых средств - слов и идиоматических выражений, представлений, мифов, произведений художественной фантазии, теоретических понятий, различных норм, образцов, эталонов, символов, концепций. Эта возвышающаяся над индивидуальными сознаниями и охватывающая их объективированная структура в марксистской теории определяется как *общественное сознание*.

Опираясь на эти положения, марксизм отстаивает принцип *социально-исторической детерминированности (обусловленности)* сознания и в целом психической жизни человека.

Общество, по Марксу, делится на классы - большие группы людей, различающиеся отношением к собственности и местом в системе общественного производства. Социальную сущность класса характеризуют в первую очередь обусловленные его положением *интересы*, которые могут расходиться с интересами других классов вплоть до полной противоположности (антагонизма). Поскольку разделение экономических функций влечёт за собой дифференциацию способов жизнедеятельности и форм социальной практики, классы (а также отдельные группы внутри классов) обладают специфическими для каждого из них социальными инстинктами, своим особым строем переживаний и миропониманием, порой совершенно чуждым для представителей другого класса.

Проблемы политической психологии в марксистской теоретической перспективе это в первую

очередь проблемы *классовой* психологии, *классового* сознания. Суть марксистского подхода к этим проблемам, с одной стороны, состоит в том, чтобы вывести свойственные тому или иному классу представления и модели политического поведения из материальных условий его жизни и связанной с этими условиями социальной практики. С другой стороны, если дана определенная картина политической реальности или определенная трактовка событий, возникает задача показать, какие социальные условия стоят за ними, а следовательно, какие классовые позиции они представляют.

Анализируя политическую борьбу в основных европейских странах середины XIX века, Маркс приводит целый ряд классических образцов применения классового подхода к конкретным вопросам политической психологии. Остановимся на некоторых из них, с тем чтобы показать, как именно работает Марксова методология в качестве аналитического инструмента политической психологии.

Рассматривая генезис так называемой наполеоновской идеи, Маркс выводит ее основные положения из настроений, стремлений и идеалов освободившегося от феодальной зависимости и получившего в ходе революции собственный земельный надел французского крестьянина. Ведь военная держава Наполеона опиралась на массовую армию, кадровым резервом которой могло быть только процветающее свободное крестьянство. Военный мундир повышал самооценку крестьянина, он давал ему ощущение своей значимости и нужности, более того - он делал его *героем*. К тому же воен-

ная служба открывала для сотен тысяч крестьянских сыновей единственную реальную перспективу возвышения и перехода на более высокую социальную ступень. Поэтому крестьянство инстинктивно стремилось поставить армию в центр всего социального устройства. Отсюда специфический для приверженцев наполеоновской идеи культ «славы», экзальтированное поклонение призраку «национального величия». Вокруг этих настроений выстраивалось целостное мироощущение, основанное на идее «Великой Франции».

Другой характерной чертой «наполеоновского сознания», отмеченной в этой связи Марксом, была вера в «сильное» правительство, рядом с которым не должно существовать никаких конкурирующих источников власти и влияния. Маркс обосновывал это тем, что мелкая крестьянская собственность создает одинаковый уровень отношений по всей стране, уничтожая промежуточные аристократические ступени между народными массами и государственной властью. Так возникала психологическая почва, благоприятствовавшая расцвету всемогущей и многочисленной бюрократии, подмявшей под себя все остальные элементы государственного устройства.

И наконец, верховная власть и образ этой власти. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь местная связь, а тождество их интересов не создает никакой национальной общности, никакой политической организации, они не способны защищать свои классовые интересы от собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их над-

лежит представлять другим. Вместе с тем их представитель должен быть их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им «дождь и солнечный свет». Стало быть, политическое влияние крестьянства в конечном счете выражается в том, что исполнительная власть подчиняет себе все общество.

В результате в образе императора фокусируются все социальные стремления и надежды крестьянских масс, не способных самостоятельно улучшить свое положение. «Историческая традиция, — писал Маркс, — породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все... блага»¹, утраченные во время реставрации Бурбонов. И когда основатель династии Бонапарт умер в изгнании, весь комплекс этих мотивов был перенесен на другого обладателя магического имени - его племянника Луи Наполеона, ставшего при поддержке французского крестьянства президентом республики, а затем и императором Наполеоном III.

Классовая психология в методологии марксистского классового анализа очень тесно сопряжена с понятием *идеологии*. Различие между ними состоит в том, что психология формируется стихийно в жизненном опыте множества самых обычных людей, идеология же подразумевает логически выстроенные концепции, разработка которых представляет собой предмет интеллектуальной деятельности философов, историков, журналистов, писателей, политиков. Однако отправной точкой для идеоло-

гии всегда служит определенный строй мыслей и переживаний, которые коренятся в социальном опыте, имеющем классовый характер. Другой вопрос, что в процессе разработки идеологии решаются и задачи, непосредственно с психологией данного класса не связанные (а связанные, например, с общепринятыми требованиями логики, прояснением взаимосвязи различных идей, рационализацией различных подсознательных мотивов и приданием им общественно приемлемой формы).

При этом происхождение, жизненный путь и личный опыт самого идеолога не имеют определяющего значения. Идеологи буржуазии лишь в исключительных случаях сами являются капиталистами, а защитники и апологеты мелкобуржуазной демократии по своему образованию и индивидуальному положению порой так же далеки от лавочника или владельца швейной мастерской, как небо от земли. Представителями определенного класса, по Марксу, их делает лишь то обстоятельство, что их мысль останавливается в пределах границ, «обозначенных» социальной практикой данного класса, и потому в своих концепциях они обращаются к тем же проблемам, к которым данный класс практически подводит его интерес и общественное положение.

Без понимания феномена идеологии установить правильную связь между психологией и политическим поведением во многих случаях достаточно трудно. Используя понятие идеологии как инструмент анализа, Маркс в своих работах не раз убедительно опровергал расхожие «психологические» объяснения того или иного политического курса.

Не является ли, допустим, консерватизм в политике лишь внешним выражением некоторого «внутреннего консерватизма» как психологического свойства личности?

Возьмем, к примеру, английских консерваторов - тори и основные черты проводившейся ими в середине XIX века политической линии, такие, как приверженность трону и «высокой» церкви, традиционализм, ревностная защита привилегий «доброй старой Англии» и британского сельского хозяйства. Разве не связаны они с обычными «человеческими» качествами — эмоциональной привязанностью к «своему», осторожностью, неспешностью, здравым смыслом, подсознательной тягой к устойчивости и надежности? Разве мы имеем дело не с определенными «принципами», объясняемыми мировосприятием и складом характера?

Возможно, в каких-то индивидуальных случаях это действительно так. Однако, если заниматься не индивидуальными биографиями, а анализом основ *коллективных* действий, если ставить перед собой задачу понять, почему сотни и даже тысячи людей с разными характерами и личными судьбами совместно выступают с одних и тех же политических позиций, необходимо найти какие-то другие объяснения. И Маркс идет от идеологии тори непосредственно к *интересам* определенной социальной группы, которые сами по себе зависят не от психологии, а от объективно существующего взаимного позиционирования классов в системе производства и распределения национального дохода. Такой группой является крупная земельная аристократия.

Маркс

показывает, что идеология тори как раз и обосновывает необходимость существования таких общественных учреждений, которые объективно обеспечивают владельцам крупных поместий ведущую роль в государстве и наиболее выгодные экономические условия.

Разумеется, если раскрыть эгоистические устремления какого-либо класса в чистом, неприкрытом виде, вряд ли можно рассчитывать на то, что их одобрит кто-то, кроме его собственных представителей. А этого обычно мало для завоевания и прочного удержания власти. Вот тут-то и включается основной концептуальный механизм всякой идеологии — выдать частный интерес какой-либо социальной группы (в разбираемом нами случае - интерес крупных лендлордов) за всеобщий, общенациональный. Именно для этого идеологам и нужны «принципы». Они позволяют изложить содержание классового интереса на языке идеальных целей и «чисто человеческих» устремлений. Причем дело здесь отнюдь не в сознательном обмане. Чаще всего идеолог и сам искренно верит в провозглашаемые им принципы именно как в принципы, что, кстати говоря, придает его позиции эмоциональную достоверность и убедительность.

Следовательно, классовые интересы создают логический каркас идеологии, а психология как бы обволакивает эту конструкцию. Обычный человек, не занимающийся анализом скрытых политических мотивов и непосредственно воспринимающий обращенные к нему аргументы, узнаёт созвучные его настроению психологические мотивы и «впускает»

4 Политическая психология

их в свой внутренний мир. Но вместе с ними туда проникают и смысловые структуры идеологии, которые незаметно настраивают на свой камертон все мировоззрение, подчиняя его логике определенных интересов. В этой связи Маркс показывает, что, хотя британский консерватизм возник на почве крупной земельной собственности, его в той или иной степени поддерживают и некоторые другие социальные слои, в том числе часть простых фермеров, психологически привязанных к традиционным условиям жизни и еще не отвыкших видеть в лендлордах своих «естественных» повелителей.

Впрочем, аналогичным образом «работает» и идеология противников тори - представителей партии вигов. Все произносимые ими высокопарные слова о движении к прогрессу, о либеральных ценностях и пользе просвещения суть не что иное, как прикрытие интересов торговой и промышленной буржуазии. Тори и виги, отмечал Маркс, различаются ровно настолько, насколько земельная рента отличается от промышленной и торговой прибыли. «Земельная рента консервативна, - прибыль выступает как сторонница прогресса; земельная рента национальна, - прибыль космополитична; земельная рента верует в государственную церковь, - прибыль же от рождения является диссиденткой»².

С точки зрения отношений между образом действительности и самой действительностью, идеология, в Марксовом понимании этого слова, есть *ложное сознание*. Общественные отношения предстают в идеологии в «перевернутом» («превращенном»)

виде. Поэтому анализ связи идеологических построений с классовыми интересами Маркс рассматривал как средство демистификации политики и истории, восхождение от видимости и иллюзий (в том числе от иллюзорных представлений классов и отдельных людей о самих себе и своих намерениях) к *действительной сущности* социальных и политических субъектов и их действий.

В этом плане марксистская методология и в самом деле была очень сильной. На ее базе удалось многое объяснить. Однако сами основоположники марксизма в своих работах описали бесчисленные случаи различия политических позиций у представителей одного класса, которые достаточно сложно вывести из неодинаковых социально-экономических условий. Так, те же французские крестьяне середины XIX века не только создавали питательную среду наполеоновской идеи, но и не раз поднимали восстания против усилившегося при Наполеоне III разграбления деревни финансовыми дельцами.

Маркс и многие его последователи пытались разрешать возникающие в этой связи теоретические трудности на основе различения форм и стадий исторической жизни класса. Такой подход позволял сопоставить эти формы и стадии с разными типами социальной и политической практики. (Например, Маркс считал, что бонапартистские настроения есть форма идеализации крестьянством эпохи своего относительного благополучия, тогда как выступления против правительства «Наполеона малого» проистекали из их же стремления к новым социально-историческим горизонтам, выводящим

за узкие рамки деревенского быта.) Кроме того, по мере развития в марксизме возрастало значение ситуационного анализа, когда сознание классов выводится не только из присущих им экономических функций, но, в еще большей степени, из всей совокупности исторически складывающихся обстоятельств, включая реакцию на них со стороны других классов. Усложняясь, марксистский подход становился все более гибким. Но этого оказалось недостаточно: реакции различных социальных слоев на те или иные политические события во многих случаях оказывались совсем не такими, какими они ожидались в соответствии с «объективным экономическим положением».

Это проявилось уже в годы Первой мировой войны, когда основная масса рабочих и, что еще важнее, рабочие социал-демократические партии поддержали свои империалистические правительства, перечеркнув тем самым знаменитый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А два десятилетия спустя люди, воспитанные в духе ортодоксального марксизма, испытали настоящий шок, узнав, что немецкие рабочие «допустили» к власти Гитлера. Некоторые пожилые люди еще и сегодня вспоминают, как они отказывались верить в то, что «трудящиеся Германии» будут воевать против страны, власть в которой, как считалось, принадлежала таким же рабочим и крестьянам.

К концу XIX - началу XX века целый ряд важных элементов марксистской парадигмы, такие, как принцип социальной (социально-исторической) обусловленности восприятия мира и мышления,

классовый подход, концепция идеологии, учение о практике и производстве сознания, приобрел характер базовых предпосылок анализа политического сознания. В той или иной форме их использовали (идеи настоящего времени используют) исследователи разных направлений. Но вместе с тем в свете многообразных фактов политической истории и текущей политики, которые не укладывались в Марксову схему социальной обусловленности сознания и поведения, последняя существенно модифицировалась и пересматривалась.

С одной стороны, картина социальной неоднородности становилась более дробной и вместе с тем многомерной. В поле зрения исследователей попадают практически не рассматривавшиеся в классических марксистских текстах социальные образования, которые оказывали или могли оказывать существенное влияние на мировосприятие, личностное самоопределение и способы мышления независимо от классов.

Так, специальным предметом изучения социологии и социальной психологии начала XX века становятся ближние и дальние круги общения (Г. Зиммель), разнообразные социокультурные среды, в том числе специфическая среда большого города (Л. Вирт, Р. Парк), профессиональные, религиозные и этнические общности (М. Вебер, В. Зомбарт, Ф. Знанецкий и др.), политические элиты (Г. Моска, В. Парето), поколения (К. Маннгейм) и т.д. В результате расширения теоретической перспективы «политический человек» оказывался включенным в многоярусную систему общностей, каждая из ко-

торых в определенных условиях могла стать ведущей в формировании его психологии.

С другой стороны, социальное психологизировалось. Схема, согласно которой социальная позиция задается до всякой психологии как ее абсолютно объективная предпосылка, оказалась под сомнением.

Еще в начале 1900-х годов один из ведущих представителей русского неортодоксального марксизма А.А. Богданов отмечал, что экономика и экономические отношения, которые Маркс рассматривал как материальное основание политики, идеологии и духовной жизни, на самом деле имплицитно содержат в себе психологические элементы.

Приблизительно в то же время немецкий экономист и государственный деятель Г. Шмоллер в противовес экономическому объективизму рассматривал классы и классовую принадлежность, используя чисто психологическое понятие «круг сознания». А несколько позже французский социолог и социальный психолог М. Хальбвакс на эмпирическом материале показал, что классовое понимание социальной действительности определяется не только объективным экономическим положением, но и субъективной психологической ориентацией на определенные жизненные стили. Так, политические симпатии, интересы и политическое поведение рабочих, идеалом которых является «солидный» образ жизни, и рабочих, живущих по принципу «заработать и развлечься», не могут быть одинаковыми.

Впоследствии на этой методологической основе возникли иные, чем у Маркса, модели социального

расслоения общества, в которых различие между классами или социальными слоями (стратами) определялось не структурным позиционированием в системе отношений собственности, а эмпирическим сочетанием ряда параметров. Основные среди них: доход, уровень образования, социальный престиж, профессия и тип рабочего места (физический труд на заводе, работа в офисе, управленческая и интеллектуальная деятельность и т.п.), а также тип жизненных ценностей и стратегий личности (в том числе основанных на сознании принадлежности к определенному классу).

Итальянский социолог и экономист В. Парето попытался связать разделение общества на классы с психологическими различиями людей. Следуя Марксу, он трактует идеологию как ложное представление о действительности, маскирующее чьи-то действительные мотивы. Однако за идеологией, согласно Парето, скрываются не столько объективно заданные социально-экономической системой интересы, сколько чисто субъективная материя иррациональных, логических импульсов. Индивид поступает так или иначе под воздействием стихийных чувств и «психологических преддиспозиций», но эти действия нуждаются в логическом оформлении и обосновании, позволяющих предъявить их самим себе и окружающим. Эту функцию и выполняет идеология.

Начиная с 20-х годов XX века ключевую роль в психологизации мира политики и социальных отношений в целом начинает играть психоанализ. Представители этого направления выводят психо-

логические явления из психологии бессознательного точно так же, как Маркс делал это, беря за основу экономику и экономические интересы. Основоположник психоанализа З. Фрейд впервые обратил внимание на механизмы психологической самозащиты, вытеснение социально неприемлемых инстинктов и сублимацию подавленных влечений как на факторы, определяющие мотивацию идейно-политического самоопределения личности.

Наибольших успехов психоанализ добился в объяснении перипетий политической социализации и истории жизни конкретного индивида, а также в политической психодиагностике. Использовался он и для объяснения крупномасштабных политических процессов. Однако в этих случаях методы психоанализа обычно интегрировались с какой-либо социальной теорией, чаще всего с марксизмом, получившим специфическую психологическую интерпретацию. Например, в работах некоторых философов и психологов бессознательное соотносилось не столько с вытесненными из сознания мотивами, сколько с предшествующими сознанию объективными социально-экономическими детерминантами психики.

Сочетание марксизма и психоанализа как дополняющих друг друга концепций в ряде случаев давало неплохие прогностические результаты. Например, на этой методологической основе Э. Фромм еще в 1932 году пришел к выводу, что немецкие рабочие психологически восприимчивы ко многим тезисам немецкой пропаганды и потому не склонны оказывать национал-социалистам сопротивление (для ор-

тодоксального, «чистого» марксизма, как отмечалось выше, такой вывод был немыслимым).

Ориентированные на взаимодействие с марксизмом, сторонники психоанализа пришли к выводу, что структуру психики конкретного человека нельзя вывести из социально-экономических условий непосредственно. В цепочке социальной детерминации психики должно быть некое промежуточное звено, как бы соединяющее в себе социальные и психологические определения. Э. Фромм назвал это звено *социальным характером*.

Для развития политической психологии в XX веке большое значение имела разработанная Э. Фроммом, Т. Адорно, М. Хоркхаймером и другими представителями так называемой Франкфуртской школы *концепция авторитарной личности*.

Авторитарная личность, согласно этой концепции, черпает ощущение собственной силы и чувство идентичности в подчинении авторитету и одновременно в подавлении не подчиняющихся. Ей необходимо чувствовать себя частицей власти, которую она возвеличивает и обожествляет. Авторитарная система создает для людей такого типа наибольший психический комфорт, а угроза этой системе воспринимается ими как угроза собственному душевному здоровью. Поэтому преобладание в обществе людей авторитарного склада рассматривалось как социально-психологическая база тоталитаризма. Авторитарному характеру противопоставлялся, с одной стороны, независимый, живущий «аутентичной жизнью» революционный характер, а с другой - так называемая демократическая личность.

На базе фроммовской концепции социального характера разрабатывались и другие политико-психологические типологии. Так, в работах Д. Рисмена это «традиционно ориентированный», «ориентированный внутрь», «ориентированный на других» типы личностей. Каждый из них соответствует определенной стадии развития общества (традиционное общество, классический капитализм, современное общество) и вместе с тем определенному политическому стилю. Например, для «ориентированной внутрь» личности политика сливается с морализаторством и выступает как деятельность, направленная на улучшение людей и институтов, а «ориентированность на других» приводит к сдвигу политического настроения от возмущения к терпимости.

Характеризуя общий контекст и направление осмысления связи между социальным позиционированием и психологией, надо особо сказать о возникновении в начале XX века такой дисциплины, как социальная психология. Эта наука поставила вопрос о социальной обусловленности человеческой психики и поведения в совершенно новом концептуальном ключе. В частности, она показала решающую роль личностных взаимодействий в социальной микросреде (малые группы, «значимые другие» и т.п.), необходимую для понимания механизмов формирования мировоззрения, практических ориентации и ценностей, смысловых ассоциаций, убеждений, а также для выработки согласованных интерпретаций тех или иных конкретных событий. В социальной психологии формирование сознания и поведения предстало как процесс взаимных усту-

пок и взаимного приспособления непосредственно взаимодействующих индивидов, причем само взаимодействие может быть значительно более важным обстоятельством, чем абстрактно взятое классовое или социальное положение каждого из них.

Исходя из этого, становилось ясно, что воздействие социальной системы и «больших» социальных общностей на индивида всегда опосредуется его ближайшим окружением. При этом в рамках социальных микросред проявляются совершенно особые закономерности и функциональные роли, которые невозможно напрямую вывести из общественного строя как такового. Каждую личность в ее непосредственных контактах с другими людьми характеризуют некоторые сущностные психологические свойства, которые хотя и формируются в социальной среде, но не зависят от социального положения: агрессивность или стремление избегать борьбы и конфликтов, склонность к послушанию или, наоборот, к лидерству, конформизм или тяга к самостоятельности и т.п. Классовый тип и нормативные социальные роли как бы накладываются на эти свойства, соотносятся с ними и через них реализуются в самых различных формах. Поэтому сознание класса и вырабатываемые на его основе модели поведения принципиально вариативны, и выделять какой-то один из вариантов в качестве «подлинного», «правильного», «настоящего», как это стремились делать Маркс и его ортодоксальные последователи, вряд ли верно. Возможно/с точки зрения отчетливого представления классовых интересов такое вариативное сознание будет выглядеть

противоречивым, запутанным или даже «разорванным», важнее, что именно оно является реальным сознанием реальных людей и именно оно направляет их политические действия. Вопрос о классовой принадлежности сегодня не решается столь однозначно, как во времена Маркса. Общепринятой модели классовой структуры также не существует. Относительно того, где проходит граница между классами, мнения расходятся, но все интуитивно понимают, что они существуют, и обычно всего лишь несколько процентов граждан не в состоянии соотнести себя с каким-то одним из социальных слоев или классов.

В современных политических и политико-психологических исследованиях используются различные схемы социальной дифференциации. Обычно они включают в себя высший, средний и низший (бедный) классы, к которым часто добавляется и рабочий класс. Возможны и более дробные классификации, содержащие спецификации по роду занятий.

Принято также проводить различие между классом и социальным статусом, введенное в свое время М. Вебером. При этом операционально понятие класса обычно связывается с наличием классового сознания и классового чувства, а классовая принадлежность выявляется через самооценку и самоотчет. Люди, занимающие одно и то же положение в обществе в силу тех или иных психологических причин могут определять свое положение в разных категориях: скажем, водитель грузовика может ощущать себя и «трудагой», и самостоятельным хозяином, предпринимателем.

В отличие от класса статус - категория объективная. Она выражается через совокупность таких однозначно установленных показателей, как доход, престиж, доступ к власти, образовательный ценз и образ жизни.

В целом общие тенденции развития социального знания, политической науки и теоретической психологии в XX веке способствовали переводу проблемы влияния социальных различий на политические представления и политическое поведение людей в плоскость эмпирического изучения. Это потребовало так называемой операционализации теоретических понятий, то есть их перевода на язык эмпирически выявляемых индикаторов. Эти индикаторы как бы выстраивались в один ряд, и классовая принадлежность оказывалась лишь одним из элементов ряда, действующим наряду и в связи с другими, — уровнем образования, типом поселения, в котором живет человек, наличием и составом семьи, этнической принадлежностью и т.п. Вопрос об их сравнительной значимости теоретически не предпринимается: «вес» каждого устанавливают конкретные исследования.

Важная особенность эмпирических исследований по политической психологии заключается в том, что связь между социальными различиями и различиями, характеризующими политические представления, эмоциональную окраску вызванных политикой переживаний, идеальные схемы политического поведения, ассоциативные ряды политического сознания, мыслятся не по типу *выведения* одного из другого, а по типу *корреляции*. Коррелятивная

связь на уровне индивида выявляется в виде поведенческих установок (аттитюдов), а на уровне типологических черт сознания и поведения, характеризующих совокупности индивидов - классы, социальные слои, социокультурные общности, - ее выражают определенные статистические тенденции.

Методология эмпирического изучения социального «среза» политической психологии в целом сложилась в 30-50-х годах XX века. В этот период появляется и ряд обобщающих публикаций, среди которых отметим работы П. Лазарсфелда, Р. Сен-терса, Г. Айзенка³.

Эти ученые на большом эмпирическом материале проследили основные зависимости между политическими ориентациями и социальным положением, проанализировали вклад различных социальных характеристик в формирование политических ориентации и форм политического поведения. Интересную картину дает, например, сопоставление политических предпочтений избирателей с близким уровнем жизни, но с разным классовым самосознанием. Скажем, те американцы, которые субъективно относят себя «к бизнесу», при прочих равных условиях проявляют заметно большую склонность поддерживать республиканцев, чем те, кто считают себя «трудящимися».

В целом эмпирические политико-психологические исследования, проводившиеся в различных странах, подтверждают высокую степень корреляции между классовым положением и некоторыми переменными, характеризующими как тип политического поведения, так и отношение к политике

в целом (склонность к политической апатии и аномии, авторитаризм и пр.).

Значит, те социальные различия, которые имеют классовую природу, и сегодня в конечном счете преобразуются в определенные политические предпочтения. Однако сопоставление данных массовых опросов, глубинных интервью и отдельных характерных случаев (так называемые кейс-стадиз) с электоральной статистикой позволяет описать этот процесс не как прямое отражение, а как своего рода *ступенчатую трансформацию*, в ходе которой на каждой ступени (стадии) политического самоопределения чисто экономические мотивы осложняются и модифицируются многообразными социальными и социально-психологическими факторами.

Например, рабочие ФРГ судят о классовой природе политических партий вполне «по Марксу». Почти 2/3 опрошенных из этой социальной группы убеждены, что рабочий класс в политическом спектре страны представляет СДПГ. Однако свои личные симпатии отдают СДПГ уже только 52% рабочих. А голосуют за нее менее половины рабочих избирателей⁴.

В 50-80-х годах в некоторых ведущих странах Западной Европы были проведены серьезные социопсихологические исследования, выявившие структурное разнообразие классовых образов мира, и в первую очередь тех представлений об обществе и общественных отношениях, которые создают смысловой каркас политической позиции. При этом совершенно определенно выяснилось, что общий взгляд человека на вещи, а следовательно, и политическая интерпретация конкретных событий, часто

в большей степени зависит от так называемых структур повседневности, чем от его положения в системе экономических отношений.

Так, в повседневной жизни для сельскохозяйственных рабочих гораздо важнее не противоречия с владельцами земли, а отношения с приезжими (и с рабочими-мигрантами, и с недавно обосновавшимися в данной местности фермерами). Взгляды же индустриальных рабочих чрезвычайно сильно варьируют в зависимости от типа поселения. Так, рабочие, живущие в небольших городках, где рабочие места почти исчерпываются одной фирмой, склонны чаще идентифицировать себя с ее хозяином и ее успехами, чем те, кто имеют свободный доступ на рынок труда и потому легче меняют место работы, руководствуясь не «сентиментами», а лишь материальным расчетом.

Классовым антагонистом рабочих маленького городка обычно выступает не сам владелец предприятия, с которым они практически не сталкиваются, и даже не менеджеры, а представители низшей заводской администрации, вышедшие из рабочей же среды. Капиталист может даже принимать облик «друга рабочих», покровителя или арбитра, который «по справедливости» улаживает конфликты между теми, кто стоит у станка, и теми, кто непосредственно организует и контролирует их работу. В таких рабочих поселках и городках рабочие реже бастуют и чаще голосуют так, как «подсказывают» хозяева, поскольку перспективу улучшения своего положения они связывают не столько с увеличением своей доли в общей стоимости произведенной

их трудом продукции, сколько с созданием максимально благоприятных условий для работодателя.

Как показывают данные социологических опросов, трудящимся в развитом индустриальном обществе капиталистического типа наиболее свойственно так называемое дихотомическое сознание, в рамках которого общество делится на две группы. Одна из них — «мы», «большинство людей», другая - «они», «богатые», «боссы». В то же время в этой среде бытуют и более сложные социальные модели, в которых, во-первых, между наемными работниками и элитарными группами вклинивается промежуточный слой «надсмотрщиков», а, во-вторых, в особый класс выделяются «те, кто ниже нас» (вследствие чего рабочие предстают в собственных глазах как группа, расположенная не у подножия социальной пирамиды, а ближе к ее середине)⁵.

В зависимости оттого, какта или иная социальная группа представляет себе структуру общества, у нее формируются определенные понятия о «друзьях» и «врагах» и связанная с этим мотивация политического поведения, впрочем, часто очень нечеткая. Так, в странах Запада рабочие обычно и признают социальное партнерство с хозяевами (или менеджментом), и отрицают его, вплоть до неспособности сделать какой-то определенный окончательный вывод. Таким же двойственным является отношение к забастовке: скажем, соглашаясь прекратить забастовку по прагматическим соображениям (администрация уже пошла на частичные уступки), рабочие порой вместе с этим выражают недовольство тем, что не до конца продемонстрировали свою силу.

Фактически в конкретном анализе расстановки социальных и политических сил и моделей их политического поведения классы естественным образом распадаются на социально-психологические группы, принадлежность к которым определяется как собственно классовым положением, так и общим складом личности, индивидуальной мотивацией и другими субъективно-личностными факторами.

В послевоенный период зарубежные политические психологи довольно кропотливо исследовали и описали такие группы. В пределах слоя буржуазии были выделены две группы - традиционные и «современные» предприниматели (для первой характерна высокая степень личностной идентификации с конкретным предприятием, психология опоры на собственные силы, слабая способность к политической самоорганизации, склонность к консерватизму и глубокое недоверие к государству, облагающему предпринимателя чрезмерными налогами, чтобы потом перераспределить их среди разных «бездельников»; для второй - психология «игрока в команде», ориентация на доктрину социальной ответственности бизнеса и создание под этим флагом общенациональных организаций, представляющих перед государством интересы патроната, активная вовлеченность в политику, которая трактуется как инвестирование в «нужные» законы и решения, чисто прагматический подход к выбору идейно-политической ориентации: политические партии рассматриваются прежде всего с точки зрения пригодности для лоббирования определенных интересов, а не со стороны идеологических различий). Среди рабо-

чих, в свою очередь, выделяются группы «активистов», «солидаристов», «подкупленных», «почтительных» (последних отличает вера в то, что собственность и власть принадлежат «тем, кто выше нас» на основании некоего «естественного» права) и т.д. Самый, пожалуй, неоднородный слой - интеллигенция: часть ее, как известно, интегрирована в корпоративные структуры крупного бизнеса и отождествляет себя с их интересами, другие связаны с обслуживанием социальных функций государства, третьи по роду занятий и жизнедеятельности близки к тому, что в XIX веке называли «свободными профессиями», и наконец, достаточно обособленную группу составляет так называемое академическое сообщество. К тому же в этом слое, как ни в каком другом, велик разброс по статусным позициям и уровню дохода. Поэтому интеллигенцию отличает особое многообразие политических позиций и моделей политического мышления: фактически в этой среде на статистически достоверном уровне представлены все сегменты политического спектра. Определенной вехой в осмыслении психологических аспектов политики стала разработка обобщенных количественных моделей идеологической и политической дифференциации общества, в которые в качестве независимых переменных вводились некоторые «досоциальные» психологические параметры, действующие как бы «навстречу» социальным факторам. Такого рода модель предложил, в частности, Г. Айзенк, выделивший «жесткий» и «мягкий» склады ума как психологический фактор идейно-полити-

ческой дифференциации. В общепсихологическом плане эти две модальности политического мышления интерпретировались на основе противопоставления экстравертного и интравертного типов личности, а также хорошо известного психологам факта неодинаковой склонности людей к доминированию и агрессии. Поляризация «жесткого» и «мягкого» типов, по Айзенку, действует внутри каждого участка политического спектра. Например, люди, которых стоящие перед ними социальные проблемы в принципе направляют в сторону левого радикализма, в зависимости от своих личных психологических качеств становятся либо пацифистами (мягкий вариант), либо коммунистами (жесткий вариант).

Вывод Айзенка о связи между политической ориентацией личности и ее психологическим складом, устанавливаемой «поверх» классовых различий, во многом подтвердили и последующие исследования, использовавшие другие объяснительные схемы. Существуют, например, эмпирические данные, позволяющие выделить общие психологические предпосылки склонности к правому авторитаризму: это стремление к безусловному подчинению власти, конвенционализм (приверженность традиционным социальным нормам, внутренний дискомфорт при столкновении с новым), агрессивность по отношению к «непохожим», особенно если такое воспринимается как одобряемое властью⁷.

В послевоенный период на Западе, а несколько позже и в некоторых государствах Азиатско-Тихоокеанского региона интенсивное освоение достижений

научно-технического прогресса привело к очень быстрому росту благосостояния. Причем плоды этого процесса доставались отнюдь не только верхним и средним слоям, но и непосредственно трудящимся.

Разумеется, социальное неравенство сохраняется, но оно принимает существенно иные формы. В начале XX века один из видных большевистских публицистов приписывал французскому рабочему классу буржуазную психологию на том основании, что в комнатухах французских рабочих нередко можно увидеть... зеркальный шкаф. Сегодня квартира со всеми удобствами, телевизор, бытовая электротехника, домик на лоне природы, отдых на морском побережье вошли в быт миллионов людей. Конечно, роскошный лимузин, на котором ездит президент компании, по-прежнему недоступен для простого рабочего, однако и рабочий вполне может позволить себе покупку машины, пусть и недорогой. За счет бурного экономического роста во многих развитых странах было построено так называемое социальное государство, одним из атрибутов которого стала надежная система социального обеспечения и социальной защиты. В то же время развитие экономики требовало квалифицированных кадров, и это сделало высшее образование относительно доступным для выходцев из трудовых слоев населения. В результате перспективы вертикальной мобильности (то есть продвижения наверх) для них заметно возросли.

Эти объективные социально-экономические изменения имели далеко идущие политические последствия. В частности, потеряла свою былую эмо-

циональную остроту проблема физического выживания, а отчасти и бедности вообще. Напряженность в отношениях между различными социальными слоями существенно ослабла, а граница между ними в массовом восприятии постепенно размывалась. Психологически в этой новой социальной ситуации для значительной части трудящихся все более привлекательным становилось не разрушение капиталистической системы, а самореализация в ее рамках - если не для себя лично, то по крайней мере для своих детей, которым теперь все чаще удавалось «выбиться в люди» (характерно, что в 1980-х годах в богатых странах приблизительно треть рабочих отождествляла себя уже не с «низами», а со средним классом). Политический протест потерял непосредственную связь с борьбой за существование и в то же время диверсифицировался: в частности, наряду с общим стремлением сдвинуть ось социального партнерства в сторону трудящихся, в нем выделились отдельные «целевые» направления (например, экологическое).

Примерно в середине 1970-х годов в развитых странах стали ощущаться еще более глубокие сдвиги, обусловленные переходом от индустриального общества к постиндустриальному (информационному). Потребность в традиционных видах труда, включая не только работу у станка или конвейера, но и малоквалифицированный труд в сельскохозяйственном производстве, значительно сократилась, а новые рабочие места возникали прежде всего там, где требовались специальные знания. Эти процессы не меньше, чем рост благосостояния, повлияли как на

объективную картину социального расслоения, так и на представления людей о самих себе. Понятно, что уютно расположившийся за дисплеем компьютера оператор сложной автоматической установки, даже если это установка по производству болтов и гаек, чувствует себя ближе не к рабочему (на уровне повседневного сознания это понятие психологически ассоциируется с физическим трудом, грохотом металла, с руками, испачканными машинным маслом, и т.п.), а к лицам «интеллигентных профессий» вроде сотрудников исследовательских институтов, лаборантов медицинских учреждений, работников технических служб телевидения. Причем эта новая идентичность распространяется не только на то, что человек делает на своем рабочем месте, но и на весь его жизненный мир. Иными словами, рабочий не хочет больше осознавать себя рабочим, он даже начинает культивировать в себе все то, что от рабочих (в традиционном понимании этого слова) его отличает. Такой рабочий уже не будет поддерживать рабочие партии, более того, он старается вести себя как их ярый противник, поскольку подсознательно освобождается от психологически тягостного для него понимания своей действительной социальной принадлежности.

Одним из самых очевидных результатов происходивших на протяжении последних десятилетий изменений в жизни и психологии жителей развитых стран стало утверждение многофакторной модели политической мотивации с относительно размытыми классовыми характеристиками. Ориентация на ту или иную партию постепенно утрачивала четкую связь с социальным положением человека. Так,

в Германии в правобуржуазном ХДС в 70-80-х годах рабочие были представлены практически наравне с чиновничеством, которое в этой стране всегда считалось самым стойким оплотом правого консерватизма. Среди членов СДПГ в 1930 году почти 60% составляли рабочие, 10% - служащие, 4% - чиновники; полвека спустя рабочих в партии насчитывалось уже меньше, чем служащих (22 против 26%), доля же чиновников возросла в три раза, достигнув почти половины от числа рабочих.

В электоральном поведении сегодня все большую роль играют разнообразные ситуативные соображения, личные представления о том, «что человеку в жизни нужно», характер социальных связей в сообществах, формирующихся по месту проживания (большой город, малый город, сельская местность), и, наконец, субъективное отношение к тем или иным человеческим качествам. Например, рабочий, который по экономическим и социальным мотивам должен был бы поддерживать социал-демократов, может на деле голосовать за их противников - христианских демократов просто потому, что ему неприятно видеть, как люди, начинавшие свою карьеру с низовой профсоюзной работы, вдруг превращаются в важных особ, живущих на роскошных виллах и летающих на прогулку на вертолете. При этом к буржуазным политикам он таких претензий не предъявляет - ведь они изначально принадлежат к другому социальному кругу и потому политически оцениваются по иным критериям.

Чрезвычайно важным фактором социальной детерминации сознания и основных психических

функций в развитых странах стали происходившие в последние десятилетия изменения в динамике социально-экономического развития. Она приобретала все более взрывной и вместе с тем прерывистый характер, что создавало совершенно новые социальные противоречия и психологические проблемы, сопряженные с адаптацией к слишком быстро менявшейся социальной действительности. В этой ситуации конъюнктурные изменения ощущались значительно острее, чем социальные факторы, связанные с «медленным» временем (включая, между прочим, и традиционное классовое неравенство).

В материалах проводившихся на протяжении последних десятилетий исследований можно найти множество ценных наблюдений, свидетельствующих о воздействии быстрых и сверхбыстрых социальных перемен, определяющих динамику модернизации современного капитализма, на политическую психологию и политические ориентации населения.

Они показывают, в частности, что само «уплотнение» исторического времени превращается в весьма важный психологический фактор, влияющий на настроения и ожидания людей, а через них и на политическое поведение. Формируется специфический ритм смены политических настроений, связанный с чередованием импульсов модернизации и «реакций усталости», вызванных слишком быстрыми изменениями. Например, как отмечалось в работах французских социопсихологов, во Франции для того чтобы выиграть президентские выборы 1974 года, нужно было выглядеть технократом, устремленным в XXI век. Таким и казался избирателям

Жиска́р д'Э́стен. Но уже в 1981 году язык менеджмента, цифр и экономических расчетов стал восприниматься как воплощение холодного и бездушного рационализма. У французов возникла потребность в передышке, восстановлении душевного равновесия, стабильности. И на этот раз их психологическому состоянию больше соответствовал Ф. Миттеран с его лозунгом «спокойная сила», с его насыщенными моральными оценками выступлениями и образом благоразумного отца семейства⁸.

Анализ влияния социальных различий на политическую психологию требует учета «крупномасштабных» социальных факторов, включая такие феномены современной реальности, как плюрализм жизненных стилей, распространение так называемых постэкономических ценностей, столкновение между нарождающейся глобальной культурой и национальными традициями и т.д. Все эти факторы одновременно совершают колебательные движения разной периодичности, образуя постоянно меняющиеся фазовые конфигурации, которые трансформируются затем в обобщенные политические ориентации. Поэтому политическое мышление сегодня определяется скорее не «принадлежностью», не соотносением с какой-то социальной сущностью, а меняющимся положением в рамках неустойчивых диспозиций. Вследствие этого оно приобретает ярко выраженный ситуативный характер и теряет связь с концептуально оформленными идеологиями, претендующими на понимание раз и навсегда установленной «сути вещей».

Утрата ясно выраженной социальной закреплённости или ее отчетливо ощущаемый временный ха-

раактер могут стимулировать возникновение новых, психологических в своей основе, политических оппозиций, различных по мироощущению, личным способностям и темпераменту. В ряде работ по социальной и политической психологии предпринимаются попытки осмыслить эту проблему с точки зрения современного политического процесса. В этом отношении представляют несомненный интерес выводы известного французского социопсихолога Б. Катля, который выделил применительно к конкретным условиям своей страны несколько жизненных стилей, формирующих политический выбор, в их числе подчеркнуто инновационный «авантюрный» стиль и «приватистская» субкультура (ориентированная на спокойный и безопасный образ жизни). Эти жизненные стили, безусловно, носят надклассовый характер, ибо приверженность стабильности и семейным ценностям или, напротив, склонность к риску и обновлениям характеризуют человека как такового, независимо от того, является он предпринимателем, рабочим, интеллектуалом или государственным чиновником. Противоположность между «авантюрно-рыночной» и традиционалистской субкультурами, принадлежность к которым связана не столько с родом занятий и уровнем благосостояния, сколько с личными качествами, включенностью в определенную среду и особенно с возрастом, хорошо просматривается и в России. Вместе с тем необходимо отметить, что те модели социальной детерминации политического сознания и политического поведения, которые наблюда-

ются сегодня в Западной Европе и США, отнюдь не универсальны и не могут безоговорочно переноситься на другие страны.

В частности, анализ психологических аспектов российской политики теми же методами, которые применяются за рубежом, дает несколько иную картину.

В России, в отличие от Запада, эволюция идет не в сторону размыwania психологических ориентиров, связанных с классовой дифференциацией, а в противоположном направлении. Если в начале 1990-х годов формирующиеся в условиях рыночной экономики классы еще не сильно различались в восприятии своего уровня жизни, то к концу десятилетия их социальный опыт резко поляризуется. Поэтому степень корреляции голосования с классовым положением на протяжении всего периода реформ возрастает с каждым избирательным циклом⁹.

В то же время в ситуации переходного общества возникает характерное совмещение временных перспектив видения реальности, когда в совершенно изменившихся социальных условиях сохраняется субъективная вовлеченность в конфликты и противоречия советского времени, в том числе и в борьбу с уже исчезнувшими «врагами», образ которых переносится на кого-то другого. Наряду с этим появляется специфический эффект «двойного социального сознания», когда человек определяет свое место на социальной лестнице, исходя то из новой, то из старой системы статусов, что крайне затрудняет адекватное понимание собственных интересов и существенно замедляет кристаллизацию дееспособных политических субъектов.

Глава 4

МАССЫ И МАССОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

На рубеже XIX и XX столетий политическая жизнь США и ведущих стран Европы, включая Российскую империю, претерпевает важные изменения. В этот период на авансцену политики выходит совершенно новый коллективный политический субъект -массы, который очень быстро приобретает ключевое значение в расстановке политических сил. Влияние на массы, поиск опоры в массах, связь с массами и, наконец, организация масс начинают рассматриваться как главные задачи политической деятельности, а поддержка масс выступает теперь исключительным условием серьезности любой политической программы. «Политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика», - говорил Ленин'. Эти слова, безусловно, отражали реалии политической жизни того времени, ее ведущие тенденции, которые в дальнейшем непрерывно усиливались.

Что же такое массы с психологической точки зрения? Первые попытки осмысления психологии мас-совидного поведения были предприняты француз-

скими социологами, прежде всего Г. Лебоном, Г. Тардом, Э. Дюркгеймом.

В своих исследованиях эти ученые опирались как на исторический опыт французских революций, так и на изучение самых значительных для французского общества того времени социальных и политических явлений. При этом отправным пунктом анализа для французских социологов конца XIX - начала XX века служила характеристика такой ярко проявившей себя в революционных событиях формы объединения людей, как толпа.

Важнейшая особенность этого объединения состоит в том, что оно создает совершенно особое коллективное психологическое состояние. Люди, присоединяющиеся к толпе, приобретают абсолютно новые психологические свойства, не присущие им в качестве индивидов. Сознательная личность исчезает, а «чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление»². В результате формируется как бы коллективная душа толпы, которая начинает действовать как самостоятельное существо.

Душа толпы имеет, правда, временный характер, но очень определенные психологические черты. Речь идет о так называемом феномене регрессии, в соответствии с которым сознание каждого человека в толпе значительно ослабляется. Разум у человека отступает перед эмоциями, инстинктами, спонтанными волевыми побуждениями, вызываемыми нередко совершенно случайными впечатлениями.

В числе специфичных свойств толпы французские социопсихологи называли импульсивность, раздра-

жительность, неспособность обдумывать, непосредственный характер реакций, отсутствие критики, преувеличенную чувствительность, непостоянство мнений, легкое верие, внушаемость, нетерпимость и пр. Настроения толпы легко приобретают самые крайние формы: высказанное подозрение тотчас превращается в неоспоримую очевидность, чувство неодобрения - в жгучую ненависть и т.д.

Вместе с тем толпа не чужда и некоторым идеям. Однако они всегда носят чувственно-образный характер. Никакие сколько-нибудь отвлеченные представления толпа не воспринимает, хотя бы даже в ее составе было немало индивидов, по отдельности вполне способных к абстрактному мышлению. Кроме того, идеи толпы всегда очень просты. Они должны быть понятны самым непросвещенным и не склонным к рассуждениям людям. Поэтому содержание всех политических теорий, как только они проникают в массы, становится до неузнаваемости примитивным. Но чем проще политические идеи, тем сильнее они действуют на массы.

Каков же механизм формирования коллективных чувств и представлений, составляющих душу толпы? Лебон называет несколько взаимосвязанных факторов, в частности воздействие на сознание бессознательных импульсов и инстинктов, эмоциональное взаимозаражение (своего рода коллективный гипноз), ослабление чувства личной ответственности и самоконтроля, помноженное на ощущение непреодолимой силы толпы, и т.п. Наряду с этим огромное значение имеет то, что толпа всегда выделяет из своей среды индивидов, способных гипнотиче-

ски влиять на ее настроения и поступки (вожаки толпы). Именно они вносят в толпу различные воодушевляющие и спланивающие ее идеи. И именно на них фокусируются все надежды и стремления массы. Поэтому одно слово вожака способно привести многотысячную толпу в действие и придать этому действию определенное направление.

Воодушевляемая коллективными переживаниями, создающими мощный эффект психологического резонанса, толпа одинаково способна и на величайшие преступления (например, на поголовную резню «врагов»), и на доходящий до самопожертвования героизм. Однако, когда она рассыпается, перед нами оказываются совершенно обычные, ничем не примечательные люди. Так громогласные трибуны и кровожадные палачи, входившие в грозный Конвент, при Наполеоне вдруг превратились во вполне ординарных чиновников и юристов.

При этом уже в первых исследованиях по «психологии толп» подчеркивалось, что толпой в психологическом смысле этого слова может стать любое собрание любых индивидов, независимо от их социального положения, воспитания, нравственных качеств, ума и образования. Толпа академиков так же возможна, как и толпа городской черни, и обе они подчиняются общему закону духовного единства толпы. Кстати говоря, в качестве одной из форм организованной толпы в этих исследованиях рассматривалось собрание депутатов в парламенте.

Однако, быть может, самая важная из высказанных в ходе разработки «психологии толп» идея сводилась к тому, что законы толпы действуют не толь-

ко в одном месте, но и на расстоянии, соединяя физически разделенных людей. Габриель Тард называл такие ассоциации индивидов рассеянной толпой, или публикой.

Если толпа представляет собой древнейшее социальное явление, то публика - продукт сравнительно позднего этапа истории. Связь, которая соединяет отдельных индивидов в «рассеянную толпу» - это связь чисто умственная и, как сказали бы сегодня, коммуникативная. Поэтому она в принципе становится возможной не ранее, чем было изобретено книгопечатание. Однако реально публика начинает влиять на общественную жизнь значительно позже. Во Франции она заявляет о себе лишь в эпоху Людовика XIV. Во второй половине XVIII века зарождается и собственно политическая публика, которая довольно быстро поглощает или вбирает в себя все другие ее виды (литературную, философскую и т.п.). Однако время настоящего утверждения публики как ведущей формы социально-политического объединения пришлось на эпоху Революции, которая по сути дела породила журналистику как совершенно особую профессию.

Важность введенных Тардом понятий состоит в том, что они позволяют описывать не только всплески массовой экзальтации (какими были, к примеру, штурм Бастилии или массовые убийства аристократов), но и повседневные механизмы психологического соединения людей в массу. Это соединение более прочно и, главное, глубже захватывает личность, чем толпа. Последняя сравнительно быстро распадается, и составляющие ее люди как

5 Политическая психология

бы возвращают себе свои индивидуальные психические качества. Публика же существует десятилетиями, и принадлежность к ней становится своего рода постоянным свойством.

Соединение индивидов в публику, по Тарду, осуществляется через особое духовно-психологическое образование, которое называется общественным мнением. Человек, в силу своих профессиональных занятий оказывающий влияние на общественное мнение или формирующий его (в то время это были, прежде всего, журналисты и писатели), становится теперь центральной фигурой политического процесса, способной выполнять некоторые из тех функций психологического воздействия, которые обычно присущи вожакам толпы.

Сам Тард опровергал точку зрения Лебона, предрекавшего наступление «эры толп». Тард полагал, что новое историческое время будет эрой не толп, а публики или публик. Теперь мы знаем, что история подтвердила пророчества обоих мыслителей. Стихийные выступления многотысячных скопищ доведенных до экзальтации людей еще не раз дадут знать о себе в истории. Вместе с тем в относительно спокойные периоды функционирования современных политических систем действует «время публик». Толпа и публика предстают в истории XX века как два лика одного феномена - массового общества, а стало быть, и массовой политики.

Надо отметить, что французские социологи конца XIX века сумели выявить многие принципиальные особенности психологии массового взаимодействия, имеющие большое значение и в наши дни. Удиви-

тельно современно читаются, например, написанные более 100 лет назад араницы работ Тарда, где он указывает, что однотипное потребление уже само по себе создает социальную и психологическую связь, независимо от классовых интересов и принадлежности, или анализирует в то время новый тип психологической включенности в политический процесс *-человека одной газеты*.

Чрезвычайно важен и вывод Тарда о способности преобладающего способа социально-политической коммуникации задавать определенную направленность ума, а тем самым и смысловые рамки политики.

Так, существует связь между космополитическим мышлением XVIII века и культурно-психологическим «перевесом» книги над газетой: ведь книга по своей природе предназначена для выражения общих, то есть общечеловеческих идей. В XIX же веке все большей популярностью начинает пользоваться газета, ориентированная на текущие события, и прежде всего на события, касающиеся граждан данной страны. Газета чрезвычайно усиливает информационную связь между людьми, говорящими на одном языке в режиме, приближенном к реальному времени. Это формирует чувство национальной общности, единства национальной судьбы, что создает мощный импульс для развития «национального» политического мышления, ярко проявляющего себя в идее национального государства и в национальных движениях. Не случайно в отличие от космополитического XVIII столетия XIX век можно охарактеризовать как националистический.

В работах Лебона, Тарда, Дюркгейма, Сигеле и их последователей, по сути дела, был выделен и описан новый тип общественного (совместного) поведения людей. Его принципиальная особенность состоит в том, что он формируется и проявляется вне устойчивых социальных групп, соответствующих дифференциации общества в рамках данного общественного порядка. Как толпа захватывает общим порывом представителей разных слоев общества, так и газета объединяет в публику людей разного социального положения, профессии, возраста и национальности.

Другой вопрос, что в массовых объединениях всегда преобладают люди определенного склада и социальной принадлежности. Вряд ли, к примеру, в числе демонстрантов, протестующих против действий правительства, вдруг окажутся министры и высшие чиновники. Поэтому *предметная направленность* коллективных эмоций толп и публик в известной степени связана с социальным опытом и представлениями, формирующимися в тех или иных социальных средах на основе их опыта практической жизнедеятельности. Если революционные толпы направляли свою ярость на «аристократов» и «буржуев», то торжествующие буржуазные дамы насмерть закалывали зонтиками побежденных революционеров. В этом, безусловно, проявляются социальные различия в составе толп. Однако сам *характер* их действий во многом идентичен: легко возбуждаемая агрессивность, стихийная жестокость, болезненное воображение, моментально создающее образы «врагов», жгучая потребность «ра-

зрвать их на части». Поэтому прямое соотнесение массовидных реакций с социальными практиками классов и других социальных групп оказывается невозможным.

Этот последний факт стимулировал интерпретацию «психологии толп» с позиций психоанализа. Данному вопросу посвящена одна из наиболее известных работ З. Фрейда «Психология масс и анализ человеческого "Я"», написанная в 1921 году. В ней создатель психоанализа объясняет эффекты массовой эмоциональной консолидации толп при помощи понятия «либидо». Что же касается способности отдельных личностей овладевать толпой и вести ее за собой, то она рассматривается как гипнотическое воздействие на архаические пласты подсознания. Вождь массы, по Фрейду, это коллективная проекция образа отца-патриарха, вожака первобытной стаи, в основе отношения к которому лежит пассивно-мазохистская установка и в присутствии которого собственная воля уничтожается.

В более поздних версиях фрейдизма, особенно связанных с леворадикальной ориентацией в политике, были предприняты попытки соединить чисто психологический детерминизм Фрейда с восходящим к Марксу принципом социально-экономической обусловленности сознания и поведения. Элементарной формой ассоциации людей, в рамках которой обе эти линии причинно-следственных связей сходятся (пересекаются), является семья. Исторически ее развитие, как известно, «направляется» экономическими условиями. Вместе с тем отношения в семье, в конечном счете предопределяемые

разделением труда в системе «большого» общества (например, мужчина - добытчик, женщина - хранительница очага), непосредственно реализуются как индивидуализированная психологическая связь, вбирающая в себя ряд безусловных инстинктов: продолжение рода, защита потомства и пр. Кроме того, именно семья представляет собой ту «проводящую среду», внутри которой происходит трансляция культурно-исторической традиции на уровне практических норм и образцов поведения. Через процесс воспитания детей семья создает определенные типы характеров, которые сами по себе поддерживают тот политический и экономический порядок, к которому они адаптированы, и через привычные модели господства-подчинения осуществляют его воспроизводство, а установки, ценности, представления повседневной жизни и обыденного опыта сублимируются в политические явления. Таким образом, обобщенная схема детерминации приобретает приблизительно следующий вид:

культура

I экономика - семья - массовая психология — политика

I институты повседневности

Каждое последующее звено цепочки выводится из предыдущего. Однако при переходе от одного к другому возникает некий структурно-смысловой «зазор», связанный с появлением специфических именно для этого звена связей и закономерностей.

Поэтому отношение транзитивности в данном ряду не соблюдается: если А выводится из Б, а Б из В, это вовсе не означает, что А напрямую следует из В. Скажем, политику нельзя вывести непосредственно из экономики и экономических интересов, минуя область подсознательных влечений, массовых представлений, коллективных эмоций и разделяемых миллионами людей верований.

На этой методологической основе был проведен анализ генезиса различных форм политической жизни и типов политической организации, исследовались перспективы развития общества и обусловленные таким развитием политические и политико-психологические проблемы.

В качестве примера можно сослаться на анализ феномена фашизма в работах В. Райха, который настаивал на том, что фашизм должен рассматриваться как проблема в первую очередь психологии масс, а не личного магнетизма Гитлера, скрытых махинаций крупного капитала или политики национал-социалистической партии.

Исходя из этой же схемы детерминации была обоснована ключевая для леворадикальной версии фрейдизма мысль о связи политического консерватизма с подавлением естественных сексуальных инстинктов и свободы их реализации. В историософском плане из этой идеи вытекала довольно экстравагантная концепция «репрессивного общества» и сексуальной революции как предпосылок тотального политического освобождения. Однако, не уходя в дебри слишком далеко от интересующей нас темы, отметим, что определенную связь в дан-

ном случае можно зафиксировать и на чисто фактическом уровне. Как показывают материалы социопсихологических исследований, проводившихся в самых разных странах, люди, придерживающиеся традиционной точки зрения на распределение функций мужчины и женщины в семье, более строгие в отношении разводов, настроенные против легализации абортов, осуждающие гомосексуальные связи и т.п., чаще всего действительно голосуют за правоконсервативные партии, а не за либералов или левых.

Необходимо особо подчеркнуть, что «психология толп» с самого начала развивалась отнюдь не как чисто академическое направление исследований. Она возбуждала активный общественный интерес, в том числе со стороны политиков.

Политические деятели и партии, с пренебрежением относившиеся к «примитивным» формам пропаганды и привыкшие говорить языком логических аргументов, вдруг с недоумением обнаруживали, что на *массовидную* аудиторию такие аргументы не действуют. Более того - она их вообще не воспринимает. В то же время хлесткий лозунг, меткое сравнение, апеллирующая к глубинным чувствам людей символика, и, наконец, представление идеи через жест, действие, оказывают на массу неотразимое воздействие. Важнее не выстраивать доказательства, а воздействовать на воображение, употребляя слова, способные немедленно вызвать у множества людей очень сходные и очень наглядные образы. «Земля крестьянам!» - это действовало куда сильнее, чем рассуждения об эффективно-

сти земледелия и неприкосновенности частной собственности. А знаменитая клятва Сталина над гробом Ленина в пропагандистском плане, конечно же, стояла больше, чем все партийные дискуссии вместе взятые.

Возвышение масс к активному участию в политической жизни, которое происходило на протяжении практически всего XX века, превратило политику в искусство управления массами. Поэтому положения, разработанные Лебоном и Тардом, очень скоро стали претворяться в практические технологии властвования. Одна из них вырастает преимущественно на почве использования психологии толпы. Это политическая технология вождизма, чаще всего востребованная в критических ситуациях, на «переломах» истории. Она характерна для диктатур, поднимающихся на волне мощных популистских движений, например для политических режимов Муссолини, Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна, Франко, Перона, Хомейни (относительно первых двух достоверно известно, что они хорошо знали работы Лебона). Однако в той или иной степени технологии вождизма использовали и некоторые лидеры в демократических странах. Социопсихологи прослеживают, например, явное влияние Лебона во многих высказываниях и действиях генерала де Голля.

Сведения о конкретных психологических приемах, взятых на вооружение различными политиками, чья власть была построена на прямом овладении толпой, в основном собраны в многочисленных биографических и исторических произведениях. Наиболее характерные из них (создание вокруг

вождя ореола тайны, непосредственное соотнесение его личности с целой нацией, ритуализация моментов прямого контакта массы с вождем и т.п.) приводятся в посвященных данной теме работах³.

Другой тип политических технологий, позволяющих управлять массой, ориентирован преимущественно на психологию публики. Хотя публика в принципе представляет собой рассеянный конгломерат индивидов, она способна консолидироваться в коллективные субъекты политического действия (политико-организационные формы, в которые может вылиться такая консолидация, для нас сейчас значения не имеют). Такая активизация публики и появление вслед за этим резонансных эффектов, порождаемых устремленными в одном направлении мыслями и действиями миллионов людей, происходит обычно на базе *политического мифа*.

Миф (в том числе политический) представляет собой нарративную (повествовательную) структуру, которая обосновывает некоторые фундаментальные допущения относительно свойств политической реальности. Обоснование в мифе - это не бесстрастное полагание теоретического разума, а эмоциональный акт установления отношений значимых явлений к нашей идентичности и витальным (наиболее важным для нашего существования) потребностям. Он развернут в виде некоего «рассказа», передающего как факты, так и вымышленные, дополняющие реальность в соответствии с тем, какой она должна быть, события. Предметы мифологического повествования, а стало быть, его жанры могут быть различными. Например, жизнь («житие»)

вождей и героев, историческое рождение определенной общности людей, обаятельства которого в дальнейшем обязывают всех членов данной общности к определенной модели поведения (национальные мифы, сюжетно связанные с национально-освободительными войнами), образ жизни и путь развития («американская мечта», «рыночный» миф в современной России) и т.п. При этом важно, что в мифе всегда даны объекты для восхищения.

Миф реконструирует действительность в соответствии с логикой простых бинарных оппозиций (ценность-антиценность) и обязательно содержит воплощенные в конкретных человеческих образах четкие модели жизненного выбора. Всякая неоднозначность, полутона и колебания не допускаются законами жанра. Поэтому в мифе нет и в принципе не может быть *проблем*. Информация, разрушающая смысловую структуру мифа, в процессе его формирования отторгается, а человек, настроенный на бинарную логику, нередко делается невосприимчивым ко всему, что в нее не укладывается (в известных, конечно, пределах).

Известно, скажем, что Джордж Вашингтон был противоречивой личностью, и сподвижники относились к нему далеко не однозначно. После его смерти многие оспаривали не только политическую роль, но и личную порядочность первого президента США. Однако с течением времени, по мере формирования мифа, Вашингтон предстал перед американцами все более совершенным, пока не превратился в образец гражданской добродетели и благородства. При этом уже в ранних вариантах

такого рода повествований реальные черты его характера ретушируются, а биография украшается совершенно фантастическими эпизодами, свидетельствующими о недетской серьезности и вдумчивости маленького Джорджа или о том, как его мать увидела во сне, что ее сыну предстоит великое будущее⁴. Аналогичны миф о Сталине, друге детей, полностью игнорировавший факты ссылок и тюремного заключения малолетних членов семей «врагов народа» (о которых уже тогда знали очень многие), или ленинский миф, никогда не упоминавший о медицинском факте полного распада психики своего героя в последние годы жизни.

Специфические особенности мифов и психология «жизни в мифе» создают максимально возможный унисон переживаний, единый «алфавит жизненных мотивов», порождают универсальные модели поведения, устанавливая на этой основе общие коллективные цели и формируя тем самым психологическую основу коллективных устремлений.

По своему психологическому воздействию технологии овладения публикой - это в основном технологии манипулирования. В таких технологиях объектом прямого воздействия является не сама масса, а коммуникатор, сообщения которого представляют для публики особую важность и интерес. Побуждая коммуникатора встраивать в генерируемые им «послания» нужные смысловые элементы, а также регулируя их интенсивность, можно определенным образом настраивать сознание тех, кому адресованы сообщения. Сама публика, если и догадывается о таких воздействиях, то очень смутно. Источник их чаще

всего анонимен, образ его (если он существует) размыт и обычно не связывается с какими-то определенными персонажами и корыстными намерениями, что в принципе препятствует формированию у аудитории антигипнотической установки.

Технологии воздействия на публику эффективны только в случае хорошо развитых средств массовой информации (СМИ), способных доносить сообщения до многих миллионов людей. Это на несколько порядков превышает численность самой большой толпы, которая может собраться в одном месте. Во времена Лебона и Тарда единственным СМИ были газеты. С появлением радио, телевидения, а в последнее время Интернета ситуация существенно изменилась. И не только потому, что радиоволны практически мгновенно проникали туда, куда редко и с опозданием доходили газеты. В психологическом плане очень существенным оказалось то, что электронные СМИ оперируют не только словесными кодами, но и языком слуховых и зрительных впечатлений. Поэтому их воздействие не ограничивается второй сигнальной системой, оно активно включает и первую, затрагивая самые глубинные слои психики, связанные с врожденными инстинктами и безусловными жизненными потребностями.

Практически во всех исследованиях, посвященных психологии массовых коммуникаций, описываются специфические психологические эффекты, составляющие особое преимущество электронных СМИ и практически недоступные газете. В частности, так называемый эффект присутствия - человек как будто видит то или иное событие своими глаза-

ми, что создает у него ощущение непосредственной чувственной достоверности. Необходимо упомянуть и о своеобразной иллюзии прямого общения, когда человеку кажется, что радиокomentатор или телеведущий разговаривает именно с ним.

Эффект прямого общения был блестяще использован в свое время Ф. Рузвельтом, который первым из политических деятелей такого ранга начал вести регулярные радиобеседы, разъясняя те или иные аспекты своей политики. Президент как бы вошел в дом каждого американца, стал его непосредственным собеседником, даже своего рода «другом семьи». Понятно, что к логике хорошо продуманных аргументов в данном случае незаметно присоединялось и чувство личной причастности к политическому курсу администрации («Президент с нами советуется!»), и почти инстинктивное стремление поддержать человека, ставшего уже как бы «своим».

С. Московичи связывает два описанных типа политических психотехнологий с двумя формами деспотизма - восточной и западной. Но, соглашаясь с ним в том, что лозунги демократии на поверку очень часто оказываются лишь прикрытием господства, основанного на манипулировании общественным сознанием, надо заметить, что в политической практике разнообразные способы воздействия на людей тесно переплетаются между собой. Поэтому различие двух моделей управления массами в чистом виде можно зафиксировать лишь на уровне теоретической абстракции, и его никоим образом нельзя абсолютизировать. Так, психологическим стержнем любого диктаторского режима, безусловно, являет-

ся отношение между вождем и массой. Но столь же верно и то, что для его формирования и утверждения активно используются все возможности, которыми располагают СМИ. В то же время из публик при определенных условиях достаточно легко формируются толпы, а архетип властного и сильного «отца» слишком глубоко укоренен в человеческом генотипе, чтобы совершенно исчезнуть из подсознания под влиянием внешних атрибутов политического режима. Для доказательства этого достаточно внимательно присмотреться хотя бы к таким фигурам российской политической сцены, как Б. Ельцин, Ю. Лужков, А. Лебедь, М. Шаймиев и др. Но проблема вовсе не сводится к российской специфике. Писал же в свое время Ж. Аттали, что французы «боятся остаться без кого-то, кем можно восхищаться, без отца, которого можно уважать»⁵.

Осмысление роли масс в социальных и политических процессах современности в целом развивалось в соответствии с обычной логикой научного познания: от фиксации отдельных фактов к теоретическим обобщениям, от чисто эмпирического описания явлений к попыткам понимания их сущности. В язык социальной и политической теории входит новое процессуальное понятие — омассовление (массовизация), характеризующее общую направленность социальной и социокультурной динамики. Возникает концепция, согласно которой интегральный результат омассовления выражается в становлении особого типа социальных систем — так называемых массовых обществ, отличающихся специфической формой социальной жизни, особым

типом культуры (так называемая массовая культура) и, разумеется, собственной моделью политики.

Эти теоретические обобщения, имеющие определенную психологическую составляющую, в период после Второй мировой войны сформировали новый, более широкий контекст анализа, в том числе применительно к характеристике массового сознания и массового поведения в политике.

До середины 50-х годов в теории массового общества на Западе практически безраздельно господствовало направление, связанное с критикой тоталитаризма как в гитлеровском, так и в сталинском варианте. При этом между тоталитарным и массовым обществом зачастую ставился знак тождества.

Один из наиболее известных представителей этого направления Х. Арендт весьма значительное внимание уделяла собственно психологическим аспектам тоталитаризма (= массового общества). Прежде всего это касалось предпосылок тоталитарных политических движений и создаваемых ими тоталитарных форм политической организации. Тоталитаризм в политике, точки зрения Х. Арендт, есть следствие утверждения массовидных форм жизни, которые характеризуются особым психологическим состоянием людей, неизбежно проявляющимся в политике в виде вполне определенных реакций и способов политического поведения.

В этой связи она в первую очередь обращает внимание на прогрессирующее разобщение, утрату устойчивых социальных связей, усиление самых крайних форм индивидуализма. Главная черта че-

ловека массы не жестокость и отсталость, а изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений. Масса, согласно Х. Арендт, и есть соединение атомизированных индивидов. Как социальный феномен она возникает тогда, когда миллионы людей охватывает похожее чувство самососредоточенной горечи. В этих условиях почва для традиционных партий полностью утрачивается, ибо у людей пропадает совместный интерес и возникает внутреннее неприятие не каких-то определенных явлений (например, отдельных общественных институтов, партий и т.п.), а мира в целом. И эта отрицательная солидарность становится единственным, что роднит между собой множество потерявших себя индивидов. Нарастание ненависти к миру как таковому идет рука об руку с утратой инстинкта самосохранения. Самоотречение в том смысле, что любой ничего не значит, циничное равнодушие к смерти преобразуются в массовое самоощущение. Из этого чувства и вырастает тоталитарное движение, которое становится специфической формой существования массы в тот момент, когда она почувствует потребность в политической самоорганизации. Именно из таких людей выходили большевики, для которых личное не имело никакого значения перед лицом Великой Задачи, которая единственно и могла дать им ощущение нужности, хотя бы для того, чтобы пожертвовать собой во имя партии. (На что-то подобное указывал и Гиммлер, утверждая, что для эсэсовцев не имеют значения повседневные проблемы, их волнует лишь задача, возникающая раз в два тысячелетия.)

Масса как продукт истории XX века, отмечала Х. Арендт, напоминает то, что раньше называли толпами, и границу между этими феноменами провести нелегко. Но все же ни одна из форм организации толп в начале XIX века - ни бригады мясников в деле Дрейфуса, ни «черные сотни» в российских погромах, ни что-либо подобное - не поглощали своих членов вплоть до полной потери индивидуальных притязаний. Специфическая особенность тоталитарной организации масс состоит в том, что она подавляет все индивидуально-личное не просто на момент коллективного действия, а навсегда.

Выводя генезис тоталитаризма из специфической психологии «массового» человека, Х. Арендт считала, что в демократических странах, и в частности в США, этот человеческий тип отсутствует. Однако уже в середине 1950-х годов появляются работы, констатирующие омассовление американского общества и проявление связанных с этим процессом психологических эффектов.

В 60-х годах проблемы массового сознания и массового общества начинают обсуждаться и в советской науке. С одной стороны, это было связано с противостоянием двух мировых систем, с необходимостью отслеживать и объяснять то, что происходит в лагере «идеологического противника». С другой стороны, существовали и чисто внутренние причины обращения к данной проблематике. В этот период политические условия и психологическая атмосфера в стране коренным образом меняются. Воспетая романтиками революции эпоха «исторического творчества масс», поразившая мир бескорыстным

героизмом миллионов и одновременно безумием коллективного страха, идеологическим фанатизмом, полным пренебрежением к отдельной человеческой жизни, невиданным размахом репрессий, уходила в прошлое. Сочетание углублявшейся индивидуализации образа жизни с техническим прогрессом (распространение радиоприемников, способных «ловить» зарубежные радиостанции, телевизоров, а несколько позже - бытовых магнитофонов), независимо от официальных идеологических установок, способствовали социальной атомизации и перефокусировке сознания с общественной жизни на личную. Экзальтация масс, организуемых по принципу толпы, все помыслы которой сконцентрированы на сверхчеловеческой личности вождя, уступила место погруженной в мир повседневности публике. В этих условиях в СССР в своеобразной форме стали проявляться многие психологические эффекты, о которых писали социологи и социальные психологи на Западе. Вот почему, несмотря на сопротивление множества догматически мыслящих идеологических работников партии, практические потребности государственного управления заставляли заняться объективным анализом этих эффектов, в том числе и с использованием методик, разработанных и опробованных зарубежными учеными. В первую очередь это касается изучения такой ключевой для понимания смысловой структуры массового сознания и динамики массовых настроений темы, как изучение общественного мнения. Среди наиболее известных научных работ, посвященных данной теме, необходимо отметить

фундаментальный исследовательский проект «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов», осуществленный в 1967— 1974 годах под руководством Б.А. Грушина. Знакомство с данной работой и с ее результатами позволило бы современному читателю понять массовую психологию советского общества в период его расцвета. Вместе с тем проект интересен и точки зрения методологии, а также практической организации крупномасштабного комплексного исследования по психологии общества, сочетающего различные методы получения и анализа данных: анкетные опросы, тестирование, интервью, самофотографирование (ведение испытуемыми тематических дневников) и др.

На большом эмпирическом материале (более 16 тыс. анкет, почти 11 тыс. интервью, около 9 тыс. отдельных бланков самофотографирования и пр.), собранном в Москве, Ростове и Таганроге, исследователи показали, что поведение городского населения страны в сфере политики (в данном случае речь шла о потреблении и усвоении общественно-политической информации) дифференцируется. Однако выделенные в ходе исследования обобщенные модели поведения не могут быть однозначно соотнесены с какой-либо устойчивой профессиональной, статусной или социально-демографической группой. Их носителями являются некоторые неорганизованные статистические совокупности, принадлежность к которым носит вероятностный (стохастический) характер и обусловлена для любого дан-

ного индивида конкретным сочетанием всех социально значимых факторов с определенным складом личности. В каждой из таких совокупностей можно встретить и рабочих, и инженеров, и учащихся, и государственных служащих, людей, различающихся по возрасту, месту работы, образованию. Таким образом, основным признаком, дифференцирующим городское население в сфере потребления информации, оказались сами характеристики этого потребления как особой формы социальной деятельности. При этом рабочий по характеру своих информационных ориентации может стоять гораздо ближе к инженеру или служащему, чем к такому же рабочему, но с иным типом информационного поведения, а преподаватель вуза, замкнувшийся в своей узкой специальности и не интересующийся общественными делами и политикой, гораздо больше напоминает людей с низким уровнем образования, чем своего же коллегу с широким политическим кругозором.

Исследование Б.А. Грушина зафиксировало объективно существовавшую в то время высокую степень согласия массового сознания с официальной позицией руководства партии и государства. Однако наряду с этим оно показало внутреннюю противоречивость массового сознания, которая носит сущностный характер и проявляется независимо от «идеологической выверенное™» информационного потока. Кроме того, полученные учеными данные продемонстрировали избирательность массовых установок, проявляющуюся даже в условиях жесткого идеологического контроля независимо от

идущих сверху установок. В частности, политическое сознание советского человека конца 60-х — начала 70-х годов оказалось подчеркнуто европоцентричным, несмотря на то огромное внимание, которое официальная пропаганда уделяла сотрудничеству СССР со странами Азии и Африки, а также поддержке антиколониального движения и социалистическим экспериментам в различных регионах планеты⁶.

На основе сопоставления политической практики различных стран в отечественной политической науке сложилось разделяемое ныне многими учеными мнение о том, что субъектами массового сознания и массового поведения следует считать только такие группы, объединения и совокупности людей, которые представляют собой особые *социально-психологические общности*. Факт образования такой общности уже сам по себе придает значение факторам, способствовавшим ее формированию, даже если они априори кажутся кому-то второстепенными или несущественными. И политическая дифференциация в обществе определяется в первую очередь тем, какие социально-психологические общности выделились на данный момент в его составе. В принципе такие общности могут образовываться на базе самых разных комплексов чувств, идей и психологических установок, причем в каждой стране это происходит по-разному в зависимости от уникального соотношения объективных и субъективных причин.

Такой подход опробован в исследовании политических процессов во многих современных массовых обществах. При этом характеристика массовых

социально-психологических типов и общностей, разделяющих один и тот же подход к жизни, продемонстрировала значительные возможности в плане объяснения сути происходящего. Сказанное верно и в отношении анализа перипетий современного политического процесса в России.

Социопсихологический анализ процессов социальной трансформации, происходивших в России в течение последнего десятилетия XX века, показывает, что обоснование тех или иных форм политического поведения на базе анализа объективных интересов или рационально выстроенных социальных проектов возможно лишь по отношению к узким элитарным группировкам. Что же касается населения в целом, то его действия определялись распространением определенных массовых настроений, практически мгновенно соединявших миллионы людей в эфемерные, но очень мощные политические «сгущения» - «электорат Ельцина», «электорат Лужкова», «электорат "Единства"» и т.д.

Удачную попытку выявить факторы формирования массовых настроений на уровне социально-психологической мотивации не так давно предпринял М.К. Горшков на материале президентской избирательной кампании 1996 года. Как показали данные социологических опросов, предвыборная поляризация общества по линии Ельцин-Зюганов может быть очень четко соотнесена с психологическими установками на определенный стиль жизни и соответствующие этому ценности. В одном случае это люди, которым интересно жить в быстро меняющемся обществе, ценящие яркую индивидуаль-

ность и ставящие свободу выше гарантий материального благополучия («сelyдинисты»), в другом — те, кто считает свободу второстепенной ценностью, предпочитает жить «как все» и соглашается с тезисом «все перемены - к худшему»⁷.

Надо отметить, что эти противостоящие друг другу психологические уаановки проявились не только в ходе избирательной кампании 1996 года. Противоречие между ними прослеживается в течение всей истории российских реформ последнего десятилетия XX века. В этом находит свое выражение то общее, что типологически сближает Россию с современными формами массового общества на Западе: нетрудно, к примеру, провести параллель между умонастроениями ельцинского электората и «авантюрным» мироощущением, описанным Б. Катля на основе анализа социального и политического поведения французов, или между национал-традиционализмом в России и Австрии. Однако в условиях поразившего Россию глубокого экономического кризиса непосредственные материальные интересы населения все же сказываются на формировании социально-психологических общностей сильнее, чем в благополучных и богатых странах, где перед населением не стоит проблема физического выживания.

Глава 5

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПОЛИТИКА

Важным условием успешной политической деятельности служит отчетливое понимание того, что психический склад человека имеет множество более или менее ярко выраженных особенностей, составляющих в совокупности то, что принято называть национальным менталитетом.

О том, что нравы различных народов своеобразно преломляются в их политической жизни и способе правления, было известно еще древним. Геродот, Тацит, Полибий, Цезарь Светоний Транквилл оставили потомкам яркие зарисовки социально-политической организации персов, скифов, германцев, галлов, римлян, других современных им этносов и племен, а также их поведения в различных ситуациях, связанных с борьбой за власть. В середине XVIII века в европейской истории народы начинают трактоваться как своего рода коллективные личности, наделенные индивидуальными «характерами» (Вико, Монтескье, Кондильяк, Гердер и др.). Несколько позже романтики, а вслед за ними Гегель, развивают учение о «духе народа», понимаемом как заданная свыше форма отношения к миру

и соответствующая этому программа его исторической самореализации.

Эти теории оказали заметное влияние и на русскую философию, стремившуюся осмыслить природу российской государственности и своеобразие путей развития российского общества, что нашло свое выражение в понятии «русской идеи».

Проблема перехода от метафизики национальных различий к их собственно психологической интерпретации была поставлена во второй половине XIX века М. Лацарусом и Х. Штейнталем, сформулировавшими концепцию нового направления в науке - *психологии народов*. Каждый народ (нацию) предлагалось рассматривать как особую психологическую связь, состоящую из отдельных звеньев - индивидуальных сознаний. В дальнейшем эта концепция была развита основоположником экспериментальной психологии В. Вундтом, который совершенно отказался от неопределенного и весьма абстрактного понятия «народного духа» и поставил задачу выявления глубинных слоев человеческой психики путем изучения ее внешних проявлений в языке, мифах и обычаях.

Психология национальных различий в таком ее понимании в первую очередь ориентировалась на своеобразие культур. Вместе с тем в рамках общей проблемы реконструкции психологических основ национальной культуры она затрагивала и вопросы политической жизни.

В качестве примера можно привести полный весьма проницательных характеристик труд А. Фулье о психологии французского народа. Полагая

важнейшей чертой «французского ума» склонность к логически ясной схематизации, четкой определенности, максимально полному сведению эмпирических многообразий к общим идеям, столь ярко проявившимся в философском мышлении Декарта, Фулье выводит из нее безграничную веру французов в сильное государство. Оно означает для них не только собственно политический институт, но и некий универсальный логический принцип, приводящий всю социальную действительность к некоему рационально выстроенному порядку. Поэтому, считал Фулье, фрондирующие при всяком удобном случае, недисциплинированные, дорожащие больше правом говорить, чем возможностью действовать, французы обыкновенно легко подчиняются сильной власти, полагая, что она сделает их счастливыми.

Касаясь теоретических проблем психологии народов, Фулье связывает формирование национального менталитета с общением. Именно в процессе общения, осуществляемом на базе национального языка, вырабатывается, с его точки зрения, единый способ чувствовать, думать и желать, отличный от присущего психике отдельных членов общества или их арифметической сумме. Стало быть, национальный ум как таковой нельзя реконструировать путем простого наложения множества отдельно взятых индивидуальных умов. Дело здесь не просто в каких-то повторяющихся или широко распространенных чертах, а в том, что национальный ум действует на индивидуальные как причина на следствие. Можно даже говорить об определенном давлении, которое он способен оказывать на психологию отдельных индивидов.

Кроме того, национальный ум шире, чем совокупное сознание ныне живущих представителей данного народа; он включает в себя и мышление прошлых поколений, действующее в веках через запечатленные в культуре идеи, чувства, нормы, эталоны и т.д. Поэтому о нации нельзя составить правильного и полного представления, изучая ее лишь в наличном на данный момент составе. «На индивиде и его отношениях к согражданам, - писал Фу-лье, - тяготеет вся история его страны»¹. Это отличает национальную общность от толпы, объединенной только эмоциональным резонансом непосредственно соприкасающихся друг с другом людей. В среде нации взаимодействие осуществляется сложнее и не носит столь мимолетного характера.

Вопрос о том, как возникает и развивается национальный склад ума и национальный характер, психология народов обычно трактовала плюралистически. Значительное место в этом процессе отводилось биологической наследственности, в частности расовым особенностям. Но наряду с этим рассматривались природно-климатические факторы, географическое положение страны, культура, транслируемый из поколения в поколение коллективный исторический опыт, память о крупнейших событиях прошлого.

В целом психология народов пользовалась преимущественно описательными характеристиками. Она выявляла национальные особенности мировосприятия, мироощущения и мышления, показывала их связь с языком, а также с условиями формирования данного народа и его историческим развитием, но не объясняла собственно психологических механизмов

реализации этой связи. Поэтому она должна была уступить место другим теориям, способным заполнить данный пробел. Наиболее влиятельной из них в первой половине XX века стала аналитическая психология, принципы и методы которой начиная с 1912 года разрабатывал швейцарский ученый К. Юнг.

Пересмотрев основные положения психоанализа Фрейда, с которым он сотрудничал в течение нескольких лет, Юнг выдвинул положение о том, что наряду с индивидуальным бессознательным, которым ограничивался классический фрейдизм, в психике человека существует еще более глубокий слой - *коллективное бессознательное*. Именно коллективное бессознательное, по Юнгу, и запечатлевает в себе совокупный опыт предшествующих поколений, в том числе память о природной среде, исторических событиях, моделях социальной деятельности и т.д. Содержание этого слоя психики составляют особые обобщенные первообразы (архетипы), представляющие собой коллективно наследуемые формы восприятия и понимания. Архетипы недоступны непосредственному наблюдению, но могут реконструироваться путем анализа их внешних проекций. При этом наиболее отчетливо глубины подсознания проявляются в сновидениях и творческих интуициях, не регламентированных рациональным самоконтролем (мифы, художественные сюжеты, символы и т.п.). Часть архетипов, по Юнгу, носит общечеловеческий характер (например, любовь к матери). Однако некоторые из них связаны со специфическими особенностями национальной жизни и представляют собой своего рода

порождающие структуры национального менталитета. Центральное место среди архетипов Юнг отводил образу самого себя («эго-символ»), играющему основную роль в самоидентификации и соотношении субъекта с окружающим миром.

В 30-х и 40-х годах Юнг неоднократно обращался к анализу генезиса нацистского режима в Германии. Он считал крайне наивным выражавшееся в те годы многими интеллектуалами изумление по поводу того, что народ Шиллера, Канта и Гёте мог породить такое политическое чудовище. На самом деле, доказывал швейцарский психолог, подсознательные импульсы, способствовавшие утверждению нацизма, глубоко укоренены в национальном менталитете немцев и естественным образом воспроизводятся на базе его внутренних противоречий.

Наиболее полным выражением национального архетипа немцев Юнг считал образ древнего германского бога Вотана - неистового воителя, вносившего в мир стихию разрушения и раздора, но вместе с тем склонного к мечтательности кудесника, любившего уединение и дальние странствия (неслучайно в германской мифологии он числился еще и покровителем поэтов). Таким образом, импульсы творчества в коллективном бессознательном немецкого народа, по Юнгу, неразрывно переплетены с импульсами разрушения. Этот тезис подтверждали и данные клинических наблюдений швейцарского психолога за некоторыми пациентами-антифашистами, в сновидениях которых якобы также присутствовал бессознательный комплекс насилия.

«Вотановский архетип», полагал Юнг, был в свое время укрощен христианством, он никуда не исчез, а лишь оттеснился в самые глубины психики. Тем не менее истинным богом немцев оставался именно Вотан, а не Христос. Упадок же христианства в начале века, особенно в период после Первой мировой войны, вновь вызвал к жизни теперь уже ничем не сдерживаемые древние порывы. Симптомы грядущего возвращения Вотана, по наблюдениям Юнга, можно было проследить по самым, казалось бы, невинным увлечениям и чертам социального поведения немцев в 20-х и начале 30-х годов - например, по пробудившейся вдруг у них массовой страсти к бродяжничеству и путешествиям (напомним, что эта же черта отличала и мифического бога воинов). Так что приход к власти нацистов, с точки зрения Юнга, закономерно следовал из скрытых в темных глубинах психики процессов. По сути своей он был не чем иным, как возвращением немецкого национального духа к самому себе.

Господство нацистов, считал Юнг, основано на превращении маниакальной личности Гитлера в эго-символ целого народа. Что служит очевидным симптомом коллективного психического заболевания. Вместе с тем такое отождествление было подготовлено трагическим раздвоением немецкой души между стихией Востока и упорядоченным, цивилизованным миром Запада, которое породило массовые невротические реакции. В конце концов немцы осознали себя как народ, принадлежащий Западу, но сделали это значительно позже, чем другие европейцы. Отсюда неизбежный комплекс непол-

ноценности, компенсируемый манией величия. Германия, ставил свой диагноз Юнг, всегда была страной психических катастроф.

Конечно, в свете более чем полувекового опыта послевоенной Германии, сумевшей совершить духовный разрыв с нацистским прошлым и построить государство, основанное на уважении к личности и правам человека, многие выводы швейцарского психолога кажутся чрезмерными. Однако не будем забывать, что они относились к конкретной исторической ситуации и к людям, чье психическое состояние вошедшему в мир XXI века человеку уже трудно «прочувствовать». Что же касается наблюдаемых нами плодов послевоенного развития Германии, то в принципе они не противоречат представлениям Юнга. Ведь швейцарский ученый исходил из того, что в архетипах слой за слоем откладывается реальный коллективный опыт, так что сегодня он, возможно, констатировал бы трансформацию немецкого национального менталитета под влиянием изменившихся условий жизни и усвоения демократических ценностей.

Изучение национального менталитета опирается на многочисленные эмпирические данные, полученные в результате сравнительного исследования национальных (этнических) культур, их воздействия на восприятие мира, способы мышления и социальное поведение (так называемые кросс-культурные исследования). Вопросы политики в таких исследованиях вначале практически не затрагивались. Однако события Второй мировой войны и стремление лучше понять мотивацию противника привели к зна-

чительному расширению их проблематики. И, как оказалось, знание основных принципов репрезентации мира в той или иной национальной культуре и вытекающая из этого общая логика социальных действий способны не только удовлетворить любопытство ученых, но и служат одним из необходимых условий выработки политической стратегии.

В принципе к анализу национального менталитета с целью прогнозирования возможных действий противника и развития политической ситуации в стане как врагов, так и союзников прибегали обе противоборствующие стороны. Но эффективность этого метода была неодинаковой. Так, политическое руководство и военное командование Германии представляло себе психологию восточного противника по русской классической литературе. И постоянно встречая в произведениях Достоевского, Чехова, Горького образы «лишних людей», рефлексирующих интеллигентов, безвольных циников, сделало вывод о том, что такой противник не способен «держать удар» и психологически будет сразу же сломлен натиском танковых и авиационных армий. Здесь во многом коренится замысел пресловутого блицкрига. Но расчеты, основанные на литературных источниках, оказались неверными, так как отражали они не столько черты народа, сколько душевные метания оторвавшегося от народной массы и во многом «потерявшего себя» образованного слоя. Немецкие танки под Смоленском и Москвой встретили не Обломы и Печорины, а Конев[^], Чуйковы и Маресьевы. И ответом на страшный удары лета и осени 1941 года стало не падение ре-

6 Политическая психология

жима и развал «колосса на глиняных ногах», а консолидация системы на волне патриотизма.

Американцы, в противоположность немцам, опирались на данные социологических опросов, психологических тестов и включенное наблюдение, которое вели квалифицированные специалисты, имеющие за плечами большой опыт полевых исследований. И такой подход оказался значительно более результативным.

Один из ярких примеров использования данных этнокультурной психологии в интересах практической политики приводится в книге Р. Бенедикт «Хризантема и меч» - бестселлере, в свое время буквально открывшем западному читателю своеобразие японского национального менталитета.

После капитуляции Японии многие американские политические деятели, считавшие необходимым реорганизовать политический строй этой страны в соответствии со своими представлениями о демократии, рассматривали упразднение японской монархии как совершенно необходимую и само собой разумеющуюся акцию. По их расчетам, она не могла создать оккупационным властям больших осложнений, поскольку фигура императора была в значительной степени декоративной и японцы привыкли к тому, что от его имени страной реально всегда управляли другие.

Однако данные, которыми располагали психологи и антропологи, на протяжении всей войны детально изучавшие настроения пленных японских солдат, противоречили этим настроениям. Особое внимание американских аналитиков привлекло

то обстоятельство, что безусловную лояльность к своему монарху проявляли отнюдь не только воспитанные в самурайском духе офицеры, но вообще все пленные. Более того, даже лица, согласившиеся сотрудничать с американцами и участвовавшие в пропагандистских радиопередачах на Японию, отказывались говорить что-либо, затрагивавшее особу императора. Это коренным образом отличало Японию от Германии, где идея нации и национальной государственности психологически легко отделялась от личности главы государства (в данном случае Гитлера). В Японии такое разделение оказалось невозможным. Хотя реальные административно-распорядительные полномочия находились в руках различных военных клик, император пользовался всеобщим признанием как живой символ нации. Он почти никогда не вмешивался в процесс руководства страной, да генералы и не дали бы этого делать. Но в критический момент истории, когда военный разгром стал очевиден и никто уже не обладал достаточным авторитетом, чтобы принять окончательное решение о судьбе страны, «голос журавля» смог убедить японцев принять поражение.

Радиообращение императора Хирохито с признанием неизбежности капитуляции фактически спасло японский народ от реализации чудовищных планов оголтелых фанатиков, считавших, что последние рубежи обороны надо защищать до тех пор, пока жив хоть один японец. И непримиримым оставалось теперь только прийти утром на дворцовую площадь и, попросив у императора прощения за проигранную войну, совершить ритуальное самоубийство.

Исходя из выявленных в ходе этнокультурного анализа особенностей политического менталитета японцев, американские исследователи настоятельно рекомендовали своему политическому руководству сохранить институт японской монархии. И в целом их расчет оправдался. Компромисс способствовал быстрому налаживанию послевоенного стратегического партнерства США со Страной восходящего солнца, что вряд ли было бы возможным, посягни американцы на те святыни, с которыми японский народ привык отождествлять свое бытие.

Для сравнения напомним, что совсем иной результат имела внешняя политика США, когда они пытались действовать вразрез с традиционными представлениями других народов (например, во Вьетнаме).

В целом же опыт прикладных исследований, направленных на решение задач практической политики, выявил неоднозначность связей между коллективными национальными архетипами и конкретным индивидуальным поведением. Иными словами, реконструкция архетипов как таковых сама по себе еще не дает достаточной информации, позволяющей прогнозировать поведение конкретных людей в различных обстоятельствах. Это поставило перед теоретической психологией проблему обоснования дифференцированного подхода к изучению национальных различий на уровне психологии личности.

В современных работах в качестве методологической основы такого подхода обычно используется предложенная А. Кардинером концепция отождеств-

ления национального характера с так называемой базовой личностной структурой или ее усовершенствованные варианты (например, разработанная А. Инкельсом и Д. Левинсоном теория модальной личности). С этой точки зрения национальный характер есть не что иное, как доминирующие в обществе конфигурации личностных черт (типы личности), устойчиво сохраняющиеся и воспроизводимые из поколения в поколение. Изучение же национального характера по содержанию совпадает с анализом частоты распространения разнообразных личностных особенностей в составляющих этносы и этнические группы человеческих популяциях. При этом, однако, наличие национального характера рассматривается скорее как возможное, чем как заранее предопределенный факт: в некоторых случаях эмпирические исследования действительно обнаруживают в мышлении, мировосприятии, эмоциональных реакциях и поведении представителей данной национально-этнической общины ясно выраженные национально-этнические особенности, однако бывает и так, что этого сделать не удастся. Надо отметить, что по глубине проникновения в строй мыслей и чувств, формируемых различными национальными культурами, российская интеллектуальная традиция всегда была одной из сильнейших в мире. В целом она сохранилась и в советское время, но, к сожалению, долгое время мало использовалось в политике. Неумение учитывать особенности национального менталитета было одной из хронических болезней советского руководства, что неоднократно приводило его к политическим

просчетам и, возможно, стало одной из главных причин развала СССР в 1991 году.

Корни этого кроются отчасти в том, что марксизм, более чем на семь десятилетий утвердившийся в нашей стране в качестве официальной идеологии, вообще склонен к недооценке национального вопроса и полагает возможным в конечном счете свести его к чисто социальным проблемам. Эта тенденция многократно усиливалась характерными для высшей советской номенклатуры догматизмом и недостатком настоящей гуманитарной образованности, дающей живое представление о многообразии человеческого духа. Так, пренебрежение мнением ученых-востоковедов и уверенность в том, что сознание всех народов в основе своей одинаково, способствовало втягиванию страны в афганскую авантюру, с последствиями которой мы не разделились вплоть до настоящего времени.

Впрочем, не надо думать, будто задача проникновения в особенности национального менталитета относится лишь к «другим». Считаться надо и с психологией собственного народа, хотя политикам очень часто кажется, что знание этой психологии приходит чуть ли не автоматически и не требует каких-то особых усилий и специальных знаний. Примечательно, что практически во всех странах, добившихся значительных успехов в развитии, исследованиям, помогающим понять самих себя, уделяется очень большое внимание, а научная, научно-популярная и публицистическая литература на эту тему насчитывает множество названий.

История не раз свидетельствовала о неплототворности попыток механически копировать опыт других стран и народов; в силу многих причин, значительная часть которых связана с особенностями национальной психологии, они обычно приводят к совсем иным результатам, нежели те, на которые рассчитывали их инициаторы. В России на протяжении последних полутора десятилетий это происходило уже дважды. В первый раз при Горбачеве, который, судя по всему, надеялся разрешить назревший системный кризис советского общества путем его перестройки по западной политической модели, но не учел реальных интересов и природы боровшихся за власть в стране политических сил. И второй раз - при Ельцине, когда была предпринята попытка перенести в Россию неоллиберальную модель экономики вместе с соответствующими ей жизненными принципами, психологическими ориентациями и формами социального поведения, исторически сформировавшимися на почве протестантизма (так называемая «этика успеха»).

Исторические срывы XX века стимулировали огромный интерес россиян к особенностям российского, в том числе русского, менталитета, проявляющийся не только в научных исследованиях и аналитических выкладках политологов, но и в дискуссиях, направляющих движение самой общественной жизни.

Тема «русской души» восходит к политической философии Ф.М. Достоевского. Позднее ее активно разрабатывала русская философская и общественная мысль Серебряного века, традиции которой продолжила послеоктябрьская эмиграция.

Углубленный анализ мотивов русского фольклора, бытовые наблюдения и особенно осмысление революционных событий и процессов становления советского строя позволили таким мыслителям, как Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, И.Л. Солоневич, П.А. Сорокин и др., сделать ряд глубоких выводов о психологии русского народа, которые стали по существу общепринятыми. В годы «холодной войны» эти выводы послужили отправным пунктом становления прикладной русистики и советологии в исследовательских центрах, осуществлявших научное обеспечение политики западных стран в отношении СССР. А во время «перестройки» они получили признание и на родине, где сыграли роль своеобразного катализатора процессов национального самопознания и истори-ко-политического самоанализа.

В последние 10-15 лет изучение особенностей российского менталитета на основе философского осмысления культуры и истории обогащалось эмпирическими данными психологического тестирования и социологических исследований. Это позволяет новому поколению ученых и политиков рассматривать национальный менталитет не только в опредмеченных результатах его деятельности, но и в живом процессе функционирования и приспособления к различным ситуациям и сферам деятельности, выявляющем характерные реакции и способы структурирования информации, склонности, динамику психических процессов, ассоциативную логику, уровень и взаимосвязь различных способностей.

В большинстве работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблемам русского политического менталитета и русского национального характера, отмечается их ярко выраженная своеобычность, которая накладывает неизгладимый отпечаток как на государственный строй, так и на течение всей политической жизни, в особенности на формы политической борьбы. Оценка этих качеств зависит от позиции исследователя: у кого-то преобладают «плюсы», у кого-то - «минусы». Однако сам состав качеств и свойств «русской души» у тех и у других примерно одинаков.

Одна из особенностей любого, а значит, и российского национального менталитета - поразительная устойчивость, которая обеспечивается наличием в его структуре определенных психологических констант. Поэтому массовые психологические реакции и поведение россиян в типологически близких исторических ситуациях обнаруживают заметные черты сходства даже тогда, когда эти ситуации разделены столетиями. Довольно легко показать их, сопоставив, скажем, психологическое состояние российского общества и поведение россиян в «смутные» времена: начало XVII - начало XX - конец XX века (распад Советского Союза в 1991 году).

Среди констант национального менталитета отметим в первую очередь «всечеловечность» русской души, ее открытость иным культурам и влияниям, о которых говорил еще Достоевский. Это проявляется, в частности, в весьма высоком уровне межнациональной терпимости, умении адаптироваться к разным этнокультурным условиям, в обостренном

интересе к опыту других стран и народов, сопровождающемся готовностью опробовать и применять его у себя. Исторически такие черты способствовали успешному созиданию огромной многонациональной империи, «строительные блоки» которой цементировало умение русских находить общий язык с представителями самых разных культур и вероисповеданий.

Этнопсихологии русских всегда была свойственна и способность принимать как «своих» выходцев из любых других национальных групп, что придавало российской государственной экспансии весьма специфический характер. Во всяком случае ни одна другая империя на этом никогда не строилась. Например, англичане в Индии составляли особую «касту», с закрытыми жилыми кварталами и клубами, куда практически не имели доступа даже представители местной знати. Точно так же речи не шло о том, чтобы индеец или тем более африканец стал высшим офицером британской армии. Напротив, среди русских генералов XIX - начала XX века были и немцы, и армяне, и грузины, и евреи, и финны, и представители различных мусульманских народов, причем каких-либо значительных психологических трений это обстоятельство не вызывало.

Вместе с тем, стремясь стать на точку зрения «другого», русский человек подчас настолько боится чем-то задеть партнера, что проявляет поразительную уступчивость. Этот своеобразный комплекс не раз изумлял не только друзей, но и недоброжелателей, которые просто не могли взять в толк, как можно раздавать с таким трудом когда-то приобре-

тенные земли, или, пытаясь снискать расположение «друзей», идти на явно невыгодные для себя уступки в вопросах юрисдикции над акваториями Арктики и Каспия.

Еще исследователей XIX века удивляла свобода, с которой неграмотные русские крестьяне рассуждали на самые разные социальные и политические темы. Это качество сохранилось и в советскую эпоху. Проводившиеся в 1960-70-х годах исследования показали достаточно высокую компетентность «простых советских людей» в вопросах внешней политики, по крайней мере на уровне знания имен и специальной лексики. Это заметно отличает наших соотечественников от жителей некоторых других стран, в том числе американцев, которые, по признанию американских же исследователей, нередко лучше знают состав местной бейсбольной команды, чем имена лидеров крупнейших государств мира.

Отметим, однако, что широкий интерес к народам, культурам, политическим событиям в разных точках земного шара сочетается в русском менталитете с чрезвычайно развитой самокритичностью. Эта черта очень часто принимает гипертрофированные формы, вплоть до пренебрежения собственным опытом и самоуничижения, доходящего до стремления к отказу от собственной идентичности.

Объясняется это, вероятно, в известной степени особенностями генофонда нации, определяющими частоту распространения устойчивых личностных характеристик. Так, психологические исследования зафиксировали у наших соотечественников сни-

женные показатели по уровню самоуверенности по сравнению с представителями других этнических групп. Уступаем мы другим национальностям (в частности, американцам) и по такому связанному с чувством уверенности психическому параметру, как «упругость эго» (способность восстанавливать ровное и хорошее расположение духа), «зато» превосходим их по фактору депрессии².

Архетипической чертой «русской души» многие русские мыслители признавали горячее стремление дойти «до корня», отыскать «настоящую правду», воспринимаемую как некий абсолют. Причем на пути к этому абсолюту русские часто готовы беспощадно крушить то, что еще недавно казалось священным, правильным или по крайней мере вполне приемлемым.

Б.П. Вышеславцев прекрасно реконструировал этот архетип на примере былинного сюжета о ссоре Ильи Муромца (олицетворяющего в русском фольклоре народную силу и народную правду) с князем Владимиром. Завязка конфликта состоит в том, что мужицкого богатыря Илью не позвали на княжеский пир. Обиженный, он уходит от князя, сбивает золотые маковки с княжеских теремов и церквей и на добытое таким образом золото устраивает пир для голытьбы. Все эти действия предпринимаются им во имя справедливости. Мотивация в принципе законная: справедливость и в самом деле была нарушена. Однако примечательно, *как именно* реагирует на это Илья. Перед нами не западноевропейская революция с ее борьбой за права и новый строй жизни. Логика мышления здесь иная: неприятие кон-

кретного явления немедленно универсализируется, оборачиваясь стихийным нигилизмом, мгновенно уничтожающим все то, чему народная душа только что поклонялась и чему сам народный богатырь служил всю жизнь. Происходит не столько восстановление порушенной справедливости, сколько мгновенное отторжение мира, в котором существует несправедливость.

По сути, заключает Вышеславцев, перед нами предстает картина русской революции, которую как в пророческом сне увидела древняя былина. Если перевести былинные образы на язык современных политических понятий, можно сказать, что Илья Муромец вместе с отбросами общества («голью кабацкой») осуществляет «грандиозный разгром церкви и государства»³.

В данном контексте становится понятной психология так называемого русского мессианизма.

Вера в то, что на Россию и русский народ возложена некая особая миссия, исторически восходит к религиозно-политической теории жившего в конце XV - начале XVI века псковского старца Филофея о «Третьем Риме». В основе этой теории лежит представление о перемещении христианского царства: вначале центром мирового христианства был Рим, затем - Константинополь, а после взятия последнего турками его религиозно-политическая роль переходит к Москве - третьему и последнему Риму, призванному сберечь чистоту христианства до нового пришествия Христа. Будучи воплощенной в официальной политической идеологии и во многом созвучной народным представлениям о «Свя-

той Руси», эта концепция в течение нескольких столетий укоренялась в национальном самосознании, принимая различные формы и создавая психологическую почву для особого типа социально-политического мышления, в рамках которого подлинным смыслом бытия становилось лишь осуществление Великой Идеи. На этой психологической почве в свое время и выросла доктрина построения социализма в одной отдельно взятой стране и вытекающее из нее представление о Советском Союзе как об особой стране, пролагающей человечеству путь к коммунизму (а потому имеющей дополнительные морально-политические права, и прежде всего право судить о том, что соответствует или не соответствует «ходу истории»),

Ссылки на русский мессианизм не раз использовались в политике как доказательство особой опасности, исходящей от СССР, будто бы органически склонного к тотальной геополитической и идеологической экспансии. На самом деле мессианизм был присущ не только русскому самосознанию. Самый яркий пример, конечно, Америка, в которой ее основатели видели возведенный Господом «град на холме».

Надо признать, что идеология исторической избранности неотделима от малопривлекательной склонности к поучениям, навязыванию своих, якобы универсальных представлений о жизни и от стремления вмешиваться в чужие дела. И все же русский мессианизм, в отличие от других его вариантов, никогда не опирался на чувство национального превосходства, а, напротив, был тесно связан с идеей жерт-

венности («пострадать за все человечество»), пусть даже эта «жертва» оказывалась никому не нужной и даже навязанной. Психологически русский мессианизм всегда коренился не столько в инстинкте преобладания (доминирования, господства и т.д.), сколько в стремлении к абсолютной правде и готовности идти за ней до самого конца.

Хотя - и это тоже приходится признавать - в борьбе за ее полное и всеобъемлющее осуществление русский человек мог «сбивать маковки» не только со своих церквей и теремов. То, что весьма щепетильный в вопросах справедливости российский менталитет зачастую не мог бы принять, руководствуясь доводами «интереса», к сожалению, легко оправдывалось идейными соображениями.

Практически все исследователи психологии русского национального характера соглашались в том, что русские - это народ крайностей. «Для русских, - писал, например, Н.А. Бердяев, - характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех склонный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный»⁴.

Бердяев объяснял эту противоречивость русской историей, и прежде всего вечным конфликтом ин-

стинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа. Однако в последнее время появились эмпирические данные, которые позволяют раскрыть причины данного явления на уровне индивидуальной психики. Речь, в частности, идет о том, что среди россиян широко представлен психический тип, характеризующийся сдвигом нейрофизиологической динамики в сторону собственных ритмов нервной системы. Их реакции на внешнюю ситуацию несколько ослаблены, а потому не сразу проявляются или очень быстро гаснут. Зато внутренние порывы души свободны от внешних обстоятельств. Когда у человека такого склада меняется эмоциональное состояние, соответствующие этому внешние реакции вначале довольно долго блокируются, но зато позже прорываются в чрезвычайно взрывной форме. (Не отсюда ли пошла известная пословица: «Русские медленно запрягают, но быстро ездят»?)

Как следует оценивать такие особенности? К «плюсам» или к «минусам» они относятся?

Однозначного ответа на эти вопросы не существует. Да и толку от такого ответа было бы немного. В любом случае национальную психологию надо принимать как данность. Ее можно в определенных рамках корректировать, культивируя одни черты и сглаживая другие, но любые попытки «сломать» ее стереотипы, заставить людей быть другими не просто утопичны, но и вредны по своей сути.

Не подлежит сомнению, что многие из вышеописанных психологических черт тесно связаны со способностью к творчеству. Не будем повторять

в этой связи общеизвестные истины о выдающемся вкладе российского гения в мировую науку и культуру. Не менее важным показателем креативности служит, между прочим, и бытовая адаптивность. Однако правда и в том, что некоторые качества, стимулирующие творчество, в других отношениях могут быть весьма неудобными. В частности, они сопряжены с некой неровностью в выстраивании социальных контактов и некоммуникабельностью. Не угадая, к примеру, американцам в склонности к самоанализу, личной автономии и мотивациям на достижения, русские заметно отстают по таким параметрам, как собранность, склонность к порядку, навыкам мысленного проектирования жизненных стратегий.

Эти черты, безусловно, сказываются на эффективности совместных действий, особенно основанных на принципе добровольческой инициативы (к числу их принадлежит и политическая самоорганизация). И не потому, что россияне слишком меркантильны и без личной выгоды не сделают и шагу. Как раз бескорыстия-то нам не занимать. Пропаганду поддержание устойчивого взаимодействия, основанного не на «роде души», а на прагматических принципах, часто требует от нашего соотечественника больших эмоциональных усилий и дается ему с трудом. А если он к тому же сосредоточен на некотором «главном деле», его тяготит и необходимо постоянно отвлекаться на «организационную суету».

Психологические особенности русской ментальности^{TM} позволяют понять некоторые аспекты российской политической жизни, которые порой неприят-

но удивляют нас самих. Например, крайняя неустойчивость, даже эфемерность подавляющего большинства политических движений, партий и объединений или неразвитость инфраструктуры гражданского общества.

Вспомним хотя бы, как разворачивался процесс общественной самоорганизации на протяжении всего периода становления молодой российской демократии. Поражает лавинообразное развитие этого процесса (новые общественные объединения в России возникали буквально сотнями) на фоне его крайне низкого кпд. Вспышки активности моментально гасли и не имели устойчивого продолжения. Многочисленные и, казалось бы, весьма перспективные общественно-политические проекты захлебывались и уходили «в песок», потому что их инициаторы быстро охладевали к собственным начинаниям, а вместо слаженного хора всякий раз получалось множество исполняемых в разной тональности сольных партий. Относительная устойчивость наблюдалась лишь там, где структура не создавалась заново, а бралась уже готовой и лишь наполнялась человеческим материалом (Федерация независимых профсоюзов, КПРФ и ряд др.).

Примечательные данные, характеризующие психологические реакции россиян на современные политические процессы и трансформацию российского общества в целом, приводятся в работах, посвященных электоральным предпочтениям наших сограждан.

Одна из специфических черт российского электората заключается в устойчивой ориентации на

внешние признаки «силы». Напротив, интеллигентность в политике связывается с такими смысловыми оттенками восприятия, как «слабый», «зависимый», «неуверенный», вследствие чего она приобретает негативную окраску. Нетрудно себе представить, как влияет такая установка на состав и характерологические черты властных элит, а опосредствованно на наличие у представителей «верхов» тесно связанных с интеллигентностью качеств: широту кругозора, профессионализм, способность справляться со сложными вопросами стратегического планирования.

Важным политико-психологическим фактором в современных условиях становится противоречие между самооценкой и политическим выбором. Большинство жителей страны идентифицируют себя как русских. Однако при этом русский воспринимается как «бедный», а бедность в глазах избирателей, особенно молодых, очень плохая аттестация для политика.

Наконец, обращает на себя внимание психологическая раздвоенность российского электората: с одной стороны, ностальгия по основательности, порядку, с другой - сохраняющаяся, несмотря ни на что, симпатия к таким качествам, как рискованность, непредсказуемость, нетрадиционность, нередко сопряженные с «легкостью» и даже легкомысленностью. Получается, что, несмотря на горький опыт последних лет, россияне психологически отнюдь не застрахованы от увлечения каким-либо понравившимся своей молодостью, бойкостью и раскованностью новым «реформатором»-авантюристом.

Таким образом, многие бытующие в современном российском обществе политические стереотипы на поверку оказываются неадекватными, а основанный на использовании этих стереотипов политический выбор раз за разом приносит жестокие разочарования. Однако россияне, как правило, не склонны связывать неблагоприятное развитие событий с собственными политическими установками. Неудивительно, что охвативший Россию кризис принял затяжной характер, а не устраивающая большинство населения ситуация воспроизводится на протяжении нескольких избирательных циклов, хотя и с новыми действующими лицами. Это неизбежно ведет к массовым социальным неврозам, создает у рядового гражданина чувство бессилия, вызывает политическую апатию.

Подмеченная многими исследователями антино-мичность, неудержимость «русской души», склонность увлекаться различными идеями и в то же время самокритичность, несистематичность в стратегии достижения целей, граничащая с неуверенностью в себе, во многом объясняют своеобразную цикличность отечественной политической истории с присущим ей чередованием политических катастроф и периодов воссоздания державного порядка, когда государственный деспотизм снова одерживает верх над стихией неистовой вольницы. И это объяснение применимо не только к «смутным временам» лжедмитриев или революции 1917 года, но и к бурным событиям 90-х годов XX века, совершавшихся уже непосредственно на наших глазах.

Как же при таком порывистом и в чем-то даже безоглядном характере удавалось поддерживать

ритм мощной территориальной экспансии, осваивать огромные пространства и вообще решать организационно-политические задачи, требующие большой систематичности и целеустремленности?

Очевидно, пресловутая «стихийность» в российском менталитете сочетается с другой константой - способностью к очень быстрой психоэнергетической мобилизации. Благодаря этому Россия во всей своей мощи не раз возрождалась буквально из пепла, поражая весь мир исключительной быстротой и интенсивностью этого процесса. Вместе с тем, как неоднократно отмечалось в работах по психологии национального характера, способность эта проявляется в достаточно специфической форме. Наши соотечественники в массе своей не особенно склонны тратить избыток энергии на обустройство жизни в смысле изобилия материальных благ и удобств. По-настоящему они «выкладываются» обычно тогда, когда чувствуют, что их усилия направлены на достижение «больших целей», способных удовлетворить потребность в осуществлении мессианского призвания. Если же жизнь становится особенно тяжелой, безрадостной и, главное, бесперспективной, психоэнергетика переключается на поддержание психического равновесия (пресловутое русское «терпение»). Фактически это та же энергетическая мобилизация, но направленная на иную социальную задачу.

Психологическая конституция российского общества такова, что оно нуждается в некоторых внешних инструментах психологического саморегулирования. В качестве важнейшего из таких инструментов выступает государство.

Неистребимое влечение россиян к «сильной державе», столь резко контрастирующее с англосаксонской концепцией «минимального государства», не раз давало повод говорить и писать об отсутствии в российском менталитете идеи свободы, о невыделенности™ личности из социального целого, о психологической несамостоятельности наших сограждан и отсутствии у них духа инициативы. Однако данные конкретных исследований социологов и психологов позволяют совершенно определенно аттестовать такого рода мнения как легенду. На самом деле различия между российским и западным обществом связаны не с оппозицией индивидуализма и коллективизма, а со спецификой проявления индивидуалистических настроений. Причем распространились последние в России отнюдь не в результате перехода к рынку и демократии. Строго говоря, современный «рыночный» индивидуализм надо рассматривать как прямое продолжение «адаптационного» индивидуализма советского времени, формировавшегося на фоне официально декларируемого коллективизма в качестве стратегии личной конкуренции внутри общности⁵.

Реальная, а не надуманная проблема состоит в том, что дух личного соперничества у россиян часто проявляется в настолько эмоционально напряженной форме, что выходит за пределы разумного и принимает деструктивный характер. Вследствие этого стихия индивидуалистической энергетики у нас нуждается в сдерживающих ее «твердых оболочках», одной из которых и является государство. Чем сильнее индивидуализм, тем прочнее должна

быть оболочка. Таким образом, стремление к усилению государства в России вырастает вовсе не из «неразвитости» индивидуального начала, а как раз напротив - из его чрезмерности и связанного с этим инстинктом самоограничения.

Получается, что государство оказывается как бы не прямой, а обратной проекцией национального менталитета. Тем не менее, как неоднократно отмечалось в отечественной и зарубежной русистике, оно занимает центральное место в российском политическом сознании и образует его системообразующую основу. Не случайно распад государства и/или изменение его «титула» неизменно вызывали у русских весьма болезненный кризис идентичности, сопровождавшийся немалой растерянностью и метаниями (как это было в момент гибели Российской империи и возникновения «Совдепии» в 1917 году или при упразднении Советского Союза и провозглашении «независимой России» в 1991-м).

Наличие устойчивых особенностей национального менталитета не означает, однако, что он представляет собой некую неподвижную метафизическую сущность. На самом деле национальный менталитет меняется, хотя и очень медленно. Но механизм этого изменения носит весьма специфический характер: оно осуществляется не путем «перестройки» (на которую неизменно надеялись все российские утописты-реформаторы), а посредством наслаивания поверх древних архетипов все новых и новых смысловых пластов. Причем появление каждого нового пласта следует рассматривать не как простое «добавление», но как изменение всего

контекста смысловой репрезентации политической реальности.

Если попытаться охарактеризовать российский менталитет, выделив в нем наиболее значимые для политического мышления и политического поведения слои, мы получим весьма сложную картину. Во всяком случае, ни одну из предпринятых на сегодня попыток вывести некую формулу «русской души» (вроде той, что была предложена в свое время Дж. Биллингтоном - «икона и топор») нельзя считать основательной.

К числу специфических особенностей российского менталитета относят сохранение в нем живого пласта ценностей, идей и представлений, формировавшихся в условиях так называемого традиционного общества. Носителем устоев традиционного общества вплоть до относительно недавнего времени была общинная деревня, по законам которой еще 80 лет назад жило большинство населения страны. Поэтому в данном случае вполне уместно говорить о мощном «деревенском» пласте в национальной психологии россиян.

Впитавший в себя эту своеобразную крестьянскую традицию человек всегда чувствовал, что он связан со своим государством тысячами тонких нервных нитей. И эта связь переживалась как очень личная. Посредническая роль каких-либо формальных институтов не признавалась, поскольку община ощущала себя не элементом гражданского общества, а базовой ячейкой государственности. Государство, с этой точки зрения, выступало как некое воплощенное «общее дело». Но любопытно, что при этом некоторые элементы государственности могли

мыслиться *вне* государства. И именно в соответствии с такими представлениями сегодня значительная часть населения как бы отделяет «собственно государство» от некоторых *государственных же* институтов (особенно от Государственной думы).

В полном соответствии с психологией общинной (артельной) жизни наши сограждане по-прежнему убеждены в том, что природные богатства страны составляют общее и нераздельное достояние: они должны принадлежать государству (мнение более чем 40% опрошенных) или народу (примерно 39% опрошенных). «Рыночный» же подход к этому вопросу («природные ресурсы должны принадлежать тому, кто стал их официальным собственником в результате проведенных в стране реформ»), судя по данным социологических исследований, поддерживают лишь около полутора процентов россиян⁶.

Тем не менее ценности и представления, восходящие к общинному быту и объединенные знаменитым принципом «соборности», все же нельзя считать выражением подлинной сущности россиян, как это делается в некоторых работах по философии русской истории. Дело в том, что в реальном политическом сознании народа они противоречивым образом сочетаются с реформаторским комплексом, ориентированным на петровскую модель преобразований как на наглядный образец. Морфологически обособившейся в виде особой идеологии ипостасью этого комплекса, несомненно, является либеральное западничество. Но все же сами по себе реформаторские настроения шире, и их отнюдь не следует сводить к утверждению «западных ценностей», как это

сплошь и рядом демонстрирует современный реформаторский дискурс. Последнее больше характерно для одной из интеллигентских субкультур, тогда как сама установка на движение и изменение (не предопределяющая, правда, их направление) разделяется значительно более широкими слоями населения. Неслучайно, несмотря на очевидные трудности и потери последних лет, почти 2/3 россиян выступают за продолжение реформ, настаивая, однако, на том, что они должны стать более разумными.

Нельзя не заметить, что психология наших сограждан по-прежнему отражает социально-исторический опыт советского времени. Именно оттуда россияне продолжают черпать представления о должном и справедливом; опираясь именно на этот опыт, строят модели ценностной самоидентификации. Там же локализованы и основные объекты и мотивы национальной гордости: это в первую очередь победа в Великой Отечественной войне (в ходе опросов данное событие неизменно выдвигают на первое место примерно 85% наших соотечественников, причем эта цифра практически не зависит от возраста, уровня дохода и образования), а также ликвидация неграмотности, создание мощной индустрии и освоение космоса (эти достижения набирают от 40 до 60% «голосов» респондентов). В то же время выдающимися русскими самодержцами гордятся не более 12% наших сограждан, святыми и мучениками православной церкви - приблизительно 10%. Революция 1917 года уже не одобряется (ею гордятся только 8% респондентов), но и борьба белых с большевизмом находит эмоциональный отклик только у 2,5% рос-

сиян. С современными реформами также идентифицирует себя подавляющее меньшинство. Переход к демократии и рынку в начале 90-х считают значительным достижением всего около 12% населения. Большинство же по-прежнему воспринимают как естественное и необходимое не только активное присутствие государства в экономике, но и его социальные обязательства⁷.

Важное значение «советского пласта» в политическом сознании россиян состоит в его всеобщности для представителей различных этносов. Единого «советского народа» не получилось, но степень психологической интегрированности многонационального российского общества за годы советской власти, несомненно, многократно возросла. Заметим, что этнические мотивы в современной России сравнительно мало влияют на идейно-политические предпочтения, тогда как, например, в США различия такого плана в ходе общенациональных голосований проявлялись достаточно сильно (известно, в частности, что афро-американцы и наиболее бедные национальные меньшинства голосуют в основном за демократов, хотя, возможно, кадровая политика Дж. Буша-младшего сумеет переломить эту тенденцию).

Несомненно, рыночные и демократические реформы в России влияют на заложенные в структуре национального менталитета базовые политические представления. Однако, к чему это в конечном счете приведет, определить сложно. Пока с уверенностью можно сказать, что стремление сломать традиционные стереотипы и модели мышления, привить россиянам миропонимание, сводящее смысл жизни к материально-

му потреблению, на сегодня не удалась. Начиная с середины 90-х годов в общественном сознании идет процесс восстановления шкалы ценностей, ставящей духовное выше материального, и реабилитации политической традиции исторической России. Одновременно политический дискурс все чаще обращается к понятию национального интереса, отброшенного в сторону радикалами начала 90-х годов. Национальный интерес и национальная безопасность выступают сегодня по существу как два главных консенсусных понятия, на базе которых сходятся различные политико-психологические типы российского общества.

Фактически к настоящему времени в результате сложного взаимодействия демократических реформ и политической традиции сформировалась новая ценностная матрица, задающая мотивационно-смысловое поле политического выбора. Эта матрица, безусловно, отличается от массовых установок советского времени, но в то же время она не похожа на ценностные ориентации западных обществ. Ее специфика хорошо просматривается на данных кросс-культурного анализа ассоциативных рядов и эмоционального восприятия понятий, относящихся к различным областям экономики, политики и культуры (некоторые эмпирические данные, позволяющие сопоставить психологические установки россиян и немцев, приведены в таблице). Если говорить обобщенно, наиболее заметная черта российского менталитета, которая бросается в глаза в рамках кросс-культурного анализа, - это высокие значения показателей по всему ряду понятий, относящихся к сфере духовной деятельности и духовного самосовершенствования человека.

Психологические установки жителей России и Германии
(числитель — западные земли, знаменатель — восточные земли)

Вызывают положительное отношение, %		Понятия	Вызывают отрицательное отношение, %	
Россия	Германия		Россия	Германия
91,9		Государство	8,1	
36,2		Политика	63,8	
56,4		Рынок	46,6	
69,0	61/54	Конкуренция	31,0	30/32
73,0	32/66	Коллективный	27,0	55/24
93,4	88	Право и порядок	6,6	7
59,6		Социализм	40,5	
33,7	33/17	Капитализм	66,3	52/67
97,1	78	Достижение	34,7	22
89,6	61	Национальное чувство	10,4	30
95,4	81	Прогресс	4,6	10
83,7	92	Собственность	16,3	4
89,1	75	Мораль	10,9	18
92,4	80	Солидарность	7,6	14
96,3		Справедливость	3,7	

Источник: Социологический архив Российского независимого института социальных и национальных проблем.

Анализируя эти и другие аналогичные данные, можно сделать вывод, что россияне не видят альтернативы формированию рыночной экономики и построению открытого общества, но, осуществляя конкретный политический выбор, они будут исходить из того, что эти процессы не могут рассматриваться как движение вперед, если при этом падает общественная мораль и разрушается система образования.

В ходе политических и социально-экономических реформ 90-х годов российское общество восприняло важнейшие демократические принципы - равенство граждан перед законом, независимость суда, свободные выборы органов власти, многопартийность, идеологический плюрализм и др. Но иерархия демократических ценностей выстраивается в российском менталитете существенно иначе, чем в западном. Так, россияне не склонны придавать большое значение идее прав человека, ставшей своего рода «символом веры» для западной демократии. Не очень важен для наших сограждан и принцип многопартийности. Наивно полагать, что разница эта объясняется лишь тем, что россияне только «учатся» демократии и «недостаточно хорошо» усвоили ее нормы и правила. На самом деле идет не «обучение», а приспособление понятия демократии к российскому политическому опыту и национальному характеру, к сформировавшейся в российском менталитете модели государственности.

В частности, сегодня можно совершенно определенно сказать, что россияне психологически отторгают концепцию государства как «диспетчера», регулирующего отношения между различными груп-

нами интересов. Для нас гораздо важнее его способность артикулировать общенародную волю в противовес частным выгодам и устремлениям. При такой интерпретации авторитаризм «сильной власти» в определенных условиях может восприниматься не как отмена демократии, а как ее усиление, особенно когда государство «ставит на место» всевозможных «бояр» и «баронов».

Примечательно в этой связи, что почти половина наших соотечественников видит основную задачу политической оппозиции не в критике исполнительной власти, а... в том, чтобы оказывать помощь в ее работе. Но ведь это не что иное, как отрицание конкурентной политики, ставящее под сомнение опробованный на Западе принцип политического маятника!

Результаты массовых опросов свидетельствуют, что россияне очень дорожат свободой слова, в гораздо большей степени, чем многопартийностью и правами человека. Но выходит, что они поддерживают разнообразие точек зрения и плюрализм мнений вовсе не для того, чтобы обеспечить существование «противоборствующих команд», а преследуя совсем иные цели. В первую очередь - возможность свободно и всесторонне освещать любые проблемы, что, по российским представлениям, должно обеспечить интегрирование отдельных мнений в «общегосударственную» точку зрения, как бы возвышающуюся над разнообразием частных позиций и интересов.

Понятие государства в его специфически российской интерпретации включает в себя отчетливо

выраженную смыслополагающую функцию. Это означает, что государство должно указывать общие цели и выстраивать вокруг них систему смыслов -«картину» будущей действительности, снимающую, в частности, психологически непереносимую противоречивость устремлений и ориентации. Вот здесь-то и возникло изначальное непонимание между реформаторами 90-х годов и основной массой населения. Государство без концепции «общего дела» для большинства россиян было не «настоящим» государством, а в лучшем случае его имитацией. Такое положение их психологически тяготило, делая жизненные невзгоды и прочую «суету» бессмысленными. Общество стремительно погружалось в состояние эмоциональной напряженности и тотального разочарования, и только появление в Кремле нового президента с ясно заявленной программой восстановления сильного государства по традиционным российским чертежам смогло в значительной степени разрядить эту ситуацию.

Глава 6

ПОЛИТИКИ ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА

Политика - это такая сфера деятельности, в которую так или иначе вовлечен каждый из нас, хотя бы даже и вопреки собственному желанию.

Большинство людей в той или иной мере интересуются политическими новостями, высказывают свое мнение по поводу различных политических событий, принимают участие в голосовании, а кое-кто и в других политических акциях, например в митингах или демонстрациях. Но в целом «обычный гражданин» погружен в свои повседневные заботы и, как правило, не испытывает особого желания разбираться в хитросплетениях политической игры.

Вместе с тем в обществе всегда находятся люди, для которых политика связана с личностной самореализацией. Таких людей называют *политическими деятелями, политиками*. Понятно, что они играют в политической жизни особую роль, совершенно несоизмеримую с их долей в составе населения, которая обычно не превышает нескольких процентов. Поэтому изучение их мотиваций, мышления и поведения выделилось в особое направление политико-психологических исследований.

Хотя политика как сфера деятельности неразрывно связана с государством и государственной властью, политик может и не занимать каких-либо официальных постов. Так, вождь индийского национально-освободительного движения Махатма Ганди не только никогда не входил в состав администрации, но и не имел никаких партийных должностей. Тем не менее его роль в политике была неизмеримо значительнее, чем у правивших Индией генерал-губернаторов. То же можно сказать о некоторых религиозных лидерах, философах, популярных журналистах и деятелях культуры, ставших властителями дум своего времени.

Далеко не всегда политик имеет высокий общественный статус. Положение в данном случае есть результат, а не критерий или начальная точка отсчета. К тому же политическое назначение может быть следствием случайного стечения обстоятельств. Вряд ли человек, занявший высокий пост только потому, что он давний друг президента или отпрыск королевской династии, будет безоговорочно служить образцом политика.

Если рассматривать политику как призвание, настоящим политиком может быть не только министр, губернатор, посол, член парламента, но и председатель районного Совета ветеранов, директор школы или местный общественник. Не следует сбрасывать со счетов и небольшие политические группировки, периодически формирующиеся на самой периферии политического процесса. Отсутствие шумного успеха - вовсе не повод для того, чтобы отказывать их создателям и идеологам в статусе политических

деятелей. Ведь для того чтобы руководить такими организациями, нужны те же личные качества, что и их более известным коллегам. К тому же никогда нельзя заранее абсолютно точно оценить перспективы той или иной политической инициативы. Так, буквально на наших глазах во многих странах в серьезную политическую силу выросли «зеленые», которые еще 20-30 лет назад на фоне «настоящих» политических партий казались всего лишь группой алармистски настроенных маргиналов.

Что же приводит человека в политику? Можно ли найти у «типичного политика» какие-то психологические черты, отличающие его от «обычного» гражданина? Какое сочетание личностных качеств определяет наличие (или отсутствие) способностей и вкуса к политической деятельности?

Исследователя, пожелавшего ответить на эти вопросы, ожидает поистине необозримый массив разнообразных фактов, зафиксированных в биографиях и автобиографиях, политических документах, воспоминаниях, дневниках и записках. Благодаря этим источникам жизненный путь любого крупного политического деятеля известен вплоть до мельчайших подробностей. Да и относительно политических фигур меньшего масштаба также имеются достаточно подробные сведения.

Начало собственно психологическому исследованию жизненного пути и деятельности политических деятелей положил психоанализ, на базе которого в 1930-40-х годах сформировался так называемый *психобиографический метод*. Суть его - объяснение поведения и деятельности политиков, исходя из пси-

психологического склада их личности. Прежде всего речь идет о бессознательных стремлениях, при характеристике которых в соответствии с фрейдистской традицией упор делается на разного рода патологии, навязчивые идеи или, во всяком случае, на отклонении от того, что принято считать психологической нормой. Жанр психобиографического исследования особенно широко распространен в США, где за несколько десятилетий была создана целая галерея психологизированных политических портретов известных американских и зарубежных политических лидеров, в том числе В. Вильсона, А. Гитлера, Д. Эйзенхауэра, Дж. Форрестала и др.

Вместе с тем психоаналитики собирали, систематизировали и изучали личные интервью людей, принимавших активное участие в политической деятельности, но не занимавших заметных постов и потому не попадавших в фокус общественного внимания.

Г. Лассуэл, проанализировавший и обобщивший серию таких интервью в классической работе «Психопатология и политика» (1930), пришел к выводу, что «политический» склад личности характеризуется в первую очередь особым типом разрядки внутренних психических напряжений. А именно порождаемые этими напряжениями подсознательные комплексы и аффекты выводятся наружу, про-ектируясь на общественно значимые объекты. Одновременно осуществляется перевод этих аффектов на язык рационально трактуемых общественных интересов. Политик, критикуя определенные идеи и принципы, подсознательно воспринимает-

мые им как символы собственного невротического состояния, деструктивных импульсов и страхов, и утверждая противоположные им символы, как бы побеждает личную слабость и преодолевает негативные начала в самом себе. Например, теорию героев и героического, которую развивал знаменитый английский историк, идеолог романтического консерватизма Т. Карлейль, можно с этой точки зрения рассматривать как гиперболизированную инверсию его собственного комплекса неполноценности (он страдал импотенцией).

Вместе с тем, как отмечал Лассуэл, потребность реализовать себя в сфере политики выражается по-разному. В связи с этим он выделил три типа политиков («агитатор», «теоретик», «администратор») и несколько производных от них смешанных типов. К примеру, Маркса американский психолог отнес к «чистым» теоретикам, а Ленина - к смешанному типу, сочетающему в себе теоретический ум с темпераментом агитатора и административными способностями.

Как легко убедиться, разработанная Лассуэлом психотипология соотносит личностные особенности с внутренней функциональной расчлененностью политики по видам деятельности. В этом смысле она может быть принята как базовая в тех случаях, когда речь идет о «глобальном» анализе политики как таковой. Хотя, по-видимому, в список политических типов надо было бы включить некоторые дополнительные категории, такие, как «посредник» (чей авторитет основывается на искусстве вести переговоры и содействовать сближению позиций)

или «великий визирь» (политик, способный реализовать себя только в теневой роли «серого кардинала», советника или спарринг-партнера других политических деятелей).

Склонность к тому или иному способу самоутверждения в политике, по Лассуэлу, определяется историей развития личности начиная с раннего детства.

Так, общей чертой всех «агитаторов» является ярко выраженный нарциссизм, формирующийся либо на почве ранних любовных отношений, либо в результате чрезмерной снисходительности и обожания родителей. В этом случае устремленность либидо на внешние объекты блокируется, и энергия влечений как бы замыкается на самого себя. Из этого следует наличие сильной гомосексуальной компоненты. Однако потребность в эмоциональном отклике гомосексуального типа в данном конкретном случае обычно смещена на генерализованные объекты социального окружения. Нарциссизм «агитаторов» в конечном счете принимает форму эмоциональной зависимости от окружения: «агитаторы» испытывают сильную потребность в поклонении и часто буквально упиваются вниманием аудитории.

Помимо этого, Лассуэл отмечает у многих «агитаторов» склонность к обвинительным умонастроениям. В этом он видит проявление у них скрытой потребности в самооправдании, представляющей собой компенсирующую реакцию на чувство ущербности или вины, связанное с какими-то психическими травмами раннего детства (вытесненной в подсознание ненавистью к кому-либо из родителей или близких родственников, страхом перед сексуаль-

ной неудачей, глубоко пережитым чувством никчемности, возникшим при сравнении себя с более сильными и удачливыми сверстниками).

«Администраторы» отличаются тем, что их аффекты направлены на более близкие и конкретные объекты. Для них характерны скрупулезность и способность разбираться в деталях, в которых «агитаторы» просто запутываются. Лассуэл выводит эту черту из детского конфликта между лояльностью к отцу и привязанностью к матери, который чрезвычайно рано приучает ребенка разбираться в противоречащих друг другу импульсах и ощущениях, разводя их «в разные стороны». Кроме того, административный талант обычно тесно связан с огромной работоспособностью, подсознательно отождествляемой с силой и дееспособностью. Свойственная «администраторам» погруженность в работу сточки зрения психоанализа представляет собой способ сублимации вытесненных из области сознания социально неприемлемых инстинктов¹.

Безусловно, то обстоятельство, что «стремление в политику» может иметь невротическую или даже психондную природу, чрезвычайно важно. Возможно, оно делает наши понятия о политике менее возвышенными, но зато более реалистичными, позволяя, в частности, распознавать стоящие за логически выстроенными политическими аргументами иррациональные психологические потребности, импульсы и влечения.

Так, вряд ли мы сумеем в полной мере понять некоторые необъяснимо жестокие акции Ленина по отношению к людям, олицетворявшим для него ста-

рую Россию, если отвлечься от мотива самоотождествления его с казненным по обвинению в покушении на цареубийство любимым братом Александром. Хотя сам Ленин, разумеется, никогда бы не признался в этом и всегда находил для этих акций внешне «разумные» аргументы (вроде пресловутой политической необходимости).

Точно так же граничащее с прямым вызовом поведение М. Олбрайт по отношению к России невозможно объяснить только борьбой за демократию, заботой о безопасности США и об укреплении Североатлантического союза. Ведь если рассуждать чисто инструментально, тех же целей можно было бы достичь и без навязчивого стремления постоянно ставить бывшего противника «на место» и демонстрировать полное пренебрежение его мнением (чего стоит одно только решение начать бомбардировки Югославии именно в тот момент, когда в США направлялся с визитом российский премьер Е.М. Примаков - ясно, что оно не могло быть принято без участия шефа внешнеполитического ведомства). Очевидно, настоящие причины такого поведения надо искать не в официальных декларациях. И они становятся понятными, когда мы узнаем о том, что семья будущего госсекретаря США была вынуждена бежать из Чехословакии после вступления в страну Красной Армии весной 1945 года, так что, возможно, М. Олбрайт владела навязчивая идея «наказать русских».

Что действительно не подлежит сомнению, так это сравнительно раннее формирование ориентации «на политику». При этом в биографиях извест-

ных политиков прослеживается одна примечательная черта: еще в ранней юности они выдвигают перед собой такие честолюбивые цели, которые с позиций здравого смысла могут казаться проявлением мании величия. Такого рода жизненные проекты, как правило, оформляются через особую систему идентификаций, в рамках которой личность будущего политика как бы замещает собой других людей или соотносится с некими обобщенными символическими сущностями и тем самым к ним приравнивается.

Один из самых ярких примеров - Шарль де Голль, воспринимавший свою политическую роль не столько в терминах отношений с конкретными людьми и социальными группами, сколько как «диалог с Францией»: «Я, ее сын, взываю к ней... и Франция отвечает мне»². Такая же довольно сильно выраженная склонность отождествлять себя со страной очень заметна в политической риторике и многих других крупных государственных деятелей, в частности П.А. Столыпина, Сукарно, Р. Никсона, Р. Рейгана, свергнутого в 1979 году иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Нередко также «я-образ» политика сливается с некой религиозно-моральной идеей (Гладстон, Хомейни) или с определенной «исторической миссией» (чрезвычайно характерная черта революционеров).

Однако, насколько далеко можно идти по пути интерпретации политической деятельности, ориентируясь на подобные отождествления и используя такие категории психоанализа, как «бессознательное», «сублимация», «вытеснение», «подавление», «сексу-

альность», «эдипов комплекс», «детская травма», «садо-мазохистский комплекс» и т.п.? Ведь если как следует разобраться, мы вряд ли сумеем вообще найти человека, который бы в детстве не страдал от разногласий родителей, насмешек сверстников, несправедливого обращения или чувства вины за действительные или мнимые проступки. Точно так же всем, вероятно, в юности доводилось испытывать горечь неразделенных увлечений, болезненную стеснительность и неуверенность в себе.

Почему же сходные психические травмы из одних людей делают политиков, а из других нет? И почему в одних случаях деструктивные импульсы не оказывают серьезного влияния на деятельность политика, а в других становятся определяющими? Эти вопросы, по существу, остаются пока без ответа. Методика психоанализа позволяет дать объяснение очень многим качествам личности, но всегда постфактум, задним числом. Такие объяснения обычно бывают интересными, и в большинстве случаев их полезно учитывать. В частности, они помогают политическим консультантам при работе с конкретным политическим деятелем выявлять внутренние психические напряжения и разрабатывать приемы их снятия. Однако прогностическая сила психоаналитических методов невелика.

В особенности это касается неординарных шагов и поступков, которые способны совершать крупные политики в сложных, не поддающихся простому «распутыванию» ситуациях, и которые на первый взгляд совершенно противоречат их ре-

путации и личным склонностям. Почему не более «мягкие» партийные вожди, а именно «твердокаменный» Ленин, который ненавидел капитализм всеми фибрами души, выступил в 1920 году с идеей нэпа, основанной на частичном восстановлении буржуазных отношений? И почему с инициативой предоставления независимости Алжиру, неприемлемой даже для исповедующих принцип интернациональной солидарности коммунистов, выступил не кто иной, как генерал де Голль, политическое кредо которого было построено на идее национального величия?

Конечно, такого рода ситуации редки. Но именно они заключают в себе самую жгучую интригу, именно они часто становятся переломными моментами истории и «звездным часом» великого политического деятеля. Теория, которая способна объяснить почти все, кроме таких моментов, в чем-то напоминает повара, умеющего готовить самые изысканные блюда, но только... без соли.

Стало быть, общая теория «политической» личности должна опираться на более широкую, чем психоанализ, основу. Осознание этой необходимости привело к развитию в 1970-х годах так называемого психоисторического подхода. Он существенно раздвинул проблемно-категориальные рамки анализа «политической личности», включив туда наряду с индивидуальными психологическими особенностями политиков групповую составляющую их деятельности (психология взаимоотношений в их ближайшем окружении), а также во многих случаях и характеристику широких социально-политичес-

ких и социально-исторических контекстов, в которых проходило их формирование и выдвижение на важнейшие посты в государстве. Интенсивно развивается в современной политической психологии и когнитивный подход, рассматривающий логику политического мышления политических лидеров и психологические аспекты принятия политических решений с точки зрения познавательных процедур, способов сжатия и преобразования информации, а также исходных постулатов о реальности.

Конкретизация контекста, в котором действует политик, потребовала разработки более специфицированных типологий, чем те, что использовались на ранних этапах развития психобиографических исследований и объясняли скорее некоторые общие склонности и способности политиков, нежели сугубо функциональные аспекты их работы.

Так, Дж. Барбер, исследовавший «роли» членов законодательного собрания штата Коннектикут в законодательном процессе, обнаружил тесную связь между линией поведения законодателя и мотивами, по которым он стремился быть избранным на этот пост. Проведенный им анализ позволил выделить четыре основных типа законодателей: «советчиков», «наблюдателей», «равнодушных» и собственно «законодателей». При этом только последние в полной мере сознают свою ответственность за принимаемые законодательные акты и активно участвуют в работе соответствующих комитетов и комиссий. Что же касается остальных категорий, то для них роль депутата имеет совсем иной смысл. Скажем, «советчики» просто-напросто ис-

пользуют ее как политический трамплин, а «равнодушные» вообще погружены в другую сферу интересов и участвуют в законодательной деятельности лишь по обязанности.

Сходная мотивационно-поведенческая типология была предложена Дж. Коттером и П. Лоренсом, изучавшими психологические черты мэров американских городов. В данном случае основных типов поведения оказалось пять: «попечитель», «любитель церемоний», «индивидуалист», «исполнитель», «реализатор программ».

Существенный недостаток современных психоисторических исследований заключается в том, что «политическая» личность рассматривается слишком статично. Предполагается, что она обладает неким набором «черт», сформировавшихся в детстве и юности, и эти «черты» определяют ее политическое амплуа, подходы к решению тех или иных проблем и конкретные действия. Между тем становление политика есть процесс диалектический. Решая проблему профессиональной самореализации он сам внутренне меняется, и характер этого процесса, возможно, больше говорит о политике как человеческом типе, чем пресловутая воля к власти.

Если обратиться к биографиям политических деятелей как к своеобразным протоколам, в которых зафиксировано проявление различных психологических свойств, качеств и черт, нетрудно заметить, что «политический темперамент» практически всегда включает в себя четко выраженную ориентацию на самопродвижение. Однако в большинстве случаев это отнюдь не банальный «бытовой» карьеризм,

хорошо известный всем по отношениям в любом трудовом коллективе. В некоторых случаях (хотя далеко не всегда) данная черта может даже парадоксально сочетаться с несомненным личным бескорыстием. Очевидно, для «политической» личности самопродвижение — особый способ существования, неотделимый от политики как специфической сферы деятельности. И хотя политики, как и актеры, не чужды тщеславия и склонности к самолюбованию, перспективы личной карьеры в их сознании очень часто связаны в первую очередь со средствами и возможностями, необходимыми для осуществления некоего высшего жизненного плана («предназначения»).

Отсюда повышенная эмоциональность в восприятии собственной политической роли и положения, чрезвычайно напряженное ожидание «своего часа», потребность в публичном признании, нередко сопряженные с очень болезненными переживаниями, гасить которые приходится при помощи специальных приемов переключения и самокомпенсации.

Между личными амбициями стремящегося играть самостоятельную роль политика и его убеждениями постоянно создается поле напряжения. Потребность в самореализации заставляет его все время приспосабливать свою идейно-политическую позицию к конкретному набору политических ролей, которые в данных обстоятельствах он мог бы сыграть.

Разумеется, сам по себе факт «привязки» политических взглядов к личным возможностям и склонностям не представляет собой ничего необычного.

В конце концов, каждый человек подсознательно тяготеет к такой картине мира, в которой он занимает (или рассчитывает занять) достойное место. Мышление политика в данном случае, казалось бы, отличается только предельной индивидуализацией социальных и политических проектов. Речь идет не просто о наилучших условиях для «таких, как я», а об идеологическом обосновании такого развития событий, при котором востребуется именно данный политик. Однако это «только» порождает совершенно особый тип поведения, который, с точки зрения «обычного» человека, часто выглядит воплощением беспринципности.

Известно, например, что знаменитый британский государственный деятель Б. Дизраэли, ставший настоящим символом партии тори, на заре своей политической карьеры пытался пройти в парламент при поддержке ее противников - вигов, но, дважды потерпев неудачу, сменил свою партийную принадлежность. Сходным образом начиналась и политическая карьера У. Черчилля. А основатель итальянского фашизма Б. Муссолини в молодости был социалистом и даже занимал пост редактора ведущей социалистической газеты «Унита».

Хорошее представление о психологических механизмах идейного перевоплощения дает написанная американским историком С. Уолпертом политическая биография основателя Пакистана М. Джинны.

Интересно, что будущий непримиримый борец за создание независимого от Индии мусульманского государства долгое время был видным деятелем

Индийского национального конгресса и выступал с позиций единства мусульман и индусов. Почему же в дальнейшем его политическая позиция столь круто изменилась?

Понять психологические мотивы эволюции Джинны невозможно, если рассматривать данный вопрос в плоскости чистой «борьбы идей», отвлекаясь от взаимоотношений в индийской политической элите в последний период британского господства. К тому времени (середина 30-х годов) Джинне было уже за пятьдесят. И хотя он по-прежнему держался на авансцене политической жизни, надежды на первые роли в будущем независимом Индийском государстве, порожденные блестящим политическим стартом и в принципе верной оценкой собственных способностей, постепенно развеивались. Стремительное возвышение Ганди открывало перспективы совсем другим людям (прежде всего, Дж. Неру и его соратникам), лишая претензии Джинны реальной почвы и внося в душу едкое чувство неудовлетворенности.

Но дело не только в отдельных личностях. Неприязнь к стремительно рвущимся вперед соперникам легко переносилась на идеологические условия их выдвижения, в первую очередь на олицетворяемый босоногой фигурой Ганди морально-политический идеал святой бедности и ненасилия, находивший живейший отклик в многомиллионной индуистской деревне. Джинна, образцовый джентльмен, денди, преуспевающий адвокат, хорошо принятый в правительственных и деловых кругах метрополии, был по натуре совсем иным человеком. В духовной атмо-

I

сфере «революции ненасилия», которая складывалась в то время в Индии, ему как политику не было места. Единственным шансом изменить положение стала попытка создать политический мир, основанный на альтернативных ценностях.

Вряд ли сам Джинна формулировал свою задачу в таких терминах. Да и в полном объеме эта задача обрисовалась перед ним не сразу. К ее отчетливому пониманию он шел интуитивно, через поиск приемлемых формул сотрудничества с большинством в Конгрессе, приемлемых в том числе и потому, что они выдвигали его, Джинну, на одну из первых ролей в индийской политической элите. Пройдя на этом пути через несколько промежуточных ступеней, он постепенно нащупал поддержку среди лидеров мусульманской общины, вначале весьма проблематичную (по рождению Джинна принадлежал не к суннитскому большинству, а к немногочисленным в Индии шиитам). Но мусульманская община в силу своих традиций и культурно-исторических особенностей восприняла его положительно. Здесь его аристократизм и весьма умеренный взгляд на социальные вопросы становились не недостатком, а достоинством.

Так под влиянием открывавшейся политической перспективы взгляды Джинны постепенно трансформировались в направлении, которое обосновывало эту поддержку и стимулировало ее укрепление. Политическому проекту, в котором у него не могло быть соответствующего его амбициям места, он противопоставил альтернативу, в рамках которой имя «Джинна» означало все.

Вначале эта альтернатива

[Политическая психология

приняла очертания мусульманской автономии в пределах единой независимой Индии. Но очень скоро логика развития этой позиции и негативное отношение к ней Ганди и Неру заставили поставить вопрос радикальнее. С середины 30-х годов Джинна все активнее начинает выступать с идеей особой мусульманской нации. Тогда же он берет на вооружение слово «Пакистан», превращая его в символ бытия этой нации (на самом деле слово это не имело никаких исторических корней и было незадолго до этого изобретено пенджабским студентом Рахматом Али). Наконец, для воплощения «пакистанской идеи» создается новое политическое движение — Мусульманская лига, которая в конце концов и возносит Джинну на самую вершину политического Олимпа.

Высшей формой проявления таланта в политике, несомненно, является политическое лидерство. Именно заявка на лидерство и ее реализация означают смысл жизни всякого крупного политика и главный мотив его стремления к продвижению.

Литература по политическому лидерству насчитывает тысячи названий, что в полной мере соответствует общественной значимости данного явления. Однако в большинстве посвященных этой теме работ мы встречаем признание в том, что лидерство представляет собой один из наименее понятных феноменов на свете. Тем не менее выделим некоторые аспекты психологии политического лидерства, которые, кажется, сегодня уже не вызывают особых споров.

В первую очередь можно согласиться с тем, что лидерство - это поведенческое понятие. Оно обо-

значает не какую-то особую психологическую функцию, а внешний динамический результат определенного сочетания и взаимодействия всех функций и свойств личности. Большинство исследователей в настоящее время разделяют также и ту мысль, что лидерство как таковое следует отличать от статуса и положения, дающих право формально распоряжаться людьми.

Хотя политическое лидерство на практике часто соединено с административными полномочиями, все-таки лидером мы называем в первую очередь того, кто может не только приказывать, но и воздействовать на мотивацию людей, увлекая их за собой. Но надо заметить, что различие между правом приказывать и способностью сплачивать вокруг себя последователей является весьма тонким, а в некоторых случаях — почти неуловимым. Формальный статус сам по себе не создает лидера, но он как бы выделяет его из толпы, придает ему дополнительную уверенность в себе, предоставляет более широкие возможности в плане социальной коммуникации (то, что на политическом жаргоне называют «трибуной»). Иными словами, статус действует как своего рода оптическое устройство, которое не только увеличивает, но и ретуширует образ политического деятеля.

Практически все современные исследования тесно увязывают политическое лидерство, с одной стороны, с ситуацией, а с другой - с социальной средой, из которой выдвигается и внутри которой лидер действует. В методологическом плане речь фактически идет о некоторой целостной конфигура-

ции, своеобразном треугольнике «ситуация - среда - лидер», все элементы которого нераздельно взаимосвязаны. При этом ситуация определяет общие очертания политических проблем и задает спектр альтернативных проектов будущего, а среда как бы отделяет возможное от невозможного. Политическая наука трактует лидерство как определенное социально-психологическое отношение. Смысл его состоит в решении стоящих перед возглавляемой данным лидером социальной группой или общностью конкретных проблем. Лидер должен идентифицировать и консолидировать эту группу (общность), придав ей тем самым статус субъектности, и он же определяет стратегию решения ее проблем и способы мобилизации необходимых для этого ресурсов.

Ясно, что политическое лидерство есть особого рода талант. И, как всякий талант, он должен иметь определенную психологическую основу. Каковы же ее составляющие?

В обыденной практике мы часто говорим о так называемых «лидерских качествах». Считается, что они возникают в раннем детстве. Действительно, среди играющих в песочнице малышей почти всегда сразу же выделяются дети, активно стремящиеся утвердить свое ведущее положение. Именно они задают тон игре, устанавливают ее правила, присваивают себе право регулировать отношения в коллективе, в то время как остальные, не обнаруживающие столь сильного «инстинкта первенства», на это соглашаются. Нельзя ли рассматривать такую ситуацию как некую простейшую модель выдвижения по-

литического лидера? Быть может, талант политического лидера и есть реализация некой общей предрасположенности к лидерству, проявление универсальных «лидерских качеств»?

В самом деле, люди, которые комфортнее всего чувствуют себя в роли ведомых, не любят проявлять инициативу, тяготятся ответственностью и сравнительно легко отступают от собственных целей, если достижение их оказывается слишком трудным, практически никогда не становятся политическими лидерами. Однако «лидерские качества» могут реализоваться и вне политики (что чаще всего и происходит). Значит, политическое лидерство требует еще каких-то иных качеств.

Возможно, особой глубины мышления? Действительно, для выдвижения на первые роли в политике необходим сильный интеллект: умение быстро перерабатывать большие объемы информации и структурировать ее, отделяя главное от неглавного. Однако давно замечено, что «слишком глубокий» ум часто вредит политической карьере, поскольку созревающие в нем идеи далеко опережают свое время и вследствие этого остаются непонятыми. Образно выражаясь, политический лидер должен держаться на шаг впереди, но никогда не отрываться от тех, кто идет следом за ним.

Политические способности обычно связывают также с выдающимися волевыми качествами, с «сильной энергетикой», напористостью. Да, можно привести немало случаев, когда такие качества в самом деле помогали завоевывать политические вершины. Однако не менее многочисленны и опро-

вергающие данный тезис контрпримеры. Ярко выраженное волевое начало способно напугать тех, от кого зависит выдвижение лидера. Поэтому слишком сильных стараются «задвинуть», освобождая дорогу более гибким, а нередко - более удобным и покладистым.

Ясно, что то же самое нам придется сказать и о таких очень важных для политика качествах, как осторожность, осмотрительность, взвешенность, умение располагать к себе, контактность и др.

Сегодня практически все специалисты-психологи единодушны в признании того, что «универсальных» лидеров не существует. Те качества, которые востребованы в одной ситуации, могут оказаться бесполезными или даже неприемлемыми в другой. Так, революционных борцов ленинской закалки к середине 30-х годов вытеснили люди иной формации и иного психологического склада, в первую очередь аппаратные функционеры и организаторы промышленности. Практически то же повторилось и в современной России: «демократическая волна» 1991 года в мгновение ока вознесла сотрудников научных лабораторий и членов диссидентских кружков на самые вершины власти, но большинство из них оказались никуда не годными администраторами и слишком экзальтированными людьми, мало приспособленными для кропотливой политической работы, направленной на стабилизацию и создание новой социально-политической системы.

Вообще же потенциальный лидер реализуется лишь тогда, когда наступает его время. Если, допус-

тим, Наполеону довелось бы родиться на 30-40 лет раньше, он вряд ли смог проявить себя не только как государственный деятель, но и как полководец; вероятнее всего, его карьера завершилась бы чином артиллерийского полковника в провинциальном гарнизоне, где ему пришлось бы служить под командованием какого-нибудь ничем не примечательного отпрыска аристократической фамилии. С другой стороны, когда героический период Французской революции подошел к концу и наступило время посредственностей, Наполеон с его талантами опять-таки оказался «лишней фигурой» в политическом раскладе возвращавшейся к нормальной жизни Европы. Не исключая, между прочим, и знаменитую когорту маршалов, которых уже стали тяготить властный характер императора и его неумные грандиозные планы.

Разнообразие фактически реализовавшихся в разное время и в разных условиях политических ситуаций огромно, а если добавить к ним принципиально возможные, гипотетические варианты развития событий, то его, вероятно, можно считать бесконечным. Тем не менее в современных исследованиях все это многообразие так или иначе сводится к нескольким категориям.

Уже стало общепринятым выделять два основных типа лидерства. В работах разных авторов они именуются по-разному: «львы» и «лисицы» (В. Парето), «преобразователи» и «дельцы» (Дж. Мак-Грегор Берне), «герои» и «менеджеры» (Ж. Блондель), «крестоносцы» и «прагматики» (Дж. Штос-синджер). Однако, несмотря на различие терми-

нологии, речь идет об одних и тех же или очень близких вещах.

Лидеры первого типа реализуются во время системных кризисов, переворотов и социальных катастроф, требующих от общества предельного напряжения сил. В такие моменты возникает спрос на личности, способные прокладывать принципиально новые пути развития, воздействовать на эмоциональное состояние масс, утверждать новые ценности и ориентиры. Лидеры второго типа, напротив, выдвигаются в спокойные периоды, когда функции политического руководства сводятся к решению конкретных задач в рамках сложившихся «правил игры».

Современные исследования по типологии лидерства показывают, что «героический» и «функциональный» варианты лидерства формируются на разной психологической основе.

Так, «я» (и «мы») у лидеров «героического» типа обычно локализовано вне конкретной ситуации и имеет метаисторическое наполнение. Сама ситуация из своего рода рамки, заведомо ограничивающей действия, превращается в объект преобразования. Мышление лидеров этого типа направлено в первую очередь на строй жизни в целом, а следовательно, на смысловые аспекты человеческого существования, в нем ярко выражена образно-эстетическая струя и сильны элементы морализации. Мышление «менеджеров» носит более приземленный, и вместе с тем объективистский, инструментальный характер. Действительность в их восприятии предстает не как всеобъемлющее целое, а как совокупность отдельных специализированных «секторов».

Главное содержание мыслительной деятельности -определение средств для достижения ближайших (локальных) целей, практически однозначно задаваемых сочетанием этих нерефлектируемых смыслов и объективной логикой развития ситуации.

Для политика с «героическим» сознанием (неважно, на каком уровне он реализовался и реализовался ли вообще) характерно отождествление своей деятельности с высшей силой: Божественным Промыслом, Непреложными Законами Истории, Исторической Справедливостью, Волей Народа и т.д. Во многих случаях это эмоционально отделяет его от других людей, обрекая на специфически переживаемое чувство одиночества («один на вершине»). Политик-«менеджер», как и всякий политик, также не чужд некоторому чувству собственной исключительности. Но психологически оно выражается в иной форме - как своего рода снобизм, связанный с принадлежностью к «элите».

Деятельность «менеджера» в целом основана на стандартизованных умениях. И хотя она, безусловно, включает в себя элемент креативности, общая линия его поведения достаточно предсказуема. Поэтому «менеджеры» - это «игроки команды». В принципе они вполне взаимозаменяемы, и смена отдельных персонажей мало что меняет в общем течении событий. «Герои» же накладывают на все вокруг отпечаток своей личности. Даже в функционирование государственной бюрократической машины они вносят сильно выраженное личностное начало. В этом случае она становится как бы продолжением и инструментальным воплощением лидера

(известно, что Конституция французской Республики была переделана специально «под де Голля», а Конституция Российской Федерации 1993 года написана «под Ельцина»).

Поэтому уход политического деятеля такого типа неизбежно влечет за собой важные изменения в политической обстановке. Даже тогда, когда институциональная структура политической системы в принципе остается нетронутой, функциональные связи внутри нее совершенно перестраиваются, переключаясь на более формализованный, «имперсо-нальный» режим деятельности и создавая попутно немало проблем, которые при «старом» лидере попросту отдавались на его усмотрение, вследствие чего формальные процедуры их разрешения даже не были предусмотрены.

Когда политический психолог говорит о возвышении лидеров героического типа, то, характеризуя складывающуюся вокруг них психологическую атмосферу, он обычно использует понятие «харизмы».

Само это слово имеет религиозно-теологическое происхождение и первоначально употреблялось для обозначения божественной благодати, причастности того или иного человека высшим силам, определяющим порядок мироустройства. В 1922 году М. Вебер предложил использовать его как технический термин социальной и политической науки. В этом смысле харизма есть особое качество так называемых великих людей, то есть лидеров, инициирующих разрыв с привычным ходом вещей и переход к новому порядку. Но качество это им придается массовым восприятием. Харизма есть эмоцио-

нальное переживание массой раскрывшейся ей призванности возглавляющего ее лидера к какой-то особой миссии. Внешне харизма проявляется в совершенно особом магнетическом воздействии не только самой личности лидера, но и его имени и связанных с ним символов. Однако она не может рассматриваться как атрибутивное свойство личности лидера или особая черта его характера. Скорее, это особое психологическое состояние определенной человеческой общности, характеризующееся своеобразным «резонансом» устремлений отдельных составляющих ее единиц и фокусированием этих устремлений в одной точке.

Очень похожие явления мы уже рассматривали в главе, посвященной массовой психологии. Действительно, харизматические лидеры способны действовать и часто действуют как вожаки толпы. Однако для того, чтобы привести толпу в движение, не обязательно обладать харизмой. Порой для этого достаточно, чтобы кто-то, к примеру, истерически вскрикнул. Харизма же обладает известной устойчивостью и влияет не только на толпу, но и на рассеянную аудиторию.

В то же время для ее возникновения необходима совершенно особая психологическая атмосфера - атмосфера напряженных общественных ожиданий. Ее нельзя создать, сделать, заслужить, хотя какие-то поступки будущего лидера могут этому способствовать (что, однако, всегда выясняется уже постфактум). Она либо приходит, либо нет, причем первое очень часто происходит одновременно и внезапно, как разряд молнии. Впрочем, если «облада-

ние» харизмой постоянно не подтверждать, она столь же быстро развеется.

Выделение двух типов политического лидерства имеет, по-видимому, глубокие философско-методологические основания. Их можно, в частности, связать не только с различием форм социально-исторического развития (революционной и эволюционной), но и с описанными М. Вебером двумя типами рациональности - целевой и ценностной. Вместе с тем это всего лишь первое приближение к реальной политической действительности. Сама по себе она очень редко оказывается достаточной для того, чтобы нарисовать «психологический портрет» лидера во всех существенных деталях.

К примеру, Ельцин, конечно, «крестоносец» и «герой» (антигерой?). А что можно сказать о Путине? С одной стороны, новый президент Российской Федерации вполне соответствует образу «делового человека». Однако есть и другая сторона: судя по некоторым высказываниям и поступкам, Путин явно не сводит свои политические задачи к чисто административным, распорядительным функциям. В его деятельности есть сильная смыслополагающая компонента, а это - характерная особенность лидеров, стремящихся не только решать текущие задачи, но и воздействовать на общий ход истории.

Этот пример (можно привести и другие) позволяет понять, почему в тех случаях, когда требуется анализ алгоритмов повседневной деятельности политика, политическая психология использует и другие дифференцирующие модели, в частности

основанные на различении *стилей* политического лидерства.

Понятие политического стиля всегда содержит в себе указание на устойчивые характеристики способа деятельности. Однако при этом оно может употребляться применительно к различным ее сторонам и приобретать разные смысловые оттенки.

Так, в современной политической психологии активно разрабатывается понятие *когнитивного стиля*. Оно характеризует ориентировочно-познавательную компоненту действий лидера, то есть информационную стратегию, аналитические процедуры и способы понимания, при помощи которых он получает *знание о* мире политики и о том, что в этом мире происходит.

В последнее время основной базой сопоставления когнитивных стилей в политической психологии выступает так называемая когнитивная (концептуальная) сложность - обобщенная характеристика стиля, зависящая от числа факторов, которые тот или иной политик берет во внимание при интерпретации и оценке различных событий, фактов и процессов. Она может принимать определенные числовые значения, которые рассчитываются на основании содержательного анализа речей, выступлений, интервью, статей и отдельных высказываний того политического деятеля, стиль которого является предметом анализа.

Как показали исследования П. Тэтлока, высокие значения параметра когнитивной сложности тесно коррелируют с такими качествами политического стиля, как динамизм, гибкость подходов,

способность к неоднозначным оценкам и компромиссам, открытость восприятию новых идей, тогда как низкая когнитивная сложность свидетельствует о психологической ригидности, склонности к черно-белому видению мира, жестко конфронтационной логике мышления.

В некоторых случаях можно проследить зависимость между когнитивной сложностью и политической позицией. Так, в ходе исследования политического поведения членов британской Палаты общин, у приверженцев крайних точек зрения была выявлена более низкая когнитивная сложность, чем у умеренных политиков, независимо от того, относятся они к лейбористам или консерваторам. Аналогичное соотношение установлено в Сенате США между изоляционистами и сторонниками активной глобальной политики³.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что когнитивная сложность сама по себе не является аттестацией политических взглядов с точки зрения их истинности и ложности, а политического деятеля - с точки зрения масштаба его личности. Так, в работах представителей психоисторической школы было достаточно убедительно продемонстрировано заметное превосходство по параметру когнитивной сложности Дж. Картера над такими придерживавшимися правоконсервативных взглядов американскими президентами, как Р. Никсон и Р. Рейган. Однако выигрыш от этого в принципе позитивного качества перекрывался другими психологическими особенностями Картера, в частности излишней самоуверенностью, порой заставлявшей его принимать же-

лаемое за действительное. Вследствие этого Картер оказался одним из самых неэффективных президентов за последние десятилетия, тогда как правление Никсона и особенно Рейгана ознаменовалось ощутимыми достижениями (в частности, в плане внешнеполитической стабилизации).

Как справедливо отмечается в научной литературе, уровень когнитивной сложности обусловлен не только личными качествами политика, но и ситуацией. Например, сплочение нации против внешнего врага или поддержание ее революционного порыва требуют ясного изложения «простых истин», тогда как регулирование баланса интересов социальных групп или управление сложной механикой сдержек и противовесов различных ветвей власти, напротив, требует мышления с высоким уровнем когнитивной сложности. Поэтому, кстати говоря, один и тот же политический лидер в разные периоды своей деятельности и в разных ее сферах может демонстрировать различные стили деятельности, то более простые, то более сложные.

В последние годы в политической психологии весьма активно разрабатывалась и проблема интегральной характеристики стиля политического лидерства. Правда, эти исследования еще не вышли за рамки первичных эмпирических обобщений и поиска принципов классификации. Отметим как пример получившую довольно широкую известность книгу Дж. Барбера «Президентский характер», написанную на основе анализа биографических материалов, воспоминаний и других документов, относящихся к деятельности высшего политического руководства США.

Дж. Барбер определяет политический стиль как хабитуальный (то есть привычный, устоявшийся, стереотипный) способ осуществления трех взаимосвязанных функций - риторической, поддержания личных контактов и кабинетной работы. Стиль - это то, *как* политический деятель выполняет требуемое его положением.

Скажем, любой президент должен организовать процесс выработки взвешенных внешнеполитических решений, отвечающих национальным интересам. Но сколь разнообразными могут быть формы, в которые отливается эта институциональная обязанность в зависимости от характера, привычек и психологических потребностей главы государства! По свидетельству исследователей и очевидцев, Д. Эйзенхауэр обычно проводил обставленные по всей форме заседания кабинета, Дж. Кеннеди предпочитал дружеское общение с теми, кого он знал и ценил, Р. Никсон и Дж. Форд полностью полагались на Г. Киссинджера, а правление Р. Рейгана отличалось постоянной кадровой перетряской высшего эшелона внешнеполитического ведомства (за восемь лет сменилось семь его руководителей).

С точки зрения Барбера, все относящиеся к политическому стилю различия могут быть в итоге разнесены по двум шкалам: «активность - пассивность» и «позитивная аффектация - негативная аффектация». В соответствии с этим он выделяет четыре основных стиля лидерства: активно-позитивный, активно-негативный, пассивно-позитивный и пассивно-негативный.

Отличительные особенности активно-позитивного стиля, по Барберу: душевная уравновешенность, высокая самооценка, ориентация на успех, удовольствие от исполняемой должности, высокая продуктивность и гибкость решений. Такими чертами характера и поведения обладали Ф. Рузвельт, Г. Трумэн, Дж. Кеннеди, а из «отцов-основателей» США - Т. Джефферсон. Активно-негативный стиль, считает Барбер, отличают высокие затраты психической энергии при малом эмоциональном удовлетворении, гипертрофированная склонность к самоанализу, постоянная рефлексия по поводу собственных действий. Такой человек живет в опасном и неустойчивом мире, постоянно задавая себе вопросы вроде «выигрываю ли я?», «хороший я или плохой?» и т.п. Черты этого стиля Барбер находит в политической деятельности Дж. Адамса, В. Вильсона, Л. Джонсона.

Пассивно-позитивному политику присущи невысокая самооценка и зависимый, рецептивный характер. Жизнь его проходит в поисках, которые редко оказываются результативными. Таким представляется Барберу правивший в начале XIX века президент Дж. Медисон, слишком легко уступивший в свое время «ястребам», агитировавшим за войну с Великобританией, и проигравший эту войну (в 1812 году английские солдаты даже сожгли Белый дом).

Наконец, пассивно-негативный стиль характеризует в первую очередь компенсация неудовлетворенности чувством долга. Такие люди становятся политиками не потому, что хотят этого, а потому, что по какой-то причине «должны» ими стать.

На первый взгляд может показаться, что люди пассивно-негативного типа вообще не могут преуспеть в политической деятельности. Но это не так. Достаточно сказать, что именно к такому складу, по-видимому, относился легендарный герой войны североамериканских колоний за независимость и первый президент независимых Соединенных Штатов Дж. Вашингтон.

Несколько иные характеристики психологических аспектов внешнеполитического стиля американских президентов XX века выделил Л. Этеридж. В его модели использованы два параметра - потребность властвовать и стиль общения с людьми (экстравертный или интровертный), которые в разных сочетаниях способствовали то проведению политики замкнутых блоков, то активному стремлению к утверждению глобальной гегемонии.

Оценивая такого рода схемы с точки зрения всеобщности и приложимости к иным, не американским, условиям, упомянем о том, что политический стиль американских президентов складывался в стране, не знавшей серьезных внутренних потрясений (если не считать недолгой гражданской войны между Севером и Югом). Поэтому элиты в американской истории сменяли друг друга, так сказать, эволюционным путем. И многие разновидности политического стиля, которые играли существенную роль в Европе и тем более в России или, допустим, в Латинской Америке, здесь просто не брались в расчет. В ином случае проблема классификации политических стилей неизбежно бы усложнилась, поскольку к ней добавились бы факторы, которые

сами по себе носят объективный характер, но определенным образом отражаются в психической конституции личности.

Отсюда становится понятным стремление современной политической науки к разработке многофакторных (многомерных) психологических моделей лидерства.

Такой подход использовался в известной работе М. Реджаи и К. Филиппа⁴, посвященной анализу политических стилей революционных лидеров XX века. Наряду с вопросом о том, каковы эти люди, авторы ставят и другой, не менее важный для понимания связи между типом лидерства и социально-политической ситуацией: как они стали революционерами?

В ходе исследования были выделены психологические черты и особенности, которые в статистической выборке встречаются не чаще, чем можно ожидать по теории вероятности. Это в первую очередь аскетизм, стремление утвердить себя через личную доблесть (74% рассматривавшихся случаев), комплекс неполноценности, во многом объясняющий агрессивные реакции на внешний мир (62%), тщеславие, эгоизм, нарциссизм (54%), склонность к эстетизму и романтическому мироощущению, выражающаяся, с одной стороны, в особой любви к литературе и искусству и, с другой - в проявлениях донкихотства (46%). Знаменитый эдипов комплекс, который фрейдизм рассматривал чуть ли не как универсальную причину всевозможных форм подавленной агрессии, в том числе и сублимации внутренних деструктивных импульсов через политику, был зафиксирован у меньшинства (лишь 12% выборки).

На основе полученных данных М. Реджаи и К. Филипс разделили революционных лидеров XX века на несколько категорий, в числе которых «основатели», «агитаторы», «генералы», «ревнители чистоты», «теоретики», «верные», «старейшины», а также «профессиональные революционеры». Предрасположенность к той или другой модели политического лидерства закладывается, по-видимому, вместе с интересом к политике еще в детстве и ранней юности. Возможно, она имеет определенную нейрофизиологическую основу, хотя исследования, которые могли бы подтвердить или опровергнуть это, насколько нам известно, не проводились. Вместе с тем есть данные, позволяющие связать эту предрасположенность с особенностями процесса социализации, когда происходит «врастание» ребенка в общество и усвоение им социально выработанных норм и эталонов. Изучение биографий и политического стиля ряда американских президентов и британских премьер-министров, в частности, показали любопытную корреляцию между типом политического лидерства и тем, каким по счету ребенком в семье был данный лидер. Как оказалось, старшие дети впоследствии легче справлялись с кризисными, чем с обычными, ситуациями, единственным сыновьям особенно удавались ликвидации расколов в обществе, а младшие лучше всего проявляли себя в решении проблем путем компромиссов. Если условно разделить американские выборы на «кризисные» и «обычные», то окажется, что первые или единственные сыновья избирались в восьми из девяти кризисных ситуаций, а в относительно спокойные периоды в более чем половине слу-

чаев избиратели, напротив, оказывали предпочтение младшим сыновьям⁵. Эту закономерность подтвердили и исследования М. Реджаи и К. Филиппа, посвященные революционным лидерам XX века.

Подчеркнем, однако, что момент предрасположенности не следует слишком абсолютизировать. Личность политика претерпевает изменения на протяжении практически всей жизни. При этом некоторые качества могут вырабатываться совершенно сознательно, исходя из поставленных задач и целей. В тех случаях, когда это невозможно, используются различные компенсирующие приемы, способные смягчить или даже полностью нейтрализовать недостаток.

Так, известно, что Николай II был по природе застенчивым и деликатным человеком. Психологически ему было трудно говорить своим сановникам неприятные для них вещи. Особенно тяжело давалось объяснение с теми министрами, которых он намеревался отправить в отставку. Поэтому, избегая тягостной ситуации и опасаясь проявить малодушие, царь имел обыкновение сообщать о своем решении заочно -именным рескриптом. При этом обязательно подчеркивались заслуги этого сановника, которые тут же отмечались высокой наградой - орденом, почетным титулом или пожалованием крупной суммы денег.

Поскольку политическое лидерство есть реализация определенной общественной потребности, вопрос о том, как и почему политические деятели выдвигаются на роль лидеров, имеет по крайней мере две стороны. Для того чтобы ответить на него, необходимо проанализировать не только личные качества лидеров (или претендентов на эту роль), но и пси-

холодильник, кто принимает того или иного политика в качестве лидера. Не об этом ли говорит нам знакомая с детства сказка о голом короле?

Как же «формула лидерства» (ситуация - среда - лидер) выглядит применительно к современной России? К какому типу и стилю лидерства тяготеют сегодня россияне? Какие качества они хотели бы видеть в своих вождях и как они воспринимают претендующих на эту роль политиков?

Прикладные исследования по политической психологии, проводившиеся как зарубежными, так и отечественными аналитиками выявили много-слойность, или, если угодно, многоконтурность складывающихся в массовом сознании персональных репрезентаций политических деятелей.

Один из этих контуров «вычерчивается» рациональным мышлением на основе анализа доступной общественности политической информации (разумеется, применительно к большинству населения речь должна идти об анализе на уровне простого здравого смысла), сравнения содержания речей различных политических лидеров, «примерки» их аргументации к своему жизненному опыту и интересам, оценки эффективности их действий и побуждений, сопоставления слов с делами. В результате складываются определенные рациональные представления о политике и политиках, которые могут быть предъявлены публично в виде «позиции».

Рациональные суждения о политиках и их оценки могут быть вербализованы и выведены на уровень самоотчета испытуемого; поэтому они фиксируются методом прямого опроса. При этом все они обычно

группируются в три обобщенных смысловых блока -«сила», «активность» и «привлекательность», по каждому из которых выводятся некоторые суммарные показатели, позволяющие сопоставлять действующие на политической сцене фигуры.

Другой контур проступает перед специалистом по политической психологии, когда он обращается к анализу подсознательных реакций и эмоционально-ассоциативного восприятия. Поскольку смысловые связи на этом уровне психики обычно не осознаются и сознанием не контролируются, для их выявления используют косвенные методы. Например, исследователь просит испытуемых описать, с какими животными, запахами, растениями ассоциируется у них тот или иной политик, в какой цветовой гамме лучше всего нарисовать его портрет и т.п.

Полученные в ходе политико-психологических исследований эмпирические данные позволяют сделать вывод о том, что между этими двумя контурами восприятия имеется определенный зазор, который, расширяясь, может подчас перерасти в разрыв. В практике нередки случаи, когда политический деятель набирает высокие баллы по всем значимым для рациональной оценки показателям (уровень компетентности, кругозор, честность, интеллектуальные данные, личная энергия и т.д.). Однако успехи его на выборах оказываются весьма скромными и не обнаруживают тенденции к улучшению, как бы он ни старался убедить сограждан в своей правоте. И сам этот политик, и его соратники теряются в догадках по поводу этого «странного» явления. А между тем причина обычно состоит в том, что у большинства избира-

телей его образ связан с какими-то нежелательными для политика бессознательными ассоциациями, в чем ни избиратели, ни он сам не отдают себе отчета. Бывают и прямо противоположные случаи.

Например, многие наши сограждане признавали за Е. Гайдаром ум и компетентность, но вместе с тем отказывались голосовать за него, поскольку, сами того не создавая, видели в нем человека слабого и пассивного. Напротив, уаочиво негативное отношение к Б.Н. Ельцину на рациональном уровне («пьющий», «больной», «не адекватен ситуации», «плохо понимает то, что происходит») компенсировалось подсознательным восприятием его как сильной личности, что в значительной мере объясняет его переизбрание на пост президента в 1996 году. Наиболее противоречив, пожалуй, образ Г. Явлинского: сопоставление рациональных оценок этого политика избирателями и их подсознательных эмоциональных реакций не выявило совпадения ни по одному параметру⁶.

В целом же отношение россиян к политикам обнаруживает так называемые системные свойства. Это значит, что каждое качество того или иного политического лидера воспринимается не само по себе, а в соотношении со всеми остальными качествами. Скажем, «сила» как составляющая образа одного политика может восприниматься в целом положительно, в то время как у другого она сопрягается с угрозой и получает отрицательное значение. Для одного политического деятеля наиболее выигрышными качествами могут быть опыт и взвешенность, тогда как в другом привлекают молодость и динамизм. При этом в зависимости от набора «базовых» качеств

политика существенно разной оказывается роль сознательных и подсознательных компонентов в его восприятии. Есть политики, за которых, действительно, голосуют «сердцем», в то время как в оценке других на первом месте оказывается все-таки «голова».

Безусловно, сравнительные оценки политиков, связанные с ними предпочтения избирателей, их явные и подспудные симпатии и антипатии могут быть правильно поняты только в контексте морально-психологического состояния общества, включая сложившиеся представления о сути переживаемого исторического момента и о том, что именно нужно сегодня предпринимать.

Эмоциональная доминанта современной России — это надежда на перемены к лучшему, смешанная, однако, с острым чувством тревоги. При этом в первую очередь население тяготят даже не очевидные материальные затруднения, а разрушение структурирующих «нормальную» жизнь начал, эрозия всех норм, правил и принципов, разгул бесконтрольности и вседозволенности. Поэтому во всех социологических опросах 90-х годов среди требований к власти на первое место выдвигается *наведение порядка*. А решение такого рода задач всегда и во все времена осуществлялось «сильными людьми» и «твердой рукой».

Итак: авторитарный запрос? поиски нового Сталина?

Вопреки довольно распространенному мнению о том, что Россия фатально предрасположена к деспотизму, это отнюдь не так. Проводившиеся в последние годы психологические и социологические исследования показывают, что «синдром авторитаризма» рас-

пространен в нашей стране не больше, а может быть, даже меньше, чем в других развитых странах. Если население и склоняется сегодня к более жестким методам, то при этом оно придает власти чисто инструментальное, а вовсе не самодовлеющее и универсальное значение, какое она обретает во всех деспотических режимах. При этом ликвидация или ограничение демократических свобод категорически отвергаются.

Так, данные проведенного Российским независимым институтом социальных и национальных проблем в декабре 2000 года всероссийского социологического опроса показывают, что свыше 51% граждан понимают наведение порядка как неукоснительное соблюдение действующих законов всеми, независимо от занимаемого положения, и лишь 1,8% высказались за отмену многопартийности и передачу всей полноты власти в руки президента Российской Федерации.

Желание порядка наряду с рациональной компонентой включает в себя и подсознательное стремление к восстановлению *национального строя жизни*, в том числе определенных морально-политических принципов, на которых традиционно строилась российская государственность. Поэтому образ «сильного лидера» работает на российскую аудиторию лишь в том случае, если он способен символически олицетворять эти принципы и органично использовать соответствующую национально-державную риторику. Именно в этом заключается один из секретов политического успеха В. В. Путина, буквально за считанные месяцы превратившегося из малоизвестного в широких общественных кругах деятеля в общенационального лидера.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

1. См.: Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психологические произведения: В 2-х тт. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 260.
2. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 40
3. См. подробнее: Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 187-202.
4. См.: Петренко В.Ф, Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск: Изд. СГУ, 1997. С. 175-213.
5. См.: The Political Psychology of the Gulf War. Pittsb.: Pittsb. Univ. Press, 1993.
6. Технология создания политических имиджей - обширная тема, заслуживающая детального обсуждения, которое и по объему и по содержанию неизбежно выходит за рамки этой книги. Ограничимся ссылкой на некоторые специальные работы, дающие представление прежде всего о практической стороне данного вопроса: Bruce B. Images of Power: How the Image Makers Shape Our Leaders. L: 1992; Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. М.: 1994; Почепцов Г.Г. Имидж и выборы. Киев, 1997; Цу-ладзе А. Формирование имиджа политика в России. М., 1999.
7. См.: Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chi.: The Univ. of Chicago Press, 1988.
8. См.: Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. № 1.
9. См. подробнее: Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. Спб.: Алетейя, 2000; Попер Дж. Дискурс-анализ как метод исследования естественной-протекающей речи // Иностранная психология. 1998. № 10; Lasswell H., Leites N. et al. Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. N.Y.: Stewart G. Publ., 1949; Trends in Content Analysis. Urbana, 1959; Cook G. Discourse. Oxford: Oxf.Univ. Press, 1989.
10. См.: Roig C La grammaire politique de Lenine. Formes et effets d'un discours politique. Lausanne: Editions l'Age d'Homme, 1980.

Глава 2

1. См.: Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. С. 5.
2. См.: International Encyclopaedia of Social Sciences. N.Y. 1968. Vol.15. P. 259.
3. См.: Lane D. Political Thinking and Consciousness. Chi.: Markham Publ.. 1970. P. 312.
4. См., в частности: Harding N. Lenin's Political Thought. L. & Basingstoke: McMillan Press, 1977; Rosanvallon P., Viveret P. Pour une nouvelle culture politique. P., 1977.
5. См. подробнее: Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных теорий политической социализации. М.: Мысль, 1988.
6. См.: Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. М.: 1997.

Глава 3

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 208
2. Там же. С. 354.
3. См.: Lazarsfeld P. The People's Choice. 1940; Centers R. The Psychology of Social Classes. Princeton: Princeton Univ.Press, 1949; Eyesenck H.J. The Psychology of Politics. L: Routledge & Keagan Paul, 1954.
4. См.: Иерусалимский В.П. Рабочий класс ФРГ. Психология, сознание, сознательность. М.: Мысль, 1986.
5. Среди исследовательских работ, посвященных структурно-психологическому моделированию классовых предрасположений об обществе и общественных отношениях, назовем только некоторые: Popitz H., Bahrndt H.-P., Jures E.A., Kesting H. Das Gesellschaftsbild des Arbeiters. Tub., 1958; Lockwood W. Sources of Variation in Working-class Images of the World // Sociological Review. 1966. P. 249-267; Kudera W., Mangold W., Ruff K. u.a. Gesellschaftliches u. Politisches Bewusstsein von Arbeitern. F.a.M., 1979; The Working-class Images of Society. L: Routledge & Keagan Paul, 1975.
6. L'Universe politique des paysans dans la France contemporaine-236 raine. P.: 1972; Leppert-Fogen A. Die deklassierte Klasse: Studien

zur Geschichte und Ideologie des Kleinburgertum. Frankf. a. M. 1974.

7. См.: Altemeyer B. Enemies of Freedom: Understanding Right-wing Authoritarianism. S. Francisco, 1988.

8. См.: Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990. С. 108.

9. См. в частности: Эванс Ж., Уайтфилд С. Социально-классовый фактор политического поведения россиян // Социс. 2000. № 2.

Глава 4

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 16-17.

2. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Институт психологии РАН; Изд-во КСП+, 1998. С. 131.

3. См., напр.: Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.

4. Бурстин Д. Американцы. Национальный опыт. М.: Прогресс, 1993. С. 435 и далее.

5. Цит. по: Московичи С. Указ. соч. С. 465.

6. Подробное описание данного исследования и его результатов читатель найдет в книге: Грушин Б.А. Массовая информация в советском промышленном городе. М.: Политиздат, 1980.

7. См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации. М.: РОССПЭН, 2000. С. 177-180.

Глава 5

1. Фулье А. Психология французского народа // Революционный невроз. М.: 1998. С. 16.

2. См.: Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3; Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994. С. 122.-140.

3. См.: Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 116-117.

4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 15.
5. См.: Дилигенский Г.Г. Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО, 1998. С. 36-60.
6. См.: Россия на рубеже веков. М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 2000. С. 352.
7. См.: Там же. С.173-179.

Глава 6

1. См.: Lasswell H.D. Psychopathology and Politics. Chi. & L: The Univ.of Chicago Press, 1986. Pp. 38-152.
2. Голль Ш. де. Военные мемуары. М.: ИЛ, 1957. С. 328.
3. См.: Tetlock P.E. Cognitive Style and Political Belief Systems in the British House of Commons // Journ. of Personality and Social Psychology, 1984. Vol. 46. Pp. 365-375; Idem. Personality and Isolationism // Ibid., 1981. Vol. 41. Pp. 737-743.
4. См.: Rejai M., Phillips K. The World Revolutionary Leaders. L: Frances Pinter, 1983.
5. См.: Блондель Ж. Политическое лидерство, М.: 1992. С. 66.
6. См.: Шестопап Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. Ср.: Климова СТ., Якушева Т.В. Образы политиков в представлениях россиян // Полис. 2000. № 6.

СОДЕРЖАНИЕ	
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
Глава 1	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ.....	11
Глава 2	
ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ОТНОШЕНИЙ К ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ДИСПОЗИЦИЯ, МЫШЛЕНИЕ.....	49
Глава 3	
СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	89
Глава 4	
МАССЫ И МАССОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	125
Глава 5	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПОЛИТИКА.....	153
Глава 6	
ПОЛИТИКИ ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА.....	193
Примечания.....	235

Андреев Андрей Леонидович Политическая психология

Оформление серии *Пестрцово́й А.А.*

Верстка *Поташевской Е.А.*

Корректор *Герман Г. И.*

ИД №03510 от 15.12.2000

Подписано в печать 25.10.2001

Формат 70х90 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,78

Тираж 5000 экз. Заказ 2639

Изд. № 07/01-И

ООО Издательство «Весь Мир»

Почтовый адрес: 101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а

Юридический адрес: 127214 Москва, ул. Софьи Ковалевской

Д. 1. стр. 52

Тел.: (095) 917-87-49, 917-80-46, Факс: (095) 917-92-59

Е-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru; <http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 577770131-0

9785777 "7 01312¹